

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Человек. Культура. Образование **Human. Culture. Education**

Научно-образовательный и методический журнал
Research and Instruction Journal

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 3 (45) 2022

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
 образовательное учреждение высшего образования
 «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
 (167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

	12+
	<i>Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-68795 от 17.02.2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Журнал зарегистрирован в РИИЦ (регистрационный номер 261-06 от 02.07.2012 г.) Выходит с 2011 г.</i>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; профессор факультета мировых языков и культур Российской государственной христианской академии (Санкт-Петербург, Россия);

Бурлыкина Майя Ивановна, доктор культурологии, доцент, Председатель Ученого совета Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Россия);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Забулоните Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Зюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, независимый исследователь (Сыктывкар, Россия);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Каунас, Литва);

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологии, профессор, Министерство социальных отношений, замминистра (Челябинск, Россия);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия);

Лю Лэи, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно (Салерно, Италия);

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор культурологии, доктор философских наук, доцент, профессор Экономического университета им. Г. В. Плеханова (Минск, Республика Беларусь);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Новикова Наталья Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, директор Института художественного образования (Санкт-Петербург, Россия);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сотникова Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Тулчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Шабает Юрий Петрович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и социально-гуманитарных проблем Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (Москва, Россия);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета; заместитель директора по науке Школы педагогики, профессор Департамента педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета (Чита, Россия).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии
Сыктывкарского государственного университета имени Питирима
Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Гудырева Любовь Васильевна, кандидат филологических наук,
руководитель издательского центра
Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук,
начальник отдела планирования и организации
научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного уни-
верситета имени Питирима Сорокина

Белкина Елена Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностраных языков института иностранных языков Сыктывкарского
государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, ведущий редактор издательского центра
Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.

E-mail: pce@syktsu.ru

Подписной индекс журнала в интернет-каталоге "Пресса России" — 34110	
Свободная цена	© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2022

12+	
<i>PI Media Registration Certificate No. FS 77-68795 dated 02.17.2017 issued by The Federal Service For Supervision Of Communications, Information Technology, and Mass Media Journal is registered in the Russian Science Citation Index (Registration No. 261-06 of July 7, 2012) Published since 2011.</i>	

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Elena E. Brazgovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy (Russia, St. Petersburg);

Maiya I. Burlykina, Doctor of Culture-study, Associate Professor, Chair-person of Scientific Board of the National Gallery of the Komi Republic (Russia, Syktyvkar);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Ulyana A. Vinokurova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Igor L. Zherebtsov, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulonite, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of St. Petersburg University; Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nikolai F. Zyuzev, Doctor of Philosophical Sciences (Russia, Syktyvkar);

Dalius Jonkus, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Galina M. Kazakova, Doctor of Culture-study, Professor, Ministry of Social Affairs, Deputy Minister (Russia, Chelyabinsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culture-study, Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture of St-Petersburg State Institute of Culture (Russia, Saint Petersburg);

Liu Leyi, Professor, Shandong University (China);

Emiliana Mangone, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno (Italy, Salerno);

Pavel G. Martysyuk, Doctor of Culture-study, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of Economics University named after G. V. Plekhanov (the Republic of Belarus, Minsk);

Liubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Natalia N. Novikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Olga S. Sapanzha, Doctor of Culture-study, Professor of Herzen State Pedagogical University, Director of the Institute of Fine Arts Education (Russia, Saint Petersburg);

Thoe Scott, Ph. D, Professor, Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Olga A. Sotnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Grigory L. Tulchinsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Yury P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Irina M. Shadrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Ekaterina N. Shapinskaia, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Social and Humanitarian Problems of the Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (Moscow, Russia);

Klavdiia G. Erdyneeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Pedagogy Department, Transbaikal State University; Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Far Eastern Federal University (Russia, Chita).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Lubov V. Gudyreva, Candidate of Philology,
Head of the Publishing House of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Elena P. Belkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate, Professor
of the Foreign Languages Department of the Institute of Foreign Languages
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, leading editor of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a

E-mail: pce@syktsu.ru

Subscription reference of the journal in the catalogue "Press of Russia" is 34110	
Flexible pricing	© FSBEI of Higher Education «Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Сы Суй. Метафора как культурный феномен в аспекте философии культуры.....	10
<i>Материалы, публикуемые в рамках Международной научной конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века» (26–28 мая 2022 года, г. Сыктывкар), приуроченной к юбилею СГУ им. Питирима Сорокина</i>	
Головин Н. А. Как влияет философия культуры О. Шпенглера на метод исследования социальной и культурной динамики в социологии П. А. Сорокина.....	21
Найденова Т. А., Найденов Н. Д. Питирим Сорокин о социальном пространстве.....	36
Попков Ю. В. Модель конвергенции и ее возможные социокультурные аналоги в условиях современной цивилизационной турбулентности: возвращаясь к идеям П. А. Сорокина.....	53
Шаронов В. И. Прошлое и настоящее наследия Льва Карсавина в культурно-историческом ландшафте Республики Коми (в контексте истории возвращения имени Питирима Сорокина).....	69
Снегур М. Р. Язык как инструмент перформанса национальной идентичности молодежи в Сети.....	106

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Мальшина Н. А., Каменская И. В. Значение проектной деятельности в функционировании вузов культуры и искусства Российской Федерации	120
Найденова Т. А., Швецова И. Н. Экономическая культура: сущность и содержание.....	145

ПЕДАГОГИКА

Гурленов В. М., Трофимова Ю. И. Навык и умение в овладении иноязычной речью.....	158
Карбачинская Н. Б., Харитонова Е. Е. Приложение Photomath: положительные и отрицательные факторы влияния на обучение математическим дисциплинам.....	173

CONTENTS

PHILOSOPHY OF CULTURE

Si Xu. Metaphor as a Cultural Phenomenon in the Context of Philosophy of Culture	10
---	----

The materials published in the framework of the International Scientific Conference «Pitirim Sorokin and Paradigms of Global Development in the 21st Century» (May 26–28, 2022, Syktyvkar) devoted to Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Anniversary

Golovin N. A. How O. Spengler's Philosophy of Culture Affects the Method of Investigating the Social and Cultures Dynamics in P. A. Sorokin's sociology	21
Naydenova T. A., Naydenov N. D. Pitirim Sorokin's Research of Social Space.....	36
Popkov Yu. V. The Convergence Model and its Possible Socio-Cultural Analogues in the Conditions of Modern Civilizational Turbulence: Returning to the Ideas of P. A. Sorokin.....	53
Sharonov V. I. The Past and the Present of Lev Karsavin's Heritage in the Cultural and Historical Landscape of the Komi Republic (In the Context of the History of Pitirim Sorokin's Name Return).....	69
Snegur M. R. Language as a Tool for Youth National Identity Performance in the Digital Network.....	106

CULTUROLOGY

Malshina N. A., Kamenskaia I. S. Significance of Project Work in Activities of the System of Higher Educational Institutions of Culture and Arts in the Russian Federation.....	120
Naydenova T. A., Shvetsova I. N. Economic Culture: Essence and Content....	145

PEDAGOGY

Gurlenov V. M., Trofimova Yu. I. Habits and Skills in Mastering Foreign Speech.....	158
Karbachinskaya N. B., Kharitonova E. E. Photomath Application: Favourable and Unfavourable Impacts on Teaching Mathematics	173

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья / Original article

УДК 811.111'373.612.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-10>

Metaphor as a Cultural Phenomenon in the Context of Philosophy of Culture

Si Xu

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
809521688@qq.com

Abstract. *Purpose of research. Metaphor is not only a linguistic phenomenon, but also a cultural phenomenon. Based on an analysis of metaphor, this paper explores the relevant cultural and philosophical resources for the study of metaphor and explains the cultural and philosophical significance of metaphor. The paper argues that metaphor builds a bridge between human beings and the world of culture, is a way of being for human beings, embodies human subjectivity and human creativity, and that metaphorical consciousness and thinking lay*

down the basic structure of cultural forms and construct the spiritual home in which human beings live.

Research Questions. Metaphor in cultural philosophy; Metaphors in relation to the human being; Metaphor as a cultural phenomenon.

Research Methods. This paper is based on an inductive analysis.

The Materials. The literature on metaphor in philosophy, philosophy of language and rhetoric.

The Results. This paper argues that metaphor is not only a linguistic phenomenon, but also a cultural phenomenon. Metaphor builds a bridge between human beings and the world of culture, is a way of being for human beings, embodies human subjectivity and human creativity, and metaphorical consciousness and thinking lay down the basic structure of cultural forms, constructing the spiritual home in which human beings live.

Keywords: Metaphor, Subjectivity, Human thinking, Cultural phenomena, Cultural philosophy, Language, Rhetoric, Symbols

For citation: Si Xu. Metaphor as a Cultural Phenomenon in the Context of Philosophy of Culture. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 3:10–20. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-10>

Метафора как культурный феномен в аспекте философии культуры

Сы Сюй

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия,
809521688@qq.com

Аннотация. Цель исследования: метафора — это не только лингвистический, но и культурный феномен. На основе анализа метафоры в статье рассматриваются соответствующие культурные и философские ресурсы для изучения метафоры и объясняется ее культурное и философское значение. В статье утверждается, что метафора устанавливает мост между человеком и миром культуры, является способом бытия человека, воплощает человеческую субъективность и человеческое творчество, а метафорическое сознание и мышление закладывают базовую структуру культурных форм и строят духовный дом, в котором живет человек.

Вопросы исследования: метафора в философии культуры; метафоры по отношению к человеку; метафора как феномен культуры.

Методы исследования: данная работа основана на индуктивном анализе.

Материалы: литература по метафоре в философии, философии языка и риторике.

Результаты: утверждается, что метафора — это не только лингвистический, но и культурный феномен. Метафора прокладывает мост между человеком и миром культуры, является способом бытия человека, воплощает человеческую субъективность и человеческое творчество, а метафорическое сознание и мышление закладывают базовую структуру культурных форм, конструируя духовный дом, в котором живет человек.

Ключевые слова: метафора, субъективность, человеческое мышление, феномены культуры, философия культуры, язык, риторика, символы

Для цитирования: Сы Сюй. Метафора как культурный феномен в аспекте философии культуры // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3. С. 10–20. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-10>

1. **Introduction.** Metaphor is not only a linguistic phenomenon, but also a cultural phenomenon, and human mental thinking and cultural activities are related to metaphor, "whatever else we are, we humans are metaphORIZING animals" [Johnson 1995, p. 157–162]. The study of metaphor by humans dates back to the ancient Greek period, when philosophers such as Aristotle conducted a systematic theoretical exploration of the nature and function of metaphor from a rhetorical perspective. "The greatest thing by far is to be the master of metaphor; it is the one thing that cannot be learnt from others; it is also a sign of genius, since a good metaphor implies an intuitive perception of similarity in the dissimilar" [Butcher, & Gassner 1951, P. 22]. Metaphor has become a hot topic in philosophical research because of the "cultural turn" in Western philosophy since the 20th century (including the "linguistic turn", "existential turn", "hermeneutic turn", "postmodern turn", "cultural critical turn", "semiotic turn", "ethical turn", "political turn", "theological turn" and other philosophical trends [Ouyang Qian 2015, P. 11–19]). The object of philosophical research has always been the question of the coherence between thought and reality, the study of 'truth'. According to Nietzsche, so-called 'truth' is nothing more than a golden rule that has been developed through the poetic and rhetorical reinforcement of metaphor, metonymy, or anthropomorphism. He de-

scribed himself as using a hammer to study philosophy in order to destroy the wall between poetry and truth [Hinman 1982, P. 179–199]. Heidegger's metaphorical view, meanwhile, clearly represents his own existentialist view of truth and philosophy [Casenave 1982, P. 140–147]. In Heidegger's existential theory, metaphor also plays an important role in the cultural dimension of human existence and is an important factor in the development of poetic meaning. Metaphor allows for the adaptation of logical space, of language, which does not exist in the objective world, but is a creation of the human imagination. The presence of metaphor allows for a greater degree of openness in the linguistic sphere, and the presence of metaphor allows for a change in beliefs, a change in concepts, rules and thus in beliefs, through a change in the use of words. Cassirer's view of metaphor is presented in a meticulous system of cultural philosophy. He argues that the relationship between man and nature established by metaphor, as the original language of man, has a primordial sameness. Richards states that "metaphor is an omnipresent human principle" [Richards 1936, P. 115–138]. He introduced the idea of metaphorical interaction and began to explore metaphor from the perspective of the philosophy of language. In *The New Science*, Vico points out that the regularity of different national cultures has a great deal to do with the metaphorical thinking that people have developed, which he considers to be the "poetic intelligence" of human beings, and he also notes that the interdisciplinary nature of metaphor studies now allows for greater recognition of the complex ways that metaphor arises from the interaction of brains, bodies, languages, and culture [Vico 1997, P. 98]. According to Habermas, philosophy must confront everyday practices and the world of life, thus pushing human beings to deepen their self-understanding in a cultural dimension. Therefore, the study of metaphor developed in the context of cultural philosophy has certain relevance.

2. Cultural and philosophical analysis of metaphor. *Firstly, metaphorical thinking is a scientific way of thinking, a new way of perceiving the world, building a bridge between humans and the cultural world.* Metaphor has moved from the study of language as a rhetorical device to the study of conceptual and cognitive functions as a

phenomenon of thought, with the aim of drawing on the richness of metaphor in our everyday lives to understand "how people systematically apply one conceptual field to another, and thus how they think and express their patterns of thought". [Lakoff & Johnson 1980, P. 2]. The separation and opposition between man and the world is a result of human progress and an inevitable consequence. But people use metaphors to constantly construct connections between things, thus conceptually constructing a "one" world in which man and nature are united. People take their true nature and society as their physical and spiritual home and become one with it, deriving their support and enjoyment from it. In *Language and Mythology*, Cassirer introduced the concept of 'metaphorical thinking'. He emphasises that the existence of this kind of thinking allows for the smooth representation of linguistic concepts; metaphorical language is the basic orientation of human activity, providing a new direction for human activity, and also influencing the formation and development of culture. Language, as one of the symbolic forms of culture, and myth are two branches that are close relatives or born from the same root, since they are both given to man as a very early and common experience, an experience of social nature rather than physical nature. Metaphors ultimately recognise the essential character of things by comparing and analysing the similarities between two or more things that are not connected in any way. This exemplifies the process of symbolisation of human culture as revealed by Cahill.

The a priori existence of metaphorical thought mediates the production of new meanings for symbols and is an important reason why human culture, of which the world and people are a part, can be symbolised. In this sense, the power of metaphorical thinking exists between the sign's energy and reference, and the presence of the power of metaphorical thinking constitutes this metaphorical world. "We need to draw on known concepts or conceptual systems and project this into the unknown in order to gain new knowledge and understanding" [Wang Yin 2003, P. 7]. Metaphor is therefore an important tool and instrument in the exploration and elaboration of new worlds. The understanding of metaphor depends not only on the comprehension and use of the linguistic perspective, but also on the understanding and percep-

tion of the cultural perspective. It is these vast systems of metaphorically rich symbols that construct and influence human behavioural norms and social perceptions.

Secondly, metaphor is a way of being for people. In 1980, Lakoff and Johnson's book *Metaphors We live by* first introduced the proposition of conceptual metaphors and incorporated metaphors into the study of human behavioural activities, ways of thinking, conceptual categories and cultural symbols. In 1999, they In their book *Philosophy of Experience*, the duo conducted an in-depth inquiry against traditional empiricism and rationalism and presented a critical perspective. They put forward the basic principles that philosophy of experience should follow, namely the experiential nature of the mind, the unconscious nature of cognition, and the metaphorical nature of thought. "Concepts are formed through the body, the brain and the experience of the world. "People form new concepts and construct new semantics based on their ongoing experience. Language and reality, that is, in perception and concepts, are formed on the basis of people's minds. Metaphor is rooted in the bodily constitution, everyday experience and knowledge of human beings, in a series of ontological or cognitive correspondences between the signifier and the signified. The process of perceiving external things in the body is a mapping process from the source domain to the target domain, and a transfer of experience. In general, the world is the world formed by the mapping of the body the objects of human perception are based on bodily perception, which is why the ancient myth of the creation of the "human body as earth" is transmitted in a very similar way by all peoples. "Mythological concepts, however colourful, varied, and untidy they may appear at first glance, have their own internal regularity" [Cassirer 1949, P. 45]. This shows that there is an objective basis for the homogeneity of all things in heaven and earth. Myths, however fantastic and disordered they may seem, can be found in their essence, and they are not just random ideas, but are based on creative thinking. The metaphorical nature of thought is determined by the subjective character of the body, and it can also be said that it is determined by the experiential nature of thought. For example, the ancient Chinese philosopher Xunzi believed that when judging things, people would

"take the body near and take things far". This reflects the ancient Chinese philosophers' perception of metaphorical thinking. The heterogeneous and homogeneous nature of all things in heaven and earth is the objective basis of metaphor, while the experiential nature of thinking is the direct cause of metaphor.

Thirdly, metaphors embody human subjectivity and human creativity. Metaphors are the product of human creativity, and their meaning is embodied in the process of use. The human being is the subject of creating metaphors and is also the subject of using metaphors to highlight meaning. In the construction of a metaphor, the choice of language by the metaphorizer needs to be well integrated with the specific cultural context and the overall context, and this principle must be well followed, while the recipient of the metaphor also has to play an important role. The correct interpretation of metaphors is also linked to the ability of the recipient to understand the metaphor, which emerges gradually in the process of communication and is not inherent. The meaning of a metaphor lies in the recipient's interpretation of the language, and this meaning does not remain constant, but changes as the recipient's ability and understanding increases. The metaphorical ability of the human being lies in his or her ability to understand the metaphorical content and to express the concept in a more original way. Rorty's view of metaphor emphasises the awakening of human subjectivity, believing that through the dialogue of metaphor, the metaphorist and the metaphoree interact, discovering the possibility of new life forms, promoting understanding between the metaphorist and the metaphoree, achieving a fusion of visions, and building a pluralistic, tolerant and liberal culture. We now know enough to feel confident in asserting that metaphor is a major player in human cognition, communication, and culture. [Gibbs, & Ortony 2008, P. 3]. Aristotle saw metaphor as a faculty that geniuses possessed, the ability to detect similarities between otherwise unrelated things, and as a gift, since it could not be developed through acquired learning. Metaphor, the basis of human thinking, the gene of culture, is present in everyone, but at different levels, in different forms and at different levels. The root cause of these differences is the user. The meaning of metaphors does not lie in the con-

struction of the metaphor but in the interpretation of the metaphor by the recipient, and only then can the meaning be brought out. The successful interpretation of a metaphor is also a cognitive act in which the subject plays a more important role.

Fourthly, metaphorical consciousness and thinking lay down the basic structure of cultural forms and construct the spiritual home in which human beings live. The psychological basis of metaphor is abstract cultural meaning. The conceptual metaphor based on cultural imagery in the process of formation is a kind of psychological feeling similarity, which refers to the similarity of the speaker or listener's thinking response to the feeling of something based on their own culture, living environment, social habits or other psychological factors. Each individual may have different versions of conceptual metaphors given their respective culturally contextualized experiences and interactions [Cameron 2008, P. 197–211]. When cultures have common understanding and make the same interpretation, constrained by common bodily experiences, they are likely to share conceptual metaphors, and vice versa [Yu 2008, P. 247–261]. There is a certain variability in the way different cognitive subjects of the category identify things, and there are many different reasons for this variation. Subjects are different and have different lifestyles, different lifestyles, different ways of thinking and different cultural literacy, and this creates a variety of differences. Influenced by these differences, it makes them adopt different perspectives when looking at the same metaphor and answer different meanings. This means that they choose different target domains for mapping, which naturally leads to different results. This is mainly due to the different personality factors of people. In particular, when people encounter things that they do not have experience of or experiences that they cannot express in words, they use metaphors to clarify them, and people operate differently, so the construction of metaphors will also vary. The construction and use of metaphors is made possible by the fact that the person who applies them has developed a greater knowledge of the objective world and is able to have a comprehensive understanding of the characteristics of the things that exist in it, so that he or she can make associations with things that are unknown to him or

her and find a way to represent them from his or her own experience base. Of course, this grasp of the characteristics of things is related to personal interest, the perception of things that interest people in their daily lives. It is the existence of difference that allows new metaphors to be created, to be noticed and to stimulate curiosity. The uniqueness of the individual is also reflected in the way people think, and this unique thinking determines the different perspectives they adopt when looking at something, forming different perceptions and constructing metaphors in different ways, using different similarities to describe them and give them different characteristics and meanings. Metaphors are therefore both cross-culturally convergent or universal, while at the same time exhibiting cross-cultural differences and relativities. Conceptual metaphor is a system of thinking developed in the cognitive process of reasoning about specific cultural imagery in the context of a conventionally shared culture and is a powerful cognitive tool for humans to conceptualise abstract categories. The trend to seek out language-mind-culture interactions in metaphor studies offers the best hope for understanding the prominence of metaphor in human understanding, yet one that appreciates the subtleties of human meaning making practices shaped by a variety of linguistic and nonlinguistic sources[Gibbs 2008, P. 3].

To sum up, metaphors help people discover and grasp the similarities between all things, through which they construct and experience everything in the world, realising the unity of humans with nature and the world. It is rooted in the world of life, a practical experience of human existence, a bridge to transform the world, and a way for human beings to know themselves. It reflects the light of human poetic wisdom and reveals the philosophical wisdom of human beings in understanding and transforming the world.

References

1. Johnson, M. (1995). Introduction: Why metaphor matters to philosophy. *Metaphor and Symbol*, 10(3), 157–162.
2. Butcher, S. H., & Gassner, J. (1951). *Aristotle's theory of poetry and fine art: with a critical text and translation of the Poetics. With a prefatory essay, Aristotelian literary criticism* (Vol. 42). Courier Corporation.

3. Ouyang Qian. (2015). The "cultural turn" in contemporary philosophy. *Social Science Front* (01), 11–19. 欧阳谦.(2015).当代哲学的“文化转向”. *社会科学战线*(01), 11–19.
4. Hinman, L. M. (1982). Nietzsche, metaphor, and truth. *Philosophy and Phenomenological Research*, 43(2), 179–199.
5. Casenave, G. (1982). Heidegger and metaphor. *Philosophy Today*, 26(2), 140–147.
6. Heidegger. (2000). *Being and Time* M. Translated by Chen Jiaying and Wang Qingjie. Beijing: Sanlian Bookstore. 海德格尔. (2000). *存在与时间* M. 陈嘉映、王庆节译. 北京：三联书店.
7. Rorty. (2003). Chance, irony and solidarity [M]. Translated by Xu Wenrui, Beijing: The Commercial Press, p. 33. 罗蒂. (2003). 偶然、反讽与团结[M]. 徐文瑞译, 北京：商务印书馆, 第33页.
8. Heidegger, M. (2002). *On time and being*. University of Chicago Press.
9. Richards, I. A. (1936). The command of metaphor. *The philosophy of rhetoric*, 1, 115–138.
10. Vico. (1997). *The new science* (Vol. 1) [M]. Translated by Zhu Guangqian, Beijing: The Commercial Press, p. 98.
11. Lakoff, G. Johnson, M. *Metaphors. We Live by* [M]. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
12. Wang Y. (2003). Philosophy of experience: a new philosophical theory [J]. *Philosophical Dynamics*, No. 7. 王寅.(2003). 体验哲学:一种新的哲学理论[J]. 《哲学动态》, 第7期.
13. Cassirer, E., & Cassirer, E. A. (1946). *Language and myth* (Vol. 51). Courier Corporation.
14. Gibbs, R. J., & Ortony, A. (2008). Metaphor and thought. *The Cambridge handbook of metaphor and thought*, 3.
15. Cameron, L. (2008). Metaphor and talk. *The Cambridge handbook of metaphor and thought*, 197–211.
16. Yu, N. (2008). Metaphor from body and culture. *The Cambridge handbook of metaphor and thought*, 247–261.

Сведения об авторе / Information about the author

Сы Сюй (Китай)

Si Xu (China)

аспирант, Уральский федеральный

PhD student, Ural Federal University

университет имени первого Прези-
дента России Б.Н. Ельцина

named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin

620002, Уральский федеральный
округ, Свердловская область, Екате-
ринбург, ул. Мира, 19

19 Mira street, Ekaterinburg, 620002,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

27.06.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

17.07.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

22.07.2022

Материалы, публикуемые в рамках Международной научной конференции «Питирум Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века» (26–28 мая 2022 года, г. Сыктывкар), приуроченной к юбилею СГУ им. Питирума Сорокина

Научная статья / Original article

УДК 316.73

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-21>

**Как влияет философия культуры О. Шпенглера
на метод исследования социальной и культурной
динамики в социологии П. А. Сорокина**

Головин Николай Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия, n.golovin@spbu.ru

Аннотация. В отличие от распространяющейся в российской социологии точки зрения о преемственности теории социальной и культурной динамики русско-американского социолога П. А. Сорокина (1889–1968) в отношении историсофского сочинения немецкого философа О. Шпенглера (1880–1936) о судьбе западноевропейской культуры в данном исследовании путем методологического анализа проблематики социальной эволюции в творчестве Сорокина, начиная с ранних сочинений (1914) и включая книгу «Современные социологические теории» (1928), доказано, что мировоззренческие позиции Шпенглера и Сорокина, связанные с исследованием истории культур, являются изначально самостоятельными и оригинальными, характеризуются принципиально разными синтетическими методами исследования культур. Логико-смысловой метод, использованный

Сорокиным при подготовке четырехтомной книги «Социальная и культурная динамика» (1937, 1941), является интегральным и приводит к иному решению вопроса о характере преемственности европейской культуры от античной к современной, нежели в сочинении «Закат Европы» Шпенглера (1918, 1922), также написанном с использованием методологического синтеза. Их выводы о характере эволюции европейской культуры значительно расходятся. С помощью аналогии культуры с жизнью человека Шпенглер доказывает автономию античной и современной европейской культуры после падения Римской империи. Сбор и статистическая обработка конкретно-исторических данных по направлениям анализа, их обобщение, доказательное объяснение причинных связей между ними в социальной эволюции приводят Сорокина к выводу о двух мегаволнах европейской культуры и прогнозу об ожидаемой ее третьей волне. Однако методологическая значимость «Заката Европы» Шпенглера для исследования социальной и культурной динамики Сорокиным проявляется в его обращениях к социологической разработке понятия социального времени. Делается вывод о том, что реконструкция логико-смыслового метода Сорокина является неполной без учета его полемических отношений с немецкими представителями «наук о культуре», которые во многих аспектах еще не изучены.

Ключевые слова: П. А. Сорокин, О. Шпенглер, социология культуры, философия культуры, история социологии, методология социологии, логико-смысловой метод

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00451.

Для цитирования: Головин Н. А. Как влияет философия культуры О. Шпенглера на метод исследования социальной и культурной динамики в социологии П. А. Сорокина // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3. С. 21–35. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-21>

How O. Spengler's Philosophy of Culture Affects the Method of Investigating the Social and Cultures Dynamics in P. A. Sorokin's sociology

Nikolay A. Golovin

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia, n.golovin@spbu.ru

Abstract. *In contrast to the view spread in Russian Sociology about continuity of the Theory of Social and Cultural Dynamics designed by the Russian-American sociologist P.A. Sorokin (1889–1968) in relation to historiosophic work by the German philosopher O. Spengler (1880–1936) on the fate of Western European culture, through methodological analysis of the texts dealing with the problems of social evolution in Sorokin's works from his early writings (1914) to "Contemporary Sociological Theories" (1928), this research proves that the worldview positions of Spengler and Sorokin are originally independent and original, marked by fundamentally different methodological positions in the study of cultures: objectivism or constructivism. The logical-semantic method used by Sorokin in his four-volume "Social and Cultural Dynamics" (1937, 1941) was developed in the study of the problem of continuity of European culture (ancient and modern) unlike the problematic synthesis of "The Decline of Europe" by Spengler (1918, 1922). As a result of the different methodological components, their conclusions about the nature of the dynamics of European culture diverge. Using a theoretical description of the fate of culture along the lines of mathematical physics combined with the theses of the Lebensphilosophy, Spengler shows the gap between ancient and modern Europe that occurred after the fall of the Roman Empire. The statistical processing of historical data, their generalization, and the provable explanation of causal relationships provide Sorokin's prediction of the expected third mega-wave in the dynamics of a unified European culture. The significance of Spengler's "The Decline of Europe" for Sorokin's study of social and cultural dynamics is evident in his further references to the development of the sociological concept of time. A methodological analysis of Sorokin's logical-semantic method is incomplete without taking into account his polemical relations with German representatives of the "sciences of culture", which in many respects have not yet been initiated.*

Keywords: *P. A. Sorokin, O. Spengler, Sociology of Culture, Philosophy of Culture, History of Sociology, methodology of Sociology, logical-semantic method*

Acknowledgment. *The research was funded by RFBR according to the project № 20-011-00451.*

For citation: Golovin N. A. How O. Spengler's Philosophy of Culture Affects the Method of Investigating the Social and Cultures Dynamics in P. A. Sorokin's sociology. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022;3:21–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-21>

Вводные замечания. Формирование метода исследования социальной и культурной динамики в социологии П. А. Сорокина (1889–1968) является продолжительным процессом, охватывающим его годы учебы в Санкт-Петербурге. Если полнее учесть указания в его автобиографических сочинениях, то следует признать, что его мировоззренческие установки, влияющие на теорию и метод, сложились также под влиянием многообразнейших обстоятельств: детства в сельском мире русского Севера и молодости в энергичной жизни петербургского мегаполиса. Повлияло и важнейшее психическое качество — прекрасно работающая память, способствующая мощнейшим обобщениям исследованных материалов в его научных трудах.

Обращаясь к анализу метода, приведшего к созданию масштабного исследования «Социальная и культурная динамика» (1937, 1941) европейского общества (Западная Европа и США), отметим, что этот метод все еще мало изучен даже признанными специалистами по социологии П. А. Сорокина. Одним из барьеров для более глубокого изучения этого вопроса является недостаточное внимание к дискуссиям П. А. Сорокина в немецком социологическом сообществе, где обсуждались его сочинения, в том числе в связи с методологическими вопросами социологии. Между тем именно рецензии в немецких журналах, например, на книгу «Социология революции» (1925), являются убедительным для него случаем критики специалистов, повлиявших на его отход от бихевиоризма (сомнения в этом методе, даже при увлеченности поиском формулы социального поведения, возникли у него еще в России, см. подробнее [1]).

В данном исследовании мы ограничимся только одним вопросом генезиса логико-смыслового метода, реализованного Сорокиным в его *opus magnum* — исследовании «Социальная и культурная динамика» (далее — «Динамика»), начиная с ранних сочинений 1914 г. и ограничившись выходом в свет книги «Современные социологические теории» (1928, далее — «Теории»).

Поводом является уже довольно распространенная в российских исследованиях точка зрения, согласно которой П. А. Сорокин

и его «Динамика» являются продолжением философии культуры, содержащейся в сочинении «Закат Европы» О. Шпенглера (1880–1936) (вышло в свет в 1918, 1922 гг.) в качестве дальнейшей разработки теории циклов в описании истории культур. Например: социолог П. А. Сорокин «...в XX в. будет продолжать шпенглеровскую парадигму в науке», «в XX в. шпенглеровскую линию продолжали такие ученые, как А. Тойнби и П. Сорокин», названные ученые аргументировали и углубили идеи Шпенглера и Данилевского [2, с. 16, 23, 29–30]. Другой пример: подход Сорокина к проблемам исторической социологии аналогичен шпенглеровскому: «По мнению О. Шпенглера, современный период характеризуется переходом от старой европейской культуры к новой культуре, носителем которой будут славянские народы, а центр ее будет расположен в Евразии. Развивая эту мысль дальше, П. Сорокин считал, что...» [3, с. 135–136]. «Во многом благодаря влиянию Освальда Шпенглера, Питирим Сорокин (1889–1968) стал последовательным приверженцем циклической теории исторического развития» [4, с. 435]. Указанная ошибочная точка зрения восходит к статьям В. В. Афанасьева (2005 и 2009 гг.) и уже закрепились в научной литературе, например: в исследовании В. Н. Алалыкина-Извекова имеются соответствующие ссылки на указанные статьи В. В. Афанасьева [5, с. 146–147]. Встречаются суждения и о косвенном влиянии идей Шпенглера на «Динамику» Сорокина [6], что требует дальнейших исследований. В связи с этим необходимы некоторые уточнения, в основном методологического плана.

Прежде всего, отметим, что актуальность исследований культуры Сорокиным и Шпенглером не являются ответом на вызов времени, состоящем в кризисе европейской культуры и общества в результате Великой войны (1914–1918). Если бы это было так, то оба сочинения классиков были бы уже давно забыты. Однако оба шедевра имеют более глубокое научное содержание в отношении проблем культуры, ее истории, всеобщей истории и, как будет продемонстрировано ниже, основаны на уникальности методологии обоих в исследовании действительно объемной общей им темы — истории европейской культуры и общества. Для обоснова-

ния этого утверждения обратимся к процессу формирования метода социологического исследования истории культуры, начиная с довоенных работ Сорокина вплоть до публикации замысла «Динамики» на страницах «Теорий».

Здесь есть как историческая, так и современная проблематика: в отличие от исчезнувших и продолжающих жить великих культур (египетская, китайская, андская...) вопрос о преемственности античной и западной культуры для нас является не только трудно-разрешимым, но и актуальным. Подчеркнем лишь его трудную разрешимость. По данным историка С. Файнера (и не только его), падение Римской империи привело к резкому падению уровня жизни простых людей, населявших эту территорию. «Только после успехов эпохи Возрождения XVI века европейцы стали воспринимать себя как сопоставимых с римлянами, и только просвещенный XVIII век стал считать свою цивилизацию равной римской» [7, с. 4]. Отсюда возникает вопрос о глубине разрыва и характере преемственности европейской культуры и цивилизации, выходящий за рамки реакции европейских интеллектуалов на разрушительную Великую войну. Он решается лишь профессиональным научным исследованием с использованием взаимно дополняющих методов, что уже заставляет ожидать разные результаты наблюдателей истории даже в пределах границ предметной области одной научной дисциплины. Итак, целью данного методологического поиска является доказательство того, что мировоззренческие и научные позиции Сорокина и Шпенглера по указанной проблеме являются изначально самостоятельными и независимыми друг от друга, следуют разной методологии изучения и описания истории культур.

Мировоззренческие источники формирования логико-смыслового метода П. А. Сорокина. Напомним структуру развитого логико-смыслового метода, раскрытую в «Динамике». Метод синтетичен, представляет собой путь к особо понимаемой интегральной истине, существующей в трех ее формах. *«...Интегральная истина не идентична ни одной из трех форм истины, но охватывает их все.* Интегральная истина с ее трехмерным измерением

истины веры, разума и чувств ближе к абсолютной истине, чем любая из трех ее односторонних форм». Отсюда следует гносеология Сорокина: «...Реальность, открываемая интегральной трехмерной истиной с ее источниками — интуицией, разумом и чувствами — гораздо ближе к бесконечной металогической реальности с ее *coincidentia oppositorum* (совпадение противоположностей — *лат.* — *Н. Г.*), чем чисто чувственная или чисто рациональная, или же чисто интуитивная реальность, открывающаяся по отдельности каждой из этих систем истины» [8, с. 716].

Из данного хорошо известного специалистам гносеологического обобщения следует, что Сорокин признает наличие высоко абстрактной истины, не вполне постижимой рационально, приближение к которой обеспечивает его логико-смысловой метод, состоящий в рациональном познании на основе обобщения эмпирического материала с использованием философской интуиции. Именно здесь пролегает самый важный мировоззренческий и гносеологический раздел между Сорокиным и Шпенглером. Синтетическое понятие истины Сорокина доказывает, что его гносеологическая позиция, реализуемая в социологии, весьма близка объективизму, в то время как шпенглеровская — в значительной мере ближе к конструктивистским высказываниям, связанным с философией жизни популярного французского философа А. Бергсона и на различении методов познания природы (математическое описание) и культуры — «понимающая» аналогия. Обе методологические позиции уже в свое время были уязвимы для критики. О концепции автономных великих культур Шпенглера заметим вслед за немецким писателем Т. Манном: очень странно, что «только господин Шпенглер понимает их все вместе и каждую в отдельности и так рассказывает, так поет о всякой культуре, что любо-дорого слушать» [9, с. 118]. По поводу метода Сорокина здесь достаточно отметить недооценку им конструктивистского начала в любой теории, соответственно в теоретическом описании истории культур, с оговоркой, что конструктивизм к тому времени еще не утвердился в социологии.

После Первой мировой войны мировой мир не наступил, но разрушилась его оптимистическая картина, созданная теоретиками прогресса. В рассматриваемом сочинении Шпенглера, концепция которого была создана в 1911 г. еще до начала Великой войны, доказывается, что понятие прогресса неприемлемо, так как в действительности есть лишь «биографии великих культур и отношения между ними» [10, с. 69], а в Европе — только две автономные великие культуры: античная (VII в. до н.э. — III в.) и западноевропейская (1000–2200).

Одновременно и безотносительно к сочинению Шпенглера (которое, повторимся, даже еще не вышло в свет), начинающий петербургский социолог Сорокин под влиянием своих великих учителей (историк и социолог Н. И. Кареев, социологи М. М. Ковалевский и Е. В. Де Роберти, правовед Л. И. Петражицкий) обращается к философскому анализу исторического изменения общества в категориях немецкой классической философии «становления» и «ставшего», то есть обсуждает проблематику социальной эволюции. Эти же философские категории методологически используются Шпенглером в «Закате Европы» с той же познавательной функцией, но это не более, чем всеобщий идейный контекст, созданный немецкой классической философией — самым влиятельным направлением в этой науке за всю ее историю.

В статье «Обзор теорий и основных проблем прогресса» (1914) Сорокин реферирует современные ему теории социальной эволюции и доказывает, что признание конечного числа форм социального устройства неизбежно приводит к циклизму в учениях о социальной эволюции. В случае признания вариативности этих форм признается и их уникальность, неповторимость, то есть необратимость процесса социальной эволюции во времени, которая видится теоретику как «кривая причудливой формы», а сам процесс эволюции становится тождественен историческому процессу [11, с. 600]. Понятие эволюции, в отличие от оценочного понятия прогресса (позапное движение к лучшему будущему), является безоценочным, то есть научным. (Если отказаться от оценочного содержания теорий прогресса, то, согласно Сорокину, они станут

теориями эволюции.) Таким теориям обязательно нужна эмпирическая верификация, подтверждение достоверности их выводов. Таким образом, в рассмотренной статье о теориях эволюции уже выражена объективистская гносеологическая позиция Сорокина, влияющая на разработку будущего логико-смыслового метода исследования социальной и культурной динамики общества.

Оба теоретика, Шпенглер и Сорокин, обращаются к творчеству «наиболее знаменитого из современных философов» А. Бергсона [11, с. 671]. Сорокин реферирует его теорию социальной эволюции, в том числе суждение о том, что в основе эволюции — творческий порыв, «исходящий из одной точки», который сначала разделился на два потока, создав миры растений и животных, а затем выделил из мира животных человека с интеллектом. Сорокин заключает: «Нам незачем следить за дальнейшим развитием любопытной конструкции Бергсона» [11, с. 604–605]. То, что в других сочинениях Бергсона, содержащих убедительную критику теории относительности А. Эйнштейна, включая вопрос об относительности скорости хода времени и доказательство абсолютной значимости его внутреннего переживания как конечной реальности познающего субъекта, например в книге «Длительность и одновременность» (1923), где развито мировоззренческое основание философии жизни, Сорокин оставляет без внимания. Шпенглер, знаток и почитатель Бергсона, напротив, принимает его тезис о внутреннем переживании времени, применив его к культуре как самостоятельному субъекту. В этом — важное гносеологическое различие в их интерпретации истории.

Именно с такой гносеологической позиции (на которой основан логико-смысловой метод будущей «Динамики») Сорокин будет все основательнее критиковать «Закат Европы» Шпенглера, вплоть до публикации книг, глав в книгах и статей о социальном времени, содержащих углубляющуюся критику и переоценку Шпенглера, в том числе в своей самой поздней книге «Социологические теории современности» (1966).

В случае более широкой проблематики данного исследования можно было бы продемонстрировать, что метод Шпенглера также

синтетичен: немецкий философ следует своему профессиональному вкусу к математике в решении вопроса о продолжительности бытия культур еще до Великой войны, вопроса, возникшего в результате более глубокого знакомства европейских ученых с другими великими культурами. Он использует дедуктивный вывод, математическую теорию множеств и их преобразований для доказательства структурной гомологии великих культур, методологически не отходя от тезиса Бергсона о внутреннем переживании времени как последней реальности их бытия. Однако все это — самостоятельные вопросы теории и методологии «наук о культуре».

Методологическое значение критики «Заката Европы» в «Теориях» П. А. Сорокина. Как известно, «Закат Европы» Шпенглера быстро приобрел беспрецедентную популярность. Она связана не только с финалом Великой войны, с которым совпал выход книги в свет, но и с тем, что, судя по множеству откликов на сочинение, Шпенглеру удалось заставить европейскую часть человечества задуматься о своей судьбе благодаря использованию наиболее доходчивой формы познания мира — «переживанию истории и культуры» как течения жизни [6, с. 22].

Сорокин не стал почитателем Шпенглера. Сначала он был среди тех, кто искал у него концептуальный плагиат, в том числе у русских философов Н. Данилевского и К. Леонтьева [13, с. 49, 634–635], считал Шпенглера явлением моды. Однако еще в России он отметил важность для науки проблематики Шпенглера [13, с. 486] и отнес его вместе с собой к представителям «непериодических циклов» в теориях культурной динамики [13, с. 647]. Здесь же он сформулировал совокупность гипотез о динамике общества, чтобы понять, что в процессе истории относительно постоянно, каузально связано, универсально, а что — временно, чисто локально, эпизодично, а также впервые изложил для читателя свой замысел «Динамики» [13, с. 650–652].

Это обстоятельство позволяет подчеркнуть еще одно существенное мировоззренческое различие между Сорокиным и Шпенглером как философом и социологом культуры: их разное отноше-

ние к жизни как к ценности. Если для Шпенглера жизнь представляет собой методологическое понятие для описания истории великих культур по аналогии с биографией разных людей, то для Сорокина жизнь является величайшей ценностью, а не научным понятием, так как жизнь шире «поля науки». Она включает множество ненаучных ценностей (например, Бог, семья, товарищеские отношения).

Развивая замысел исследования динамики культур, Сорокин в «Теориях» обобщает уже достигнутый уровень развития методов исследования эволюции общества. Он считает, что понятийный аппарат для этого уже разработан, но в реальных исследованиях все еще преобладает использование количественных методов, а «в качественном отношении сделано в ней было совсем немного». Обозревая в связи с этим результаты культурной антропологии, он высоко ценит научные наблюдения за распространением «весомых достижений культуры...» по миру и отмечает, что «накопление точных и количественных данных об этих явлениях позволяет нам построить индуктивную теорию социальной циркуляции, перемещения, распространения, исчезновения, модификации, комбинации и разъединения компонентов культуры, а благодаря этому и “динамику” культурных комплексов». Есть и другая группа исследований социальной динамики, посвященных территориальной миграции. Они основаны на статистике, свободны от философской спекуляции, служат теоретическому описанию процессов социальной мобильности, например, выполненному им же в книге «Социальная мобильность» (1925) [13, с. 656–658].

Далее, в «Теориях» (и не только) Сорокиным более обобщенно указано на еще одно из существенных различий социологии и философии, на что также ссылается Шпенглер в сочинении «Закат Европы». Социология с необходимостью использует статистический анализ эмпирических данных о динамике общества, а математик и философ Шпенглер применяет к истории культур новейшие достижения высшей математики (теория множеств и их преобразования) в сочетании с организменной аналогией жизни человека и жизни культур, как в философии жизни, влекущей за со-

бой веру в судьбу культур и общества, в их конец (что также бесспорно).

Вопрос о судьбе либо вероятном конце европейской культуры выяснен Сорокиным в «Динамике» на эмпирическом материале и доказано, что в данной культуре ожидаема новая, третья мегаволна в направлении от чувственной к идеациональной культуре (при этом промежуточного неустойчивого гармоничного состояния может и не наступить). В этом отношении методологии Шпенглера и Сорокина, соответственно их выводы о судьбе либо волновой динамике культуры совершенно расходятся и соотносятся между собой как по-разному скомпонованные математика, дедукция, понимание (Шпенглер), как статистическая обработка данных, их обобщение, доказательное объяснение, прогнозирование (Сорокин). При этом способы использования обоими классиками эмпирического материала истории культуры — остаются самостоятельным и не раскрытым здесь исследовательским вопросом.

Заключение. Творчество социолога Сорокина не является одним из многих продолжений историософского труда Шпенглера «Закат Европы». Оно совершенно самобытно. Вместе с тем некоторое влияние Шпенглера состоит в разработке Сорокиным в дальнейшем творчестве социологической концепции социального времени, где он полемизирует с немецким философом по этому фундаментальному культурологическому вопросу, к исследованию которого он возвращался не раз.

Еще в российский период в социологии Сорокина без влияния Шпенглера стали формироваться составные части его логико-смыслового метода, сделавшие в дальнейшем «Динамику» масштабной альтернативой «Закату Европы» в социологии. Они получили развитие в «Теориях». Однако «Теории» не позволяют проследить весь ход формирования логико-смыслового метода. Остались без рассмотрения многие конкретные обстоятельства его почти полного отказа от бихевиоризма. Не рассмотрена и интуитивистская составляющая логико-смыслового метода, восходящая к петербургским философам-интуитивистам, связь интуитивизма

Сорокина с популярной в России философией Ницше, знакомой ему со студенческих лет.

Список источников

1. Головин Н. А., Ломоносова М. В. Немецкое издание «Социологии революции» Питирима Сорокина и ее оценка германским социологическим сообществом // Социология науки и технологий. 2021. № 2(12). С. 44–57.
2. Хренов Н. А. Из истории становления науки о культуре: Освальд Шпенглер как предшественник Питирима Сорокина // Наследие. 2019. № 2(15). С. 9–35.
3. Афанасьев В. В. Историческая социология Данилевского, Шпенглера и Сорокина // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 129–137.
4. Афанасьев В. В. Либеральное и консервативное // Шпенглер О. Политические произведения. М.: Канон+, 2009. С. 223–526.
5. Алалыкин-Извеков В. Н. Философско-исторические воззрения П. А. Сорокина: генезис и эволюция. Томск: Томский ЦНТИ, 2017. 166 с.
6. Степанова А. А. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг.: поэтология фаустовской культуры. СПб.: Алетейя, 2015. 494 с.
7. Finer S. E. The History of Government from the Earliest Times: Ancient monarchies and empires. Vol. 1. Oxford; New York: Oxford University Press, 1997. XVI, 610 p.
8. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступ. ст. и комм. В. В. Сапова. М.: Академический проект, 2020. 964 с.
9. Манн Т. Об учении Шпенглера // Аристократия духа: сборник очерков, статей и эссе. М.: Культурная Революция, 2009. С. 115–122.
10. Шпенглер О. Закат Западного мира: очерки морфологии мировой истории: [в 2 т.] / пер. с нем., предисл. И. И. Маханькова. Т. 1: Образ и действительность. М.: Академический проект, 2009. 648 с.
11. Сорокин П. А. Обзор теорий и основных проблем прогресса // Сорокин П. А. Ранние сочинения: 1910–1914 гг. / сост., вступ. ст. В. В. Сапова, комм. В. В. Сапова и С. Н. Казакова. СПб.: Изд. дом «Миръ», 2014. С. 591–613.
12. Бергсон А. Длительность и одновременность: по поводу теории Эйнштейна. 2-е изд. М.: Добросвет: КДУ, 2013. 160 с.
13. Сорокин П. А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / пер. и сост. А. К. Конюхова и В. В. Сапова; вступ. ст. и комм. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2021. 912 с.

References

1. Golovin N. A., Lomonosova M. V. The German Edition of The Sociology of Revolution (1928) by Pitirim A. Sorokin and the Professional Perception of This Book in the German Sociological Community. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science & Technology], 2021, no 2(12), pp. 44–57. (In Russ.)
2. Khrenov N. A. From the history of the formation of the science of culture: Oswald Spengler as the predecessor of Pitirim Sorokin. *Nasledie* [Heritage], 2019, no 2(15), pp. 9–35. (In Russ.)
3. Afanas'ev V. V. Historical Sociology of Danilevsky, Spengler and Sorokin. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2005, no 5, pp. 129–137. (In Russ.)
4. Afanas'ev V. V. Liberal and Conservative. In: Shpengler O. *Politicheskie proizvedeniya* [Political Works]. Moscow: Canon+ Publ., 2009, pp. 223–526. (In Russ.)
5. Alalykin-Izvekov V. N. *Filosofsko-istoricheskie vozzreniya P.A. Sorokina: genezis i evolyuciya* [P.A. Sorokin's Philosophical and Historical Opinions: Genesis and Evolution]. Tomsk: Tomskij CNTI Publ., 2017. 166 p. (In Russ.)
6. Stepanova A. A. «*Zakat Evropy*» *Osva'da Shpenglera i literaturnyj process 1920–1930 gg.: poetologiya faustovskoj kul'tury* [Oswald Spengler's "The Decline of Europe" and the literary process of the 1920s and 1930s. The poetology of Faustian culture]. Saint Petersburg: Aletejya, 2015. 494 p. (In Russ.)
7. Finer S. E. The History of Government from the Earliest Times: Ancient monarchies and empires. Vol. 1. Oxford; New York: Oxford University Press, 1997. XVI, 610 p.
8. Sorokin P.A. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Transl. from Eng., introductory article and comments by V. V. Sapov. Moscow: Akadem. proekt Publ., 2020. 964 p. (In Russ.)
9. Mann T. On the doctrine of Spengler. In: *Aristokratiya duha: sbornik ocherkov, statej i esse* [The Aristocracy of the Spirit: a collection of articles and essays]. Moscow: Kul'turnaya Revolyuciya, 2009. pp. 115–122. (In Russ.)
10. Shpengler O. *Zakat Zapadnogo mira: ocherki morfologii mirovoj istorii: in 2 Vol.* [The Decline of the Western World: Essays on the Morphology of World History: 2 Vol. Transl. from German and Preface by I. I. Mahan'kov. Vol. 1: *Obraz i dejstvitel'nost'* [Image and Reality.]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2009. 648 p. (In Russ.)
11. Sorokin P. A. Review of the theories and main problems of progress. In: Sorokin P.A. *Rannie sochineniya: 1910–1914 gg.* [Early Writings: 1910–1914].

Collect, preface article by V. V. Sapov, komment. by V. V. Sapov and S. N. Kazakov. Saint Petersburg: Publ. house "Mir", 2014. pp. 591–613. (In Russ.)

12. Bergson A. *Dlitel'nost' i odnovremennost': po povodu teorii Einsteina* [Duration and simultaneity: about Einstein's theory]. 2nd ed. Moscow: Dobrosvet: KDU Publ., 2013. 160 p. (In Russ.)

13. Sorokin P. A. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Contemporary Sociological Theories]. Transl. and cjmpil. by A.K. Konjuhov and V. V. Sapov; introd. art. and Comments by V. V. Sapov. Syktyvkar: Anbur Publ., 2021. 912 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Головин Николай Александрович

Nikolay A. Golovin

доктор социологических наук,
профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of Saint Petersburg State University

199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9.

7/9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034 Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

09.06.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

15.07.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

17.07.2022

УДК 101.3:130.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-36>

Питирим Сорокин о социальном пространстве

Найденова Татьяна Анатольевна¹,

Найденов Николай Дмитриевич²

¹Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия,

²Российский университет кооперации, Мытищи, Россия

¹NaydenovaTA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8030-6960>

²ND.Naidenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5159-6014>

Аннотация. Одним из признаков последних лет стало использование пространственных категорий в исследовании культурных и этнических аспектов общественного развития. Без пространственных категорий невозможно развитие управления регионом и межрегиональных отношений. В пространстве взаимодействуют различные социальные акторы и культуры этносов. В этой связи важно рассмотреть теорию социального пространства, предложенную П. Сорокиным. Поведение социальных агентов в социальном пространстве детерминировано не только экономическими интересами, но и целым комплексом других факторов. В социуме взаимодействуют территория, население, ресурсы, а также культура, традиции, обычаи. В статье показано, что категория социального пространства позволяет П. Сорокину перейти от описания частных социальных явлений, смыслов и конфликтов к концепции общественного развития. Общество в своем развитии проходит волнообразное движение: от идеальной стадии развития к чувственной через идеалистическую (промежуточную) стадию.

В социальном пространстве П. Сорокина индивидуумы всегда находятся в непрерывном процессе обмена веществ в виде получения одних веществ извне и создания новых бесконечно разнообразных в конкретных проявлениях результатов.

Цель статьи — проанализировать вклад П. Сорокина в исследование социального пространства. Методы анализа: конкретно-научные методы; методы исследования общетеоретического уровня, исторический метод, сравнение, методы количественного и качественного анализа. Ре-

зультаты исследования: подтверждено актуальное значение учения П. Сорокина о социальном пространстве в формировании научной базы для совершенствования регулирования пространственного развития Российской Федерации.

Ключевые слова: пространство, П. Сорокин, географическое пространство, социальное пространство, система координат социального пространства, социокультурный метод, этатизм, анархия

Для цитирования: Найденова Т. А., Найденов Н. Д. Питирим Сорокин о социальном пространстве // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3. С. 36–52. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-36>

Pitirim Sorokin's Research of Social Space

Tatiana A. Naydenova¹, Nikolay D. Naydenov²

¹ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

² Russian University of Cooperation, Mytishchi, Russia

¹ NaydenovaTA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8030-6960>

² ND.Naidenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5159-6014>

Abstract. *Recent years have seen the use of spatial categories in the study of cultural and ethnic aspects of social development. Without spatial categories, it is impossible to develop management of the region and interregional relations. Various social actors and cultures of ethnic groups interact in space. In this regard, it is important to consider the theory of social space as proposed by P. Sorokin. Not only economic interests determine the behavior of social agents in the social space, but also a whole range of other factors. Territory, population, resources, as well as culture, traditions, customs interact in a society. The article shows that the category of social space allows P. Sorokin to move from describing private social phenomena, meanings and conflicts to the concept of social development. Society in its development goes through a wave-like movement: from the ideational stage of development to the sensual stage through the idealistic (intermediate) stage.*

In the social space of P. Sorokin, individuals are always in a continuous process of metabolism in the form of obtaining certain substances from the outside and creating new results that are infinitely diverse in specific manifestations.

The purpose of the article is to analyze the contribution of P. Sorokin into the study of social space. Methods of analysis: concrete scientific methods; research methods of general theoretical level, historical method, comparison, methods of quantitative and qualitative analysis. Results of the study: relevant significance of P. Sorokin's teachings on social space in formation of a scientific basis for improv-

ing the regulation of the spatial development of the Russian Federation was confirmed.

Keywords: *space, P. Sorokin, geographical space, social space, coordinate system of social space, sociocultural method, statism, anarchy*

For citation: Naydenova T.A., Naydenov N.D. Pitirim Sorokin Research of Social Space. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022;3:36–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-36>

Введение. Идея социального пространства наполнена многообразными смыслами и методами исследования. В частности, социальное пространство может включать в себя однотипные статусы людей, живших в разных эпохах и обществах, или статусы людей, живущих на определенной территории в городе, селе. Социальное пространство может быть представлено также путем использования метода социальной топографии в виде карт социальной топографии [1].

Метод, который использовал П. Сорокин для исследования социального пространства, мы называем социокультурным методом. Он строится на следующих правилах. Первое — в исследовании применяются дедуктивная и индуктивная логики. Второе — в начале исследования признается, что большие посылки различных культур могут быть разными. Третье — имеет место беспристрастная позиция по отношению к тому, «справедливы или несправедливы большие посылки. Четвертое — элементы исследуемой культуры подлежат интеграции с точки зрения больших посылок и непрекаемых канонов логической достоверности» [2, с. 41].

П. Сорокин обратился к проблеме социального пространства впервые в 1926 г. в статье «Социальная мобильность» [3]. В 1927 г. в работе «Социальная и культурная мобильность» [4] в разделе «Социальное пространство, социальная дистанция, социальное положение» П. Сорокин использовал термин «социальное пространство». По его мнению, все многообразие общественных явлений невозможно понять, помещая их в географическое и биологическое пространства, а их полноценное исследование требует привлечения категории социального пространства.

Цель статьи – проанализировать вклад П. Сорокина в исследование социального пространства.

Методы исследования, теоретическая база. В статье используются общеполософские, общенаучные и социологические методы исследования. К общеполософским методам исследования относятся гносеологический, онтологический, диалектический подходы.

К общенаучным методам относятся анализ, синтез, индукция, дедукция, математические методы.

К социологическим методам относятся структуралистский и конструктивистский методы. Структуралистский метод основывается на положении, что в центр внимания исследователя ставятся люди, которые образуют стабильные и упорядоченные единицы, стабильность которых обеспечивают социальные институты (например, город, село, регион, страна). Конструктивистский метод состоит в предположении, что физическое пространство является отображением социальной структуры общества, его культуры и менталитета.

Теоретической базой исследования являются труды П.А. Сорокина, источники по вопросам социального пространства российских и зарубежных ученых. Практическая реализуемость исследования состоит в разработке теоретических проблем и доведении их до уровня конкретных рекомендаций.

Результаты исследования и их обсуждение. Обзор литературы. В социологических и региональных исследованиях существуют концептуальные подходы к рассмотрению социального пространства. Мы выделили три основных подхода к определению социального пространства.

1. Социальное пространство — это географическое расположение акторов, действий и смыслов [5].

2. Социальное пространство — это порядок социальных позиций акторов, сфера общественных отношений, структурируемая статусами социальных акторов, совокупность социальных факторов, объединяющая людей в общество. Обоснование этой позиции

приведено в работе Э. Дюркгейма «Разделение труда в обществе», опубликованной в 1893 г. [6].

3. Социальное пространство — это сфера взаимодействия социальных статусов акторов в переплетении с географической средой [7]. П. Бурдьё использует термин «социальное пространство» в смысле набора всех возможных должностей, которые доступны для занятия в любой момент времени или в любом месте.

Культура является основным элементом, наполняющим социальное пространство, — так считает Андреас Реквиц [8].

В современном обществе ценится всё уникальное — люди, вещи, места, события и сообщества, а всё стандартное и общее уходит на второй план. Это важное отличие современного периода развития общества по сравнению с индустриальной эпохой и модерном. Эпоха, в которой сегодня мы живем, является обществом сингулярностей. В ней господствует всё единичное и неповторимое. Погоня за уникальностью и аутентичностью далеко не всегда идет на пользу обществу: растет экономическое неравенство, набирают силу движения радикальных националистов. Но вернуться назад, к предсказуемому и однородному обществу индустриального модерна, теперь невозможно. Остается только приспособливаться к особенностям общества сингулярности и искать новые возможности для развития [8]. По мнению А. Реквица, международные конфликты происходят из противоречий культуры народов и государств [9].

3. А. Сокулер подчеркивает, что социальное пространство представляет собой совокупность имеющихся в обществе иерархических позиций. Вместе с тем социальное пространство — это еще и географическое пространство. Географическое и социальное пространства тесно переплетены между собой и являются проекциями друга на друга [10, с. 20–69].

С. А. Шестаков, подходя к изучению социального пространства, предлагает сначала определиться с идентичностью социальных групп, включаемых в социальное пространство, выявить их традиции. Важно найти идейное и материальное наследие групп, составляющих исследуемое социальное пространство. Социальное про-

странство очерчивается распространением религии, языка, норм государств среди народонаселения определенной территории. Для адекватного описания социального пространства требуется система координат. В качестве точек отсчета А. С. Шестаков предлагает использовать показатели «гармоничного внутреннего состояния» социального пространства, последовательного гармоничного целого, логически интегрированного единства. Важно, чтобы эти показатели выражали социальное пространство в ощущениях, непосредственно, без каких-либо экспериментов, абстрактных рассуждений. В качестве координат социального пространства С. А. Шестаков предлагает считать язык, религию, соотношение реализации принципов коммунитарного и индивидуального, идеологический вектор. С. А. Шестаков отмечает, что в российском социальном пространстве в 90-е годы имел место разворот от коммунистического идеологического вектора к посткоммунистическому либерал-большевизму, а в нулевых произошел разворот от либерализма и подражания западу в сторону традиционных российских национально-государственных ценностей (суверенитет государства, военная и экономическая безопасность, традиционные ценности семьи, русской культуры, сбережение народа) [11].

В. А. Аникин анализирует социальное пространство России в координатах веберовского понятия «жизненные шансы». Точка отсчета операционализируется на основе 24 показателей положительной и негативной привилегированности россиян и их домохозяйств в четырех главных сферах: экономические условия, ситуация на работе, человеческий потенциал, потребление и досуг. На основе данных мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН 2015–2018 гг. с помощью байесовских методов патентного классового анализа выделены классы: 1) непривилегированный низший класс (пенсионеры, безработные, неквалифицированный рабочий класс); 2) непривилегированный экономический нижний класс (низкооплачиваемые работники, занятые рутинным трудом); 3) низкий средний класс; 4) средний класс; 5) привилегированный «верхний класс» (высококвалифицированные работники, обладающие широкими возможностями в экономических и внеэкономических сферах) [12].

Эмилиана Мангоне замечает, что П. Сорокин формулирует закон социального пространства, который состоит в диверсификации и поляризации последствий одного и того же бедствия для разных сообществ. Эффекты бедствия не идентичны, более того, часто противоположны для различных индивидов и групп общества [13].

Основные черты социального пространства П. Сорокина. Выдающаяся роль в вопросах исследования социального пространства принадлежит П. Сорокину.

Как считает П. Сорокин, «социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли» [14, с. 298]. Индивиды, образующие народонаселение земли, неотделимы от собственных социальных статусов. Чтобы определить характер социального пространства, необходимо определить положение человека или какого-либо социального явления в его отношении к другим людям и другим социальным явлениям.

Категория социального пространства позволяет П. Сорокину перейти от описания частных социальных явлений, смыслов и конфликтов к концепции общественного развития. Общество в своем развитии проходит волнообразное движение: от идеациальной стадии развития к чувственной через идеалистическую (промежуточную) стадию. Периодически происходит изменение типа культуры, что является нормальным процессом. Вместе с тем важно отметить, что ни один из типов культуры не является исчерпывающим и не может использовать все возможности человечества и достичь максимального прогресса. Ни один тип социального пространства не может быть полностью уничтожен другим. Ни один тип социального пространства не является целиком ошибочным [15].

П. А. Сорокин о простейшем социальном явлении. В работе «Система социологии» (Т. 1. «Социальная аналитика». Часть 1. «Учение о строении простейшего (родового) социального явления» [16, с. 6]) П. А. Сорокин обосновывает положение, что взаимодействие является простейшим социальным явлением. Вся общественная жизнь и социальные процессы могут быть разложены

на явления и процессы взаимодействия двух или большего числа индивидов. Взаимодействие, по Сорокину, сводится к следующим элементам: потребности, акты действия, аппараты раздражительные и аппараты реагирования, проводники взаимодействия. Проводники взаимодействия включают звуковые, световые, механические, тепловые, двигательные, химические, электрические, вещественно-предметные. Многие проводники являются символическими проводниками, так как они ассоциируются с определенными переживаниями.

Формы взаимодействия различаются в зависимости: от 1) количества и качества индивидов; 2) характера их актов; 3) природы проводников взаимодействия. В зависимости от проводников взаимодействия могут быть словесными, цветоцветовыми, двигательно-мимическими, химическими, механическими, тепловыми, опосредованными и непосредственными.

Детерминанты социального пространства. П. Сорокин рассматривает социальное пространство как срез общественной жизни, включающий воздействие детерминант (голод, болевые рефлексy, рефлекс свободы) на поведение людей в определенных географических границах, в границах распространения определенных религиозных взглядов, народов или государств [17]. Люди реагируют на детерминанты поведения и в конечном счете реализуют свое историческое развитие.

В социальном пространстве П. Сорокина сходные причины влекут за собой сходные последствия на фоне неповторяющихся линий исторического развития.

Роль обмена веществ между человеком и природой в социальном пространстве. В социальном пространстве П. Сорокина индивидуумы всегда находятся в непрерывном процессе обмена веществ в виде получения одних веществ извне и создании новых бесконечно разнообразных в конкретных проявлениях результатов. Человек получает энергию в виде одних веществ и создает энергию в других веществах, включая первобытные каменные топоры, современные города с библиотеками, музеями и зданиями.

В социальном пространстве П. Сорокина существуют независимые факторы (в данном случае голод) и зависимые переменные (в данном случае формы деятельности, направленные на преодоление голода). Связь между независимым фактором и зависимой переменной П. Сорокин называет пищетаксическим поведением. Пищетаксическое поведение — это любое поведение человека, прямо или косвенно стимулируемое голодом и направленное на добывание, овладение и поглощение пищевых объектов или их эквивалентов, например денег, дающих возможность получить пищу. Сила стимулирования и сила деятельной энергии человека взаимосвязаны и выступают как пищетаксис. Пищетаксис проявляет связь между пищевыми стимулами и ответными актами, которые одинаковы и у простейших биологических организмов, и у человека. Пищетаксис может быть двух типов: ориентирующий на пищевые объекты и ориентирующий на пищу лучшего качества по схеме голод – грубая пища/лучшая пища. Ответные акты на детерминанту голода могут быть дефицитно-пищетаксическими или относительно пищетаксическими. Пищетаксисы также делятся на простые и сложные, бессознательные и осознанные. Таким образом, П. Сорокин для характеристики социального пространства использует понятие пищетаксиса, что придает связи между детерминантой и ответной реакцией более объективный, чем понятие «потребность», характер [17, с. 123–124].

По мнению П. Сорокина, сводить детерминанты поведения (голод, половое влечение, самозащита, религиозные, правовые, эстетические раздражители) к эмоциям и потребностям было бы неправильно. Психологическое объяснение потребностей человека означало бы приписывание ему духов, душ и др. мистических категорий, что в связано с анимализмом [17, с. 132].

П. Сорокин о причинах и факторах формирования коллективных единств. В работе «Система социологии» [16, с. 6] П. Сорокин проводит различие между случайным единством людей и коллективным единством. Коллективные единства характеризуются, прежде всего, причинной зависимостью между функциональностью членов коллективного единства и проводниками как

посредниками взаимодействия людей. Принцип причинности или функционального отношения в коллективном единстве проявляется в формах телеологического единства, в других формах взаимодействия, если последние имеют причинно-следственный и систематический характер. Таким образом, анализ коллективного единства П. Сорокин реализует, отталкиваясь от качества индивидов, их актов и проводников взаимодействия.

П. Сорокин различает социологический реализм коллективного единства и биологический организм. В последнем случае речь идет о группе людей, рассматриваемой как реальность всякого живого биологического организма [16, с. 287–288].

П. Сорокин считает, что причины и факторы формирования коллективных единств всегда конкретны.

Условиями возникновения и угасания коллективных единств выступают космические, биологические, социально-психические факторы.

Обязательными элементами коллективного единства выступает шаблонизация взаимодействия [16, с. 342].

Линии координат социального пространства. П. Сорокин обращается к исследовательским подходам для характеристики социального пространства. Ученый выделяет три главные социологические школы, занимающиеся вопросами социального пространства: механическая, психологическая, социокультурная. Представители механической школы рассматривают географические и биологические параметры пространства. Психологическая школа ориентирована на психические аспекты акторов пространства. Возможности данных подходов ограничены и не позволяют исследовать социальное пространство во всем многообразии содержащихся в нем явлений. Более полно выявить взаимосвязи и социальные взаимодействия внутри социального пространства позволяет социокультурный подход. П. Сорокин акцентирует внимание на необходимость анализа существенных характеристик социальных явлений в их социокультурных аспектах: на изучение главных и повторяющихся форм социальных процессов в их дина-

мике, на детализацию общих отношений и взаимозависимостей между различными классами социальных явлений.

П. Сорокин обратил внимание на такую характеристику социального пространства, как социальная мобильность, под которой он понимал «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [14, с. 373].

П. Сорокин считает, что образы социального пространства служат в качестве вспомогательного средства для исследования социального пространства. Образы действительно полезны, если они подразумевают объективную картину социального пространства. Например, связь между голодом и актами реагирования на детерминанты, в том числе пицетаксисом, может быть представлена в виде рисунка следующим образом.

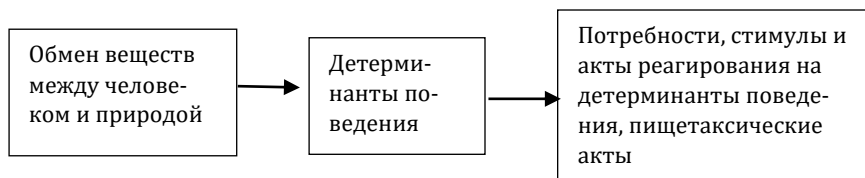

Рис. Схема связи между голодом и актами реагирования на детерминанты поведения

Источник: авторская разработка на основе работы П. Сорокина [17, с. 155].

На рисунке показано, что обмен веществ между человеком и природой обуславливает детерминанты поведения человека, а детерминанты поведения лежат в основе таксиса, который в свою очередь обуславливает потребности, стимулы и мотивы поведения и различных актов реагирования на детерминанты поведения.

Понятие свободы в социальном пространстве П. Сорокина. Важное место в социальном пространстве П. Сорокина занимает свобода. Под этим термином П. Сорокин понимает рефлекс,

направленный на освобождение от тех препятствий, которые ограничивают естественность движений живого организма. Животные по силе рефлекса свободы различаются на сервильных (они отдаются на милость победителя) и на особей с богатством рефлексов свободы (они борются с ограничениями, подчиняются им или приспособляются к ним). П. Сорокин относит англосаксов к нациям с выраженными рефлексам свободы, а русский народ (с чем трудно согласиться. — авт.) к народам, легко подчиняющимся любой крепко бьющей палке [17, с. 37].

Подавление рефлекса свободы голодом, по мнению П. Сорокина, является причиной возникновения рабства, колоната, крепостничества и других форм принудительной зависимости человека от человека, группы от группы [17, с. 137].

П. Сорокин считает, что в нормальном социальном пространстве свобода и автономия населения — это обычные явления. В противоположном состоянии свобода и автономия населения находятся в ходе революций и социальных потрясений. Революции и социальные потрясения ведут к тому, что производство, хозяйство разрушаются, мирный труд прекращается [17, с. 408–409].

Иллюзии/симулякры в социальном пространстве П. Сорокина. В социальном пространстве П. Сорокина могут быть восстания, усиления социальных движений, революции. В социальном пространстве, где происходят волнения, восстания и пр., обычными являются громкие призывы идти к светлому будущему, абстрактные требования свободы, равенства, братства, земли и воли. П. Сорокин называет их речевыми рефлексам, «пудрой», социологическим иллюзионизмом. Они не могут быть стимулом общественного развития, поскольку не имеют существенного значения для последнего. Позиция П. Сорокина о социальных позициях перекликается с концепцией Ж. Бодрийяра о симулякрах в модернистском/потребительском обществе [18, с. 206].

П. Сорокин о регулировании общественных отношений. П. Сорокин считает, что существуют две крайние формы государственного регулирования общественных отношений: принудительный этатизм и анархическое общество. (Здесь под регулиро-

ванием понимаются мероприятия государств по снижению флуктуаций социального пространства относительно нормального устойчивого состояния. — авт.) Благополучные страны характеризуются индивидуализмом, ростом автономии многих, падением опеки и широты и глубины регулирования общественных отношений со стороны государства, ослаблением централизма и абсолютизации во всех областях жизни, в частности в сфере экономико-продовольственных отношений [17, с. 452].

Принудительный этатизм означает такой тип государственного регулирования общественных отношений, при котором все стороны поведения и взаимоотношений граждан охвачены государственным регулированием и не оставляют места индивидуализму и автономии населения.

П. Сорокин отождествлял анархистское общество с царством разрушения, отрицающим порядок и ответственность [19]. Этатизму способствует имущественная дифференциация. Голод и этатизм находятся в параллельном соотношении: меньше голода — меньше этатизма.

Мы должны уточнить, что, по мнению анархистов, общественные отношения развиваются в силу взаимопомощи членов общества, но не в силу беспорядка [20]. Взаимопомощь не ведет автоматически к уничтожению государства, разрушению и отрицанию порядка и ответственности.

Обращаясь к критике П. Сорокиным социализма, заметим, что ученый считал социализм этатистской фазой цикла «голод — бунты — усиление этатизма — тенденция к анархизму — новации — преодоление голода» [17, с. 578]. П. Сорокин негативно относился к концепции общественных формаций.

Выводы. П. Сорокин показал, что социальное пространство имеет существенные отличия от других видов пространства, которые сводятся к пространственной протяженности явлений и отношений. Социальное пространство — это замкнутость действия в определенных территориальных границах социальных связей и отношений, в которые вовлечен любой человек в процессе взаимодействия с окружающими людьми, а также группами и обще-

ством в целом. Социальные координаты пространства могут быть заданы экономическим статусом (отношение к собственности на средства производства, место в организации труда, размер дохода); политическим статусом (ранг в государственной иерархии, партийная принадлежность, ранг в партийной иерархии); социальным статусом (субъективное восприятие индивидами других людей или самих себя).

Концепция социального пространства П. Сорокина предполагает изучение социальной стратификации и социальной мобильности как атрибутов социального пространства, различий в эффектах космических и биологических бедствий для различных сообществ; приобретает определенную значимость для понимания современных реалий рыночной экономики.

П. Сорокин привлек внимание исследователей изучению социального пространства. Использование категорий социального пространства расширяет возможности решения вопросов прогнозирования социально-экономического развития страны и совершенствования стратегического управления территориями.

Список источников

1. Рыгалова М., Брюханова Е. Историческая и социальная топография города: историографический обзор // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5 (97). С. 156–160.
2. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 2000. 1054 с.
3. Sorokin P. Social mobility// Journal of applied sociology, XI (Sept-Oct, 1926), 146–152.
4. Sorokin P. Social and Cultural Mobility. New York, London: Harper & Brothers. 1927, pp. 3–11.
5. Simmel G.: Der Bildrahmen: Ein ästhetischer Versuch // Der Tag. 1902 (Berlin) № 541, 18. November.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
7. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

8. Реквиц А. Общество сингулярностей: о структурных изменениях эпохи модерна. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 400 с.
9. Reckwitz A. Globale Konflikte: Der Kampf um das Kulturverständnis // Deutschlandfunk. 2017.30.04 URL: [https://www. Deutschlandfunk.de/globale-konflikte-der-kampf-um-das-kulturverstaendnis.11.84.de.html?dram.article_id=418700](https://www.Deutschlandfunk.de/globale-konflikte-der-kampf-um-das-kulturverstaendnis.11.84.de.html?dram.article_id=418700) (дата обращения: 07.03.21)
10. Сокулер З. А. Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдье (Научно-аналитический обзор) // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: реферативный сборник / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социально-психологических исследований; отв. ред. Л. В. Гирко. М.: ИНИОН, 2003. 196 с.
11. Шестаков С. А. Социальное пространство России: читая Сорокина // Известия вузов. Социология. Экономика. 2014. № 1. С. 49–53.
12. Аникин В. А. Социальная структура новой России: опыт применения апостериорного подхода // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 3. С. 42–91.
13. Mangone E. Pitirim Sorokin's Ground-breaking Research in Peaceful Life Order and Revival of Humanity // *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 2:10–31 (In Russ.). [https://doi.org/ 10.34130/2233-1277-2022-2-10](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-10)
14. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 1992. 543 с.
15. Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. Vol. I. Fluctuation of Forms of Art; Volume II. Fluctuation of Systems of Truth, Ethics, and Law; Volume III. Fluctuation of Social Relationships, War, and Revolution. New York. American Book Company. 1937. xxii, 745. xviii, 727 xviii, 636.
16. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Ч. 1. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Петроград: Издательское товарищество «Колос», 1920. XIV. 464 с.
17. Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia and LVS, 2003. XII. 684 с.
18. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2015. 241 с.
19. Сорокин Питирим. Заметки социолога. Существует ли единая Россия // Воля народа. 1917. 7 ноября.
20. Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование. 2011. 256 с.

References

1. Rygalova M., Bryuhanova E. Historical and social topography of the city: a historiographic review. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo*

universiteta [Proceedings of the Altai State University], 2017, no 5 (97), pp. 156–160 (In Russ.).

2. Sorokin P. A. *Social'naya i kul'turnaya dinamika. Issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij*. St. Petersburg, Izd-vo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta [Social and cultural dynamics. A study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and social relations], 2000. 1054 p. (In Russ.).

3. Sorokin P. Social mobility. *Journal of applied sociology*, XI (Sept-Oct, 1926), 146–152.

4. Sorokin P. *Social and Cultural Mobility*. New York, London: Harper & Brothers. 1927, pp. 3–11.

5. Simmel G.: Der Bildrahmen: Ein ästhetischer Versuch. *Der Tag*. 1902 (Berlin) № 541, 18. November

6. Dyurkgejm E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. Moscow: Kanon, 1996. 432 p. (In Russ.).

7. Burd'e P. *Sociologiya social'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. St. Petersburg, Izd-vo «Aletejya», 2007. 288 p. (In Russ.).

8. Rekvic A. *Obshchestvo singulyarnostej: o strukturnyh izmeneniyah epohi moderna* [Singularity Society: On the Structural Changes of the Modern Age]. Moscow, Berlin. «Direktmedia Publishing» 2022. 400 p. (In Russ.)

9. Reckwitz A. Globale Konflikte: Der Kampf um das Kulturverständnis// Deutschlandfunk. 2017.30.04 Available at: https://www.deutschlandfunk.de/globale-konflikte-der-kampf-um-das-kulturverstaendnis.11.84.de.html?dram.article_id=418700 (accessed 07.03.21).

10. Sokuler Z. A. Social and geographical space in the concept of P. Bourdieu (Scientific and analytical review). *Social'noe prostranstvo* [Social Space]: *Mezhdisciplinarnye issledovaniya. Referativnyj sbornik. RAN INION. Centr social'nyh nauchno-informacionnyh issledovanij. Otdel sociologii i social'no-psihologicheskikh issledovanij. Otv. red. L. V. Girko*. Moscow: INION, 2003. 196 p. (In Russ.).

11. Shestakov S. A. S Social space of Russia: reading Sorokin. *Izvestiya vuzov. Sociologiya. Ekonomika* [Izvestiya vuzov. Sociology. Economy], 2014, no 1, pp. 49–53. (In Russ.).

12. Anikin V. A. The social structure of the new Russia: the experience of applying a posteriori approach. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology], 2022, vol. 23, no 3, pp. 42–91. (In Russ.).

13. Mangone E. Pitirim Sorokin's Ground-breaking Research in Peaceful Life Order and Revival of Humanity. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 2:10–31 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-10>.

14. Sorokin P. *Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992. 543 p. (In Russ.).

15. Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. Volume I. Fluctuation of Forms of Art; Volume II. Fluctuation of Systems of Truth, Ethics, and Law; Volume III. Fluctuation of Social Relationships, War, and Revolution. New York. American Book Company. 1937. xxii, 745. xviii, 727 xviii, 636.

16. Sorokin P. A. *Sistema sociologii. T. 1. Social'naya analitika. Chast'1. Uchenie o stroenii prostejshego (rodovogo) social'nogo yavleniya* [System of sociology. T.1. social analytics. Part 1. The doctrine of the structure of the simplest (generic) social phenomenon]. Petrograd, Izdatel'skoe tovarishchestvo «Kolos». 1920. XIV. 464 p. (In Russ.).

17. Sorokin P. *Golod kak faktor. Vliyanie goloda na povedenie lyudej, social'nyu organizaciyu i obshchestvennyu zhizn'* [Hunger is a factor. The impact of hunger on human behavior, social organization and community life]. Moscow: Asademia and LVS. 2003, XII. 684 p. (In Russ.).

18. Bodriyar Zh. *Simulyakry i simulyaciya* [Simulacra and simulation]. Moscow: Postum. 2015. 241 p. (In Russ.).

19. Sorokin Pitirim. Sociologist's Notes. Is there a united Russia. *Volya naroda* [The will of the people], 1917, 7 noyabrya (In Russ.).

20. Kropotkin P. A. *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyucii* [Mutual Aid as a Factor of Evolution]. Moscow: Samoobrazovanie, 2011. 256 p. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about the authors

Найденов Николай Дмитриевич

доктор экономических наук, профессор, Российский университет кооперации

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12/30

Nikolay D. Naydenov

Doctor of Economic Sciences, Professor, Russian University of Cooperation

12/30, Vera Voloshina St., Mytishchi, 167000, Russia

Найденова Татьяна Анатольевна

кандидат экономических наук, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

Tatyana A. Naydenova

Candidate of Economic Sciences, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

55, Oktyabrsky Pros., Syktyvkar, 167000, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

02.05.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

15.06.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

17.07.2022

УДК 316.32(4/5)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-53>

Модель конвергенции и ее возможные социокультурные аналоги в условиях современной цивилизационной турбулентности: возвращаясь к идеям П. А. Сорокина

Попков Юрий Владимирович

Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия, yuripopkov54@mail.ru

Аннотация. В статье актуализируется значимость идей П. А. Сорокина о конвергенции в условиях современного цивилизационного кризиса. Предварительно фиксируются его существенные проявления в виде очевидной неспособности мирового сообщества солидарно справиться с пандемией коронавируса COVID-19, наступления эпохи постправды, обострения международных отношений и др. Кризисная ситуация находит адекватную оценку в признании экспертным сообществом и политическими лидерами истощенности нынешней модели капитализма, которая доминирует в большинстве стран мира. Констатируется неоднозначность представлений о теории конвергенции среди исследователей с точки зрения ее практической применимости: от характеристики явной ее утопичности до признания реального воплощения в двух вариантах: 1) позитивном — в виде использования завоеваний капитализма и социализма в «государствах всеобщего благоденствия», в существовании феномена «шведского социализма» и т.п.; 2) негативном — в виде заимствования от капитализма и от социализма негативных моментов (опыт постсоветской России).

Акцентируется усиление могущества и влияния в мире Китайской Народной Республики, в которой частично реализованы идеи конвергенции, прежде всего в экономической сфере. В качестве социокультурной альтернативы современному доминированию неолиберальной (техногенно-потребительской) модели социального устройства предлагается духовно-экологическая стратегия развития общества. Она базируется, как следу-

ет из ее названия, на фундаментальных духовных и экологических ценностях как доминирующих, на идее коэволюции и исходит из отрицания культа потребительства. По многим своим позициям данная стратегия соответствует базисным установкам теории конвергенции, основополагающие идеи которой отстаивал П. А. Сорокин. В новой модели мироустройства особое место отводится Сибири (в качестве осевого локуса глобальных цивилизационных изменений) с учетом существующего здесь ресурсного, человеческого, в том числе коллективистского, потенциала.

Исследование опирается на цивилизационный подход в его синхронно-диахронном измерении и социокультурный подход с использованием эвристических возможностей его основных интерпретаций — валютивной и рефлексивной.

Ключевые слова: П. А. Сорокин, теория конвергенции, цивилизационный подход, социокультурный подход, духовно-экологическая цивилизация, Россия, Сибирь

Для цитирования: Попков Ю. В. Модель конвергенции и ее возможные социокультурные аналоги в условиях современной цивилизационной турбулентности: возвращаясь к идеям П. А. Сорокина // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3. С. 53–68. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-53>

The Convergence Model and its Possible Socio-Cultural Analogues in the Conditions of Modern Civilizational Turbulence: Returning to the Ideas of P. A. Sorokin

Yury V. Popkov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, yuripopkov54@mail.ru

Abstract. *The author draws attention to the significance of P.A. Sorokin's ideas about convergence in the conditions of the modern civilizational crisis. He records its manifestations: in the inability of the world community to cope with the COVID-19 coronavirus pandemic in solidarity, in the advent of the post-truth era, in the aggravation of international relations, etc. The expert community and political leaders recognize the crisis situation and diagnose the exhaustion of the current model of capitalism, which dominates in most countries of the world. The author states the ambiguity of ideas about the theory of convergence among re-*

searchers from the point of view of its practical applicability: from the characteristic of its apparent utopianness to the recognition of the real embodiment in two versions: 1) positive — in the form of using the gains of capitalism and socialism in the "welfare states", in the existence of the phenomenon of "Swedish socialism", etc.; 2) negative — in the form of borrowing from capitalism and socialism negative moments (the experience of post-Soviet Russia).

Currently, the power and influence of the People's Republic of China in the world is increasing, in which the ideas of convergence are partially implemented, primarily in the economic sphere. The author suggests a spiritual and ecological strategy of society development as a socio-cultural alternative to the modern dominance of the neoliberal (technogenic-consumer) model of social structure. It is based on fundamental spiritual and ecological values, on the idea of co-evolution and proceeds from the denial of the cult of consumerism. This strategy corresponds to the basic principles of convergence theory, the fundamental ideas of which were defended by P.A. Sorokin. In the new model of the world order, a special place is given to Siberia as the axial locus of global civilizational changes. It has the necessary resource, human, including collectivist, potential for this.

The author relies on the civilizational approach in its synchronous-diachronic dimension and the socio-cultural approach using the heuristic possibilities of its main interpretations — value and reflexive.

Keywords: P. A. Sorokin, convergence theory, civilizational approach, socio-cultural approach, spiritual and ecological civilization, Russia, Siberia

For citation: Popkov Yu. V. The Convergence Model and its Possible Socio-Cultural Analogues in the Conditions of Modern Civilizational Turbulence: Returning to the Ideas of P. A. Sorokin. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022;3:53–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-53>

Введение. Мы являемся живыми свидетелями крушения существующего геоэкономического и геополитического мирового порядка, когда на наших глазах происходит развал его фундаментальных основ, тех норм и механизмов, пусть и несовершенных, но все-таки действенных, на которых он строился в последнее время. Это касается многих сторон общественной жизни, начиная от экономической системы с ее основополагающим принципом неприкосновенности частной собственности, заканчивая реальной демократией и международным правом. Не случайно эксперты гово-

рят уже о всеобъемлющей мировой революции. «Мир никогда не будет прежним», — этот вывод сейчас не повторяет, пожалуй, только тот, кого вообще не интересует происходящее. Поскольку речь идет не о частных, а базисных основаниях современного развития, постольку правомерно говорить о мировом цивилизационном кризисе.

Международное экспертное сообщество в лице его наиболее ярких представителей пришло к осознанию тупиковости доминирующей ныне неолиберальной модели цивилизационного развития и все чаще ставит вопрос о неизбежности иного ее варианта. Так, И. Валлерстайн еще в начале 1990-х гг. диагностировал глубочайший кризис нынешней буржуазной (капиталистической) мир-системы и прогнозировал приход нового миропорядка [1]. В настоящее время к числу наиболее влиятельных и международно значимых экспертных документов по данной проблеме принадлежит юбилейный доклад Римского клуба, авторы которого представили всестороннюю критику капитализма и аргументировали неизбежность перехода к альтернативной парадигме развития, во многом предполагающей, по сути, социалистические принципы. Обобщенный диагноз представлен в названии доклада в виде емкого вывода: «Старый мир обречен, новый мир неизбежен» [2].

Важно, что об этом говорят не только эксперты, но и политики. Известно, например, что Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая в октябре 2021 года на XVIII заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», заявил об исчерпанности современной модели капитализма. Стоит при этом заметить, что сама Россия принадлежит к глобальной капиталистической мир-системе, правда, не входит в ядро, а представляет, как известно, ее полупериферийную составляющую.

Неспособность современного мирового сообщества солидарно справляться с глобальными вызовами и угрозами со всей очевидностью подтвердила текущая пандемия коронавируса. Биологический вирус COVID-19, с невиданной ранее в истории скоростью распространившийся по всему миру по разветвленным каналам глобализации, обернулся глобальным же биокатаклизмом. Он

спровоцировал множество явлений, которые с учетом их разрушительного воздействия на общественные процессы можно назвать социальными вирусами (социовирусами), усугубившими тем самым кризисное состояние современного цивилизационного развития.

Наличие опасных социовирусов связано в том числе с активно внедряемой во всех сферах жизни цифровизацией, которая имеет далеко не только позитивные результаты. Уже сейчас она отягощена многими негативными проявлениями. Так, активное распространение с помощью информационных технологий поверхностной, непроверенной, недостоверной и откровенно ложной информации о вирусе COVID-19, способах противодействия ему и его возможных последствиях обернулось инфодемией, привело к повсеместному распространению слухов, страхов, разного рода расстройств, что оказалось для многих не менее опасным и трагическим, чем даже сам вирус.

Другим неоднозначным следствием виртуализации жизненного пространства и свидетельством кризисности переживаемой ситуации является формирование феномена постправды, который находит проявление во многих значимых сферах общественной жизни [3; 4; 5; 6]. Несколько лет назад С. В. Чугров справедливо писал о том, что «термин post-truth (“постправда”), названный в конце 2016 г. компанией Oxford Dictionaries “словом года”, отражает некую постмодернистскую модальность, деформированное состояние сознания, в котором стереотипы уже полностью потеряли связь с реальными образами» [4, с. 42]. Одновременно он сделал прогноз: «В кризисе могут оказаться экзистенциальные ценности, демократические процедуры и институты, глобальный проект, система международной безопасности и другие основы нынешнего миропорядка» [Там же]. Произошедшие за последующий период события полностью подтвердили правомерность данного прогноза. В качестве примеров крайних форм проявления данной тенденции можно назвать запрет в «цивилизованном мире» на исполнение произведений П. И. Чайковского, изучение наследия Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и т. п.

Задача статьи — актуализация идей П. А. Сорокина о конвергенции как возможной перспективе выхода из современного цивилизационного кризиса, демонстрация возможностей их реализации на практике, обоснование духовно-экологической стратегии развития в качестве модели, согласующейся с идеями выдающегося социолога.

Методы исследования, теоретическая база. Исходной концептуальной базой исследования является теория конвергенции П. А. Сорокина, значимость основных положений которой становится, по нашему убеждению, все более очевидной в настоящее время. Главными реализованными в работе методологическими установками выступают, во-первых, цивилизационный подход в двух его измерениях — синхронном (когда цивилизация понимается как локальное социокультурное образование) и диахронном (когда она рассматривается как закономерная стадия всемирно-исторического процесса) [7], во-вторых, социокультурный подход, основоположником которого является П. А. Сорокин, с учетом использования эвристических возможностей его основных интерпретаций — валюативной (многофакторной) и рефлексивной (понимаемой как взаимообусловленное развитие разных типов культур). Социокультурное понимается нами как социальное в его культурном разнообразии, которое рассматривается в качестве важного условия социокультурной динамики и предпосылки жизнеспособности социальной системы [8].

Результаты исследования и их обсуждение. Важным характерным признаком современного цивилизационного кризиса является ускоренное падение глобального господства США в последнее время [9, с. 20]. Вместе с этим и сама глобализация, которая еще недавно выступала, по признанию многих, ведущей тенденцией современности, на глазах теряет позиции, уступая место своей противоположности — деглобализации [см., например: 10], со всей очевидностью проявившейся во время пандемии коронавируса.

Соединенные Штаты Америки предпринимают настойчивые, достаточно жесткие и часто провокационные усилия для сохранения своего господства. Однако уже свершившимся фактом следует

признать усиление могущества и влияния Китайской Народной Республики, прежде всего в экономической сфере. Специалисты говорят о перспективе превращения Китая в сверхдержаву и новый гегемон мировой экономики и рассматривают его в качестве сверхдержавы XXI века (см., например: [11; 12; 13]).

Но что такое сегодняшний Китай? В результате проведения грамотной и по-настоящему государственной политики в его развитии удачно сочетаются фундаментальные принципы социализма и элементы рыночной экономики [15]. По сути дела, эта реализованная на практике модель (в отдельных ее проявлениях), которую в свое время отстаивал П. А. Сорокин на примере двух сверхдержав — СССР и США — в виде идеи (теории) конвергенции. Оценивая значимость данной теории, В. А. Медведев констатирует: «В условиях острейшей конфронтации на мировой арене это была смелая постановка вопроса, идущая по существу вразрез с официальной идеологией как того, так и другого из враждующих блоков. Она оказала огромное влияние на общественную мысль во всем мире, в том числе и в России» [14, с. 299].

Известно, что П. А. Сорокин писал о конвергенции в ряде своих работ, начиная с книги «Россия и Соединённые Штаты», изданной во время Второй мировой войны (1944). Недавно эта книга была впервые переведена на русский язык [15]. Она представляет собой выражение озабоченностей автора по поводу этой войны и ее последствий в перспективе поиска механизмов предотвращения подобного в будущем. В ней он дал широкомасштабный сравнительно-исторический социокультурный анализ двух держав, обобщил опыт разнообразного сотрудничества и пришел к выводу о наличии, помимо существующих различий, многих сходных (культурных, социальных, институциональных, ментальных) черт в их развитии. Именно на этой основе и в силу отсутствия между ними, на его взгляд, фундаментальных противоречий делает вывод о возможной конвергенции двух различающихся общественных систем (социокультурных типов). Позднее выдающийся социолог конкретизирует свою идею, фиксируя ее смысл в названии работы «Взаимная конвергенция Соединённых Штатов и СССР к смешанному

социокультурному типу» [16] и выступает с обоснованием данной идеи на Всемирном социологическом конгрессе в 1962 году, отстаивая идею формирования на основе «сближения» капитализма и коммунизма (сочетания лучших сторон обеих систем) некоего интегрального образования в качестве господствующего типа общества.

Важно заметить, что в настоящее время, казалось бы, противоречий между нашими странами стало гораздо меньше, чем это было в ситуации, когда их развитие строилось на основе принципиально различающихся моделей общественного развития (социокультурных типов). После распада СССР власти России приняли решение о четком следовании в фарватере США как безусловного лидера капиталистического мира. И хотя наша страна влилась в орбиту «цивилизованного мира» на правах очевидной периферии, до поры до времени это вполне устраивало обе стороны. Но как только Россия стала проявлять определенный уровень самостоятельности и независимости, их отношения явно разладились. Нынешний конфликт между США и Россией, достигший острой формы, является, пожалуй, основным противоречием в системе современных международных отношений.

Можно выделить два важных обстоятельства, объясняющих, на наш взгляд, тот факт, что теорию конвергенции предложил именно П. А. Сорокин. Во-первых, он является уникальным человеком, поскольку ему довелось не просто жить в двух мирах — российском и американском, но также быть их активным исследователем, выступая при этом одним из основоположников и российской, и американской социологии, а применительно к российскому периоду жизни — являться еще и известным политическим деятелем. Поэтому сам автор в предисловии к своей книге «Россия и Соединённые Штаты» справедливо констатирует, что он знал обе страны, если применять современные понятия, и как «инсайдер», и как «аутсайдер» [15, с. 247]. Во-вторых, теория конвергенции П. А. Сорокина четко укладывается в методологические установки созданной им интегральной социологии. «Что, в конце концов, можно ожидать от человека, — отмечает его ученик

Э. А. Тириакийн в предисловии к изданию книги 2007 года, — выше всего ценившего “интегралистский” (как он его называл) подход к действительности» [15, с. 228].

Не будем останавливаться на изложении основных положений теории конвергенции. Ее подробный анализ, в том числе в применении к реальной политике основных государств, о которых вел речь П. А. Сорокин, — США и СССР, — дан в серии работ [17; 18; 19; 20; 21]. В них присутствуют разные оценки этой темы. В частности, статья С. Г. Кара-Мурзы имеет название «Утопия конвергенции» [20]. Из него очевиден основной вывод автора, который аргументирует утопичность данной теории применительно и к советскому, и к постсоветскому периоду: в первом случае — в силу принципиальной идеологической несовместимости и непримиримости существовавших режимов двух держав, во втором случае — по причине, как он пишет, невозможности строительства для России капитализма, когда она реально выступает «изгоем системы капитализма» [20, с. 24].

Ряд исследователей, напротив, считают, что конвергенция в России произошла, но только в негативном смысле: и от капитализма, и от социализма в постсоветский период было взято все самое плохое. Об этом говорит, в частности, Р. С. Гринберг (см.: [22, с. 134]).

Но существуют и другие оценки степени реалистичности и реализуемости на практике рассматриваемой теории. Например, В. И. Дашичев анализирует опыт конвергенции, который был реализован в странах бывшего социалистического лагеря [19]. Хорошо также известно, что отдельные элементы и принципы социализма были реализованы (под влиянием популярности идей и практики социалистического строительства, прежде всего в СССР) во многих развитых капиталистических странах. В этой связи достаточно вспомнить о «государствах всеобщего благоденствия» или, например, о феномене шведского социализма.

Примечательно и то обстоятельство, что теория конвергенции, как и идеи социализма, в последнее время являются достаточно популярными как в России, так и за рубежом, что отмечают

в том числе уже упомянутые авторы [19, с. 73]. И здесь целесообразно вновь обратиться к опыту Китая. Как отмечает М. В. Седельников, «осуществление синтеза социализма и отдельных методов капитализма в этом государстве отражает современную точку зрения на теорию конвергенции как взаимообусловленную интеграцию определенных элементов социалистической и капиталистической систем... Конвергентная модернизация, которой подверглась социалистическая система КНР на протяжении последних десятилетий, как в области политики, экономики, так и в сфере общественных отношений коррелирует с выдающимися достижениями этой страны в области научно-технического прогресса» [21, с. 43].

В то же время сам по себе капитализм в его современном виде, акцентируем это еще раз, не может быть перспективной моделью развития. Помимо сказанного о нем в начале статьи, добавим, что именно капиталистическая система породила множество крайне негативных общественных явлений, начиная от двух мировых войн, фашизма (нацизма), международного терроризма и «цветных революций», заканчивая проблемой «золотого миллиарда» [20]. Одновременно следует признать, что ближайшее будущее вряд ли возможно без рыночных отношений в той или иной форме (не ясно, что их может полноценно заменить). Поэтому, видимо, перспектива ближайшего будущего — в смешанной экономике.

Но что касается общей перспективной цивилизационной модели, то ее основа должна быть принципиально иной. Как представляется, в качестве такой модели может выступать духовно-экологическая стратегия развития. Ее обоснованием на протяжении последних лет занимаются барнаульские коллеги [23]. Недавно опубликована наша совместная с ними монография, в которой развивается эта тема с акцентом на роли сибирского макрорегиона в реализации обозначенной цивилизационной модели [7]. В ней анализируется кризис доминирующей в настоящее время модели цивилизационного развития, которая характеризуется как техногенно-потребительская, и обосновывается актуальность перехода к альтернативной модели, суть которой выражает ее название —

духовно-экологическая с опорой на идею коэволюции. Основной фокус сделан на всестороннем исследовании социокультурного потенциала Сибири, ее места и миссии в рамках России и всей Евразии с учетом существующих здесь природных и человеческих ресурсов и «с позиций по-новому осмысленного цивилизационного подхода, совмещающего его синхронический (историко-временной) и диахронический (пространственный) аспекты» [7, с. 7].

«Самой существенной чертой новой нарождающейся цивилизации, на наш взгляд, является смена базовых приоритетов: экономика, финансы и политика должны из *целей* цивилизационного развития превратиться в *средства* сохранения здоровья окружающей среды, развития науки, культуры и образования, а главное — всестороннего совершенствования самого человека» [7, с. 67].

Заключение. Наши представления о перспективной цивилизационной модели социального устройства в своих основаниях перекликаются с фундаментальными положениями П. А. Сорокина о значении нематериальных факторов в развитии общества и самой теории конвергенции в отдельных ее составляющих. Это касается, например, признания необходимости формирования смешанной экономики с учетом важной роли в ней кооперации, выполняющей не только экономические, но и значимые социальные функции, критического отношения к потребительству, целевой установки на развитие творческой личности и др.

В заключении обратим внимание на следующую важнейшую идею выдающегося социолога. В предисловии ко второму изданию книги «Россия и Соединенные Штаты» (1949 г.) П. А. Сорокин писал: «Только политика братства по оружию между Востоком и Западом во имя подлинно святой войны против вечных и общих врагов человечества — смерти, разрушения, болезней, нищеты, безумия, в огромных масштабах порождаемых распадом нашего чувственного социокультурного порядка, — только такое сотрудничество способно победить болезнь, от которой страдает человечество» [15, с. 245]. И далее продолжает: «Симпатией, а не ненавистью, творческим созиданием, а не разрушением, благоговением перед жизнью, а не служением смерти, подлинной свободой, а не

насилием, искренностью, а не дипломатическим лицемерием — только таким путем можно примирить две враждебные части земного шара и построить новый храм человечества» [15, с. 246].

Очевидно, что применительно к ныне переживаемому моменту такое представление выглядит откровенной утопией, поскольку отношения США и России находятся в высокой степени конфликтности. Но одновременно не менее очевидно и то, что, если не удастся найти возможности и реальные механизмы для установления нормального взаимодействия между противоборствующими сторонами на этих, отстаиваемых П. А. Сорокиным основаниях, мировую цивилизацию ждут неизбежные глобальные катастрофические потрясения.

Список источников

1. Валлерстайн И. После либерализма / пер. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, П. В. Феденко; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
2. Von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. 2018: Springer. 220 p.
3. Каюткин Д. Ю. Постправда и социальная эпистемология в современной социокультурной ситуации // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2021. № 1 (5). С. 79–89.
4. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.
5. Шушпанова И. С. «Постправда» в социальной реальности: риски и угрозы // СОЦИС. Социологические исследования. 2018. № 12 (416). С. 94–104.
6. Якимов А. Е. Постправда и повседневность: к проблеме определения понятия «постправда» // Философия и культура. 2020. № 9. С. 1–8.
7. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / под ред. А. В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.
8. Тюгашев Е. А., Попков Ю. В. Социокультурная парадигма: базовые интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 67–71.

9. Валлерстайн И. Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности // Закат империи США: Кризисы и конфликты / с предисл. Б. Кагарлицкого. М.: МАКС Пресс. 2013. 248 с.
10. Комолов О. О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2021. Т. 18. № 2 (116). С. 34–47.
11. Небренчин А. С., Небренчин С. М. КНР — сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы. М.: АНО ЦСОиП, 2017. 116 с.
12. Островский А. В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН: Изд-во МБА, 2020. 496 с.
13. Комолов О. О. Глобальная экспансия КНР и новые тенденции в мировой экономике // Общество и экономика. 2022. № 3. С. 118–128.
14. Медведев В. А. Актуальность взгляда Питирима Сорокина на главные тенденции нашего времени // Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени. М.; СПб.: Изд-во СПбГУП, 1999. 393 с.
15. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2018. 640 с.
16. Sorokin P. A. Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. No 1. Pp. 143–176.
17. Бадмаева М. В. П. Сорокин о возможностях и перспективах взаимодействия социокультурных систем в период кризиса // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6. С. 76–81.
18. Бельский В. Х. Конвергенция: иллюзия или перспектива? // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 123–132.
19. Дашичев В. И. Теория конвергенции и путь России: от ошибок прошлого к выбору будущего // Пространство и Время. 2011. № 4(6). С. 72–85.
20. Кара-мурза С. Г. Утопия конвергенции // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 1. С. 7–24.
21. Седельников М. В. Современные аспекты теории конвергенции: опыт синтеза капитализма и социализма в Китае // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 43–52.
22. Плотников В. А. Теория конвергенции и тенденции развития цивилизации (по материалам международного мемориума, посвященного 80-летию Г. Н. Цаголова) // Экономическое возрождение России. 2020. № 3 (65). С. 132–140.

23. Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. 219 с.

References

1. Wallerstein I. *Posle liberalizma* [After liberalism]. Per. M. M. Gurvitsa, P. M. Kudyukina, P. V. Fedenko. Ed. by. Yu. Kagarlitsky. Moscow: URSS Editorial Board, 2003. 256 p. (In Russ.)
2. Von Weizsäcker E., Weikman A. *Come on! Capitalism, Short Term, Population and the Destruction of the Planet*. 2018: Springer. 220 p.
3. Kayutkin D. Yu. Post-truth and social epistemology in the modern socio-cultural situation. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social and humanitarian sciences: theory and practice], 2021, No. 1 (5), pp. 79–89. (In Russ.)
4. Chugrov S. V. Post-Truth: Transformation of Political Reality or Self-Destruction of Liberal Responsibility? *Politicheskie issledovaniya* [Political studies], 2017, No. 2, pp. 42–59. (In Russ.)
5. Shushpanova I. S. «Post-truth» in social reality: risks and outliers. *SOCIS. Sociologicheskie issledovaniya* [SOCIS. Sociological research], 2018, No. 12 (416), pp. 94–104. (In Russ.)
6. Yakimov A. E. Post-truth and everyday life. to the problem of defining the concept of «post-truth». *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2020, No. 9, pp. 1–8. (In Russ.)
7. Ivanov A. V. (ed.) *Civilizacionnaya missiya Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitel'skoj k duhovno-ekologicheskoy strategii global'nogo i regional'nogo razvitiya* [Civilization mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development]. Barnaul: Novyj format, 2022. 368 p. (In Russ.)
8. Tyugashev E. A., Popkov Yu. V. Sociocultural paradigm: basic combinations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2019, No. 445, pp. 67–71. (In Russ.)
9. Wallerstein I. Uskorennoe padenie. Nastuplenie epohi mnogopolyarnosti. *Zakat imperii SSHA: Krizisy i konflikty* [Accelerated fall. The advent of the era of multipolarity. *The decline of the US empire: Crises and conflicts*] / *With a preface by Boris Kagarlitsky*. Moscow: MAKSS Press. 2013. 248 p. (In Russ.)
10. Komolov O. O. Deglobalization: new challenges and challenges of the world economy. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Bulletin of the Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov], 2021, Vol. 18, No. 2 (116), pp. 34–47. (In Russ.)

11. Nebrenchin A. S., Nebrenchin S. M. *KNR — sverhderzhava XXI veka: rossijsko-kitajskie perspektivy* [China is a superpower of the 21st century: Russian-Chinese perspectives]. Moscow: ANO TsSOiP, 2017. 116 p. (In Russ.)

12. Ostrovsky A. V. *Kitaj stanovitsya ekonomicheskoy sverhderzhavoj* [China is economically becoming a superpower]. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences: LLC "Izdatelstvo MBA". 2020. 496 p. (In Russ.)

13. Komolov O. O. Global expansion of the PRC and new observations in the world economy. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2022, No. 3, pp. 118–128. (In Russ.)

14. Medvedev V. A. The relevance of Pitirim Sorokin's view of the main presidential term. *Pitirim Sorokin i sociokul'turnye tendencii nashego vremeni* [Pitirim Sorokin and socio-cultural presidential elections]. Moscow; SPb. MFK Izd-vo SPbGUP, 1999. 393 p. (In Russ.)

15. Sorokin P. A. *Krizis nashego vremeni. Rossiya i Soedinennye Shtaty* [The crisis of our time. Russia and Weather Report] / Sost., podgot. teksta, vstup. ct. i komment. V. V. Sapova. Syktyvkar: Anbur, 2018. 640 p. (In Russ.)

16. Sorokin P. A. Mutual convergence of the USA and the USSR towards a mixed socio-cultural type. *International Journal of Comparative Sociology*, 1960, No. 1, pp. 143–176.

17. Badmaeva M. V. P. Sorokin on the possible consequences and prospects for the interaction of sociocultural systems in the period of evolution. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat University], 2012, No. 6, pp. 76–81. (In Russ.)

18. Belenky V. Kh. Convergence: illusion or perspective?. *SOCIS. Sociologicheskie issledovaniya* [SOCIS. Sociological research], 2008, No. 8, pp. 123–132. (In Russ.)

19. Dashichev V. I. The theory of convergence and the path of Russia: from the mistakes of the past to the choice of the future. *Prostranstvo i vremya*. [Space and Time], 2011, No. 4(6), pp. 72–85. (In Russ.)

20. Kara-murza S. G. Utopia of convergence. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2017, No. 1, pp. 7–24. (In Russ.)

21. Sedelnikov M. V. Modern aspects of the theory of convergence: the experience of the synthesis of capitalism and socialism in China. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya, sociologiya i social'nye tekhnologii* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy, Sociology and social technologies], 2016, No. 4 (34), pp. 43–52. (In Russ.)

22. Plotnikov V. A. The theory of convergence and the development of civilization (based on the materials of the international memorium dedicated to the

80th anniversary of G. N. Tsagolov. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2020, No. 3 (65), pp. 132–140. (In Russ.)

23. Ivanov A. V., Fotieva I. V., Shishin M. Yu. *Na putyah k novoj civilizacii (oчерki duhovno-ekologicheskogo mirovozzreniya)* [On the Ways to a New Civilization (Essays on the Spiritual and Ecological Outlook)]. Barnaul: Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2014. 219 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Попков Юрий Владимирович

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
отдела социальных и правовых исследований,
Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

Yury V. Popkov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Chief Scientific Officer of the
Department of Social and Legal Research
of Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk

8 Nikolaev St., Novosibirsk 630090, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	18.05.2022
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	20.07.2022
Принята к публикации / Accepted for publication	25.07.2022

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-69>

**Прошлое и настоящее наследия Льва Карсавина
в культурно-историческом ландшафте Республики Коми
(в контексте истории возвращения
имени Питирима Сорокина)**

Шаронов Владимир Иванович

Западный филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Калининград, Россия
sharonovvi@gmail.com, ORCID 0000-0002-9708-1446

Аннотация. Процессы возвращения имен и наследия крупнейших ученых и мыслителей — Питирима Александрович Сорокина и Льва Платоновича Карсавина, чьи судьбы неразрывно связаны с Республикой Коми, не только совпали хронологически, но и имели во многом похожую информационную насыщенность. Статья содержит многие, ранее неизвестные научной общественности подробности и обстоятельства происходившего с этими именами в период, вошедший в историю России под именем «перестройка». Благодаря энтузиазму молодых ученых Сыктывкарского государственного университета, Коми НЦ УрО РАН СССР и региональных журналистов региону было обеспечено культурное лидерство в появлении первых объективных статей, брошюр и книг о П. А. Сорокине и Л. П. Карсавине. В дальнейшем место и роль каждого из этих авторов по отношению к культурно-историческому ландшафту Республики Коми оказались разными. Имя и наследие Питирима Сорокина получило мощную государственную поддержку и в настоящее время занимает самые верхние позиции в этом ландшафте. В то же самое время имя и наследие Л. П. Карсавина, обладающее мощным духовным и интеллектуальным потенциалом, сегодня в республике фактически не востребовано, почти забыто, и это при том, что масштаб этого мыслителя вполне сопоставим с фигурой П. А. Сорокина. Отчасти в этом повинна сравнительно более высокая теоретическая сложность религиозно-философских работ Карсавина, что,

однако, преодолимо при внимательном духовном и сосредоточенном прочтении. Существенная часть этой работы выполнена Анатолием Ванеевым — учеником и последователем Льва Карсавина. Раскрытие карсавинского потенциала возможно, оно открывает перспективы существенного обогащения научной и культурной жизни Республики Коми и способно обеспечить региону еще одну точку интеллектуального лидерства.

Ключевые слова: Лев Карсавин, Питирим Сорокин, Игорь Голосенко, Дмитрий Несанелис, Республика Коми, Абезь, русская религиозная философия, евразийство, культурно-исторический ландшафт, культурный потенциал, наследие

Для цитирования: Шаронов В. И. Прошлое и настоящее наследия Льва Карсавина в культурном ландшафте Республики Коми (в контексте истории возвращения имени Питирима Сорокина) // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3. С. 69–105. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-69>

The Past and the Present of Lev Karsavin's Heritage in the Cultural and Historical Landscape of the Komi Republic (In the Context of the History of Pitirim Sorokin's Name Return)

Vladimir I. Sharonov

Western branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Kaliningrad, Russia
sharonovvi@gmail.com; ORCID 0000-0002-9708-1446

Abstract. *The processes of returning the names and heritage of the two great researchers and thinkers — Pitirim Aleksandrovich Sorokin and Lev Platonovich Karsavin, whose fates are inextricably linked with the Komi Republic, not only coincided chronologically, but also had largely similar information richness. This article provides many details and circumstances, which were previously unknown to the research community, regarding these names during the period of the Russia's history known as "Perestroika". Thanks to the enthusiasm of young scientists from Syktyvkar State University, the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the USSR Academy of Sciences and regional journalists, the region assumed cultural leadership in publishing the first objective articles, brochures and books about P. A. Sorokin and L. P. Karsavin. Later on, the place and role of these authors in relation to the cultural and historical landscape of the Komi Republic*

turned out to be different. The name and legacy of Pitirim Sorokin has received strong state support and currently occupies the top positions in this landscape. At the same time, the name and legacy of L.P. Karsavin, which has a powerful spiritual and intellectual potential, is not in demand in the republic today, almost forgotten, despite the fact that the scale of this thinker is comparable to that of P. Sorokin. This is partly due to the relatively higher theoretical complexity of the religious and philosophical works of Karsavin, which, however, can be overcome with a careful spiritual and concentrated reading. An essential part of this work was done by Anatoly Vaneev, a student and follower of Lev Karsavin. Unlocking Karsavin's potential is possible, and it can open up prospects for a significant enrichment of the scientific and cultural life of the Komi Republic, as well as provide the region with another point of intellectual leadership.

Keywords: Lev Karsavin, Pitirim Sorokin, Igor Golosenko, Dmitry Nesanelis, Komi Republic, Abez, Russian religious philosophy, Eurasianism, cultural and historical landscape, cultural potential, heritage

For citation: Sharonov V. I. The Past and the Present of Lev Karsavin's Heritage in the Cultural and Historical Landscape of the Komi Republic (In the Context of the History of Pitirim Sorokin's Name Return). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* = *Human. Culture. Education*. 2022;3:69–105 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-69>

Введение. Имя Льва Платоновича Карсавина (1882–1952) в силу исторических обстоятельств неразрывно связано с Республикой Коми. Процесс возвращения этой масштабной фигуры русской религиозной философии, богословия и медиевистики XX века в культурный ландшафт региона, а позже и страны хронологически совпал с возвращением имени и наследия Питирима Александровича Сорокина в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Это дает основания не только исследовать прошлое и настоящее наследия Карсавина в актуальных сегодня координатах культурно-исторического ландшафта республики, но и сопоставить современное значение этого наследия по отношению к такой «абсолютной высоте» цивилизационной топографии Коми края, как имя Питирима Сорокина. Сформулированная так цель предполагает, что для ее достижения необходимо решить несколько задач: во-первых, научно реконструировать отсутствующие сегодня важные

детали общественной атмосферы, в которых происходило возвращение и приращение этих имен к живому телу региональной культуры; во-вторых сопоставить в своих основных этапах и звеньях эти процессы; в-третьих, проанализировать результативность государственных и общественных усилий по закреплению и использованию культурного потенциала каждого из обозначенных феноменов; наконец, в-четвертых, оценить состояние и перспективы реализации культурного потенциала имени и наследия Льва Карсавина.

Научная новизна предлагаемой статьи обеспечена тем, что ранее в своей взаимосвязи имена и наследие этих двух крупнейших ученых и мыслителей не сопоставлялись, а также вовлечением в научный оборот ранее неизвестных фактов, обеспечивших Республике Коми культурно-информационное лидерство в процессе возвращения имен и наследия П. А. Сорокина и Л. П. Карсавина.

Методы исследования, теоретическая база. Сложность поставленной цели и сформулированных задач предполагает, что проведение исследования носит междисциплинарный характер, одинаково попадая в створы как историографии, так и культурологии. Тем самым определилось использование основных методов обеих теоретических дисциплин. В первую очередь, были востребованы диахронический и ретроспективный методы, биографический анализ, методы наукометрии и т. д. Помимо этого, в подготовке настоящей статьи был использован личный дневник автора, позволивший существенно уточнить важные факты о самоотверженной деятельности многих республиканских ученых и подвижников, обеспечивших Республике Коми культурное лидерство в возвращении имен и исторического наследия Питирима Сорокина и Льва Карсавина.

Результаты исследования и их обсуждение. Прежде всего необходимо обозначить, что масштаб и значение Л. П. Карсавина в сфере русской религиозной философии и мировой медиевистики сопоставим с масштабом и значением П. А. Сорокина в мире социологической науки. Точкой отсчета этого утверждения может служить сопоставление их биографий: почти ровесники, каждый из

них в своей сфере считался одним из самых талантливых питомцев, молодых ученых и педагогов Петербургского / Петроградского университета. Оба смело преодолевали в границах собственных теоретических сфер сложившиеся представления и предвосхитили многие научные концепции и направления в будущем. Для обоих главным центром научного внимания были взаимоотношения личности и культуры. Оба буквально ворвались в отечественную науку и общественную жизнь в самый драматический и трагический период Российского государства. Их судьбы связал факт неслучайной общей высылки в 1922 г. из Советской России на основании списков, одобренных Политбюро ЦК РКП (б) и лично В. И. Лениным [1].

О соразмерности Сорокина и Карсавина можно заявлять уже на основании их феноменального лидерства в мировой науке, выразившегося в том, что каждый из них существенно опередил многие теоретические подходы в гуманитарных теоретических дисциплинах. В интегральной социологии Сорокина заинтересованный исследователь может обнаружить в одинаковой степени идеи и положения как будущих теорий глобализации, так и мультикультурализма. Удивлявшую американских социологов способность П. А. Сорокина раньше других видеть признаки новых нарастающих социально-культурных процессов и давать неожиданные прогнозы замечательно ярко выразил Даниэл Белл: «Sorokin made crazy predictions. They justified themselves, despite all our objections, no matter what. And that was kind of crazy, too»¹.

В своей докторской диссертации Л. Карсавин не просто нарушил границы сложившихся подходов классической истории. В самом кратком виде можно сказать, что, не ограничиваясь принципом фактического историзма, диссертант воссоздавал дух средневековой эпохи через понятия «среднего религиозного человека», «общего религиозного фонда». Тем самым ученый предвосхитил

¹ «Сорокин делал сумасшедшие прогнозы. Они оправдали себя, несмотря на все наши возражения, несмотря ни на что. И это тоже было своего рода безумием», — характеристика Д. Беллом П. А. Сорокина, данная в личной беседе с автором настоящей статьи в 1990 г.

теоретическую дисциплину, известную сегодня под именем «культурология».

Главному в англоязычной версии четырехтомному труду в творчестве Сорокина «Social and Cultural Dynamics»¹ («Социальная и культурная динамика» /1937–1941/) вполне может соответствовать пятитомная (в шести книгах) Карсавина на литовском языке «Europos kultūros istorija»² («История европейской культуры» /1931–1937/). Сорокин создал свою «Систему социологии»³ (1920), Карсавин — «Философию истории» (1925)⁴ и свою философию личности — «О личности» (1929)⁵.

Оба они глубоко пережили и в режиме философской и социологической конверсии осмыслили личный опыт своего погружения в революционные процессы. У Сорокина появилась книга «Современное состояние России» (1922)⁶, за которой последовало развитие целого направления — социологии революции. Карсавин также множественно возвращался в своих специальных работах к анализу революционных и послереволюционных процессов — «Феноменология революции» (1927)⁷ «К познанию русской революции» (1929)⁸ и в т.ч. статьях своего евразийского периода.

Оба в период эмиграции стояли особняком от основной части своих коллег, тяжело переживая недостаток их внимания и отсутствие заслуженной оценки своих теоретических идей. В историю мировой социологической науки имя Республики Коми вписано, в первую очередь, через автобиографию Сорокина. А в общем списке самых важных произведений русской религиозной философии

¹ Sorokin Pitirim. Social and Cultural Dynamics. Vol. 1–4. New York, 1962. 3rd edition (1st edition in 1937–1941).

² Karsavinas Levas. Europos kultūros istorija. Kaunas, Vytauto Didžiojo universiteto Humanitarinių mokslų fakultetas. 6 tomai (5 kn. 1–2). 1931–1937.

³ Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Ч. 1. Петроград: Колос, 1920. С. 360.

⁴ Карсавин Л. П. Философия истории. Берлин: Обелиск, 1923. С. 358.

⁵ Карсавин Л. П. О личности. Kaunas, 1929. С. 224.

⁶ Сорокин П. А. Современное состояние России. Прага, 1922. С. 108.

⁷ Карсавин Л. П. Феноменология революции // Евразийский временник. Париж. 1927. Кн. 5. С. 28–74.

⁸ Карсавин Л. П. К познанию русской революции // Евразия. Париж. 1929. 2 февраля, № 11. С. 2–3.

биография Карсавина неразрывно связана с Республикой Коми (Коми АССР) книгой «Два года в Абези», созданной Анатолием Анатольевичем Ваневым (1922-1985), учеником и последователем Льва Платоновича. И даже процессы возвращения их имен в отечественный культурно-исторический ландшафт в конце 1980-х — начале 1990-х гг. фактически совпали. Перечень подобных смысловых сопоставлений, демонстрирующих корректность сопоставления фигур Пителима Сорокина и Льва Карсавина, при желании нетрудно продолжить.

Одним из первых истории возвращения имени П. А. Сорокина кратко коснулся непосредственный участник многих общественных процессов в г. Сыктывкаре в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Дмитрий Несанелис (1960–2016)¹. Обстоятельно траекторию возвращения имени и наследия Сорокина, а также процессы институционализации его памяти в Республике Коми можно проследить по работам А. Ю. Долгова [2], О. Ю. Кузивановой [3; 4], К. П. Лазебной [5], В. С. Русановой [6]. Но есть и то, что по разным причинам не могло быть известно этим авторам, но что имеет свою историческую научную ценность. Введение в научный оборот этих новых сведений поможет будущим исследователям лучше понять процессы, происходившие в среде молодых ученых и журналистов республики в обозначенный период. Восполнение этой панорамы имеет свою важную нравственную составляющую, поскольку представляет собой акт выражения искренней благодарности ко многим живым и к памяти уже ушедших людей, благодаря которым Республике Коми было обеспечено важное культурное лидерство.

Дата первого в СССР развернутого информационного сообщения о П. А. Сорокине, свободного от традиционно крайне негативной марксистско-ленинской трактовки, известна до дня. Это произошло 30 сентября 1988 г., когда газета «Молодежь Севера» опубликовала

¹ Дмитрий Несанелис: Пителим Сорокин — «суперзвезда» науки XX века // Коминформ. 1994. 1 августа. URL: <https://komiinform.ru/news/114537/> (дата обращения: 12.05.2022).

ликовала первую часть обширного интервью¹ с ленинградским историком российской социологии, профессором Игорем Голосенко (1938–2001). Спустя неделю вышла вторая часть этого материала². Эти две публикации стали первыми в новейшей истории республики и всей страны подробными позитивными рассказами о Сорокине. И они же были результатом скрытых от широкой общественности усилий разных людей, стремившихся воздать подобающую оценку и значение имени и научному наследию Питирима Александровича именно на его родине.

Начало этим усилиям было положено в конце 1987 г., когда на одном из культурологических семинаров в ленинградском Доме ученых собравшиеся услышали и обсудили доклад И. А. Голосенко о судьбах и значении русской социологической школы в до- и послереволюционный период. Фигура Питирима Сорокина по понятным причинам оказалась в центре этого доклада. В то время Игорь Анатольевич Голосенко был уже доктором философских наук, профессором и заведовал кафедрой философии Ленинградского института водного транспорта. Чуть позже он перешел в Ленинградский (позднее Санкт-Петербургский) филиал Института социологии АН СССР (РФ).

Игорь Голосенко — фигура весьма значительная для отечественной социологической науки, а для сорокинской темы особенно. Молодым ученым в середине 1960-х гг. он избрал социологию Питирима Сорокина темой кандидатской диссертации, переписывался с Питиримом Александровичем. Настоящий патриот истории российской социологии, Игорь Голосенко необыкновенно ярко умел выделить значение Сорокина, и было заметно, что он гордился своей личной причастностью к сорокинской теме, любил к ней возвращаться в общении.

Когда обсуждение доклада завершилось, мы познакомились и профессор пригласил меня к себе на свои лекции, а вскоре и домой.

¹ Шаронов В. Питирим Сорокин: кто он? [Интервью с И.А. Голосенко] // Молодежь Севера 1988. 30 сентября. С. 3.

² Шаронов В. Питирим Сорокин: кто он? Окончание. [Интервью с И.А. Голосенко] // Молодежь Севера 1988. 2 октября. С. 3.

Своими экскурсами в сорокинские темы, рассказами о малоизвестных эпизодах сорокинской жизни, раскрывавших непростой характер ученого, Голосенко сразу намагнитил меня так, что, увидев в квартире профессора «A long journey», я буквально вцепился в эту возможность погрузиться в авторский рассказ Пителима Александровича о своей жизни и научной судьбе. В то время книга «Долгий путь» была доступна только узкому кругу читателей, допущенных в фонды специального хранения научной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Благодаря присущей Голосенко душевной щедрости я получил уникальную книгу на руки и тут же сделал ее «светокопию».

Через некоторое время, приехав по делам в Сыктывкар, я принес в редакцию «Молодежи Севера» большую статью о Сорокине, написанную на основе его автобиографической книги. Ответственному секретарю газеты Евгению Хлыбову текст понравился. Темой он тоже загорелся, что, впрочем, не помешало ему отказать в публикации материала. Евгений справедливо аргументировал, что статуса аспиранта, имевшегося у автора очерка, слишком недостаточно для преодоления барьеров цензуры в отношении такой подзапретной фигуры, как Сорокин. Пришлось обратиться «за авторитетом» к доктору философских наук И. А. Голосенко, переработав первоначальный вариант текста в формат интервью с профессором. Игорь Анатольевич без всяких колебаний мгновенно разрешил использовать его любые чины и звания, лишь бы публикация на родине Сорокина состоялась.

Культурный прорыв и значение этого большого по объему, но формально всего лишь газетного, т. е. скромного материала переживалось всеми нами очень остро, ведь до него всякое упоминание имени Сорокина обязано было сопровождаться ритуальной и огульной критикой и обязательным идеологическим клеймением идейного врага. В упомянутом интервью никаких «танцев с марксистско-ленинскими бубнами» вокруг имени Сорокина впервые не было, и этот факт первого в новейшей истории страны отсутствия критики воспринимался как чудо, поскольку каждая буква газе-

ты Коми обкома ВЛКСМ все еще просеивалась сквозь сито партийной цензуры, именуемой «Главлит».

Следующий 1989 год был годом столетнего юбилея П. А. Сорокина. Игорю Голосенко удалось убедить руководство Библиотеки АН СССР (БАН) организовать книжную выставку, посвященную этой дате [7]. Во многом это было своеобразным исполнением завещания Питирима Александровича, выполненного его вдовой Еленой Петровной Баратынской, передавшей Горьковской библиотеке Ленинградского госуниверситета 16 томов сорокинских сочинений. В республике столетний юбилей также имел свое отражение. В Коми АССР в конце февраля 1989 г. в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО АН СССР была организована так называемая Академическая среда, посвященная юбилею знаменитого ученого и земляка. На этом семинаре, открытом для активных общественников, В. А. Семенов и Д. А. Несанелис рассказали в позитивном ключе об этнографических исследованиях П. Сорокина и В. В. Налимова [8]. Каждая такая встреча тогда воспринималась как заметное событие, поскольку участники академического разговора относились к референтной группе, чье мнение было значимо для общества и находило заметно более широкий отклик.

Тем не менее никакого «автоматического» обновления общества не происходило, а продвижение тем истории немарксистской русской социологии требовало немалого напряжения и от дерзких молодых ученых, и от отметившего пятидесятилетие Игоря Голосенко. Вскоре после проведения упомянутой выставки Игорь Анатольевич оказался в больнице. Тогда-то я убедил его взяться за книгу, обнадежив ее вероятным изданием в Сыктывкаре. Договоренностей с Коми книжным издательством не было, с моей стороны это была авантюра чистой воды, но чудесным образом все же осуществившаяся. Спустя несколько лет Голосенко признался мне, что работа над рукописью этой книги тогда, в больнице, буквально спасла ему жизнь, заставив сосредоточиться, собраться с силами. В начале 1990 г. я привез рукопись книги Игоря Анатольевича в Коми книжное издательство. Но потребовалось еще два года,

чтобы преодолеть сопротивление некоторых цензоров и отдельных руководителей Коми обкома КПСС.

16 сентября 1989 г. в национальной газете «Югид туй» появилась первая часть очерка, написанного профессором Ленинградской Высшей партийной школы Серафимом Никифоровичем Каневым «Питирим Сорокинлөн туй»¹. Как и все в газете, этот текст был напечатан на коми языке. В последующих четырех номерах вышли остальные части подробного рассказа на коми языке о жизни Питирима Сорокина².

Немаловажная деталь: публикация материалов о Сорокине в национальной газете совпала с появлением в этой же газете материала о состоявшемся Пленуме ЦК КПСС, придавшим новый импульс деятельности национальных культурных центров. В частности, было заявлено о необходимости предусмотреть в законодательстве право таких центров и общественных организаций «поддерживать связи с зарубежными странами, и непосредственно — культурные связи с аналогичными культурно-просветительными организациями этих государств, развивать контакты национальных меньшинств с гражданами других государств, с которыми их объединяет общее этническое происхождение или культурное наследие»³.

Да и сам Коми обком КПСС в то время уже не состоял из монолитных «охранителей», в нем, в частности, работал заместителем руководителя идеологического отдела человек совершенно нового настроения — Владимир Михайлович Теребихин⁴. Во многом благодаря ему обком издал силами партийного издательства крохот-

¹ Канев С. Н. Питирим Сорокинлөн туй // Югид туй. 1987. 16 сентября. № 111. Л. 5.

² Канев С. Н. Питирим Сорокинлөн туй // Югид туй. 1987, № 112, 113, 114, 115. Л. 5.

³ КПСС. Пленум. ЦК (1989, сентябрь): материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сент. 1989 г. М.: Политиздат, 1989. С. 228.

⁴ Необходимо упомянуть, что благодаря опережающей время поддержке В. М. Теребихина в Коми книжном издательстве были изданы несколько значимых книг, ранее попавших бы в категорию нежелательных и запрещенных. К сожалению, Владимиру Михайловичу пришлось заплатить за «вольномудство» и «слишком прогрессивные» предложения уходом из Коми ОК КПСС.

ную брошюру объемом в 24 страницы. Это была русскоязычная версия того самого очерка С. Н. Канева, посвященного Питириму Сорокину [9]. При этом по каким-то причинам с обложки исчезла фамилия автора, переключав в виде микроскопического размера шрифта в выходные данные этого карманного издания. Но важнее было то, что в тексте брошюры неоднократно использовались штампы идеологического осуждения идей П. А. Сорокина. Многие указывало на то, что издание брошюры — мера обкома, узнавшего о поступлении в Коми книжное издательство рукописи Голосенко и среагировавшего на опережение. Настроения в обкоме в отношении обновления были переменчивы¹, но к книге Игоря Анатольевича идеологическое цензурное ведомство сохраняло завидное постоянство: рукопись до верстки не допускалась, несмотря на личные симпатии и к теме, и к автору главного редактора Коми книжного издательства Игоря Львовича Кузнецова (1947–2000).

В феврале 1991 г. цензор все-таки поставил свой разрешающий штамп «В печать» на подготовленную рукопись Голосенко, но все мы знали, что любой телефонный звонок из «Желтого дома» мог все заморозить. Наконец в мае — буквально сразу после ликвидации Главлита (13 апреля 1991 г.²) — стараниями многих подвижников Коми книжное издательство запустило печатный станок. Так в стране появилась первая обстоятельная и объективная книга о Питириме Сорокине Игоря Голосенко [10]. Тираж ее составил 10 тыс. экземпляров, распространялся он преимущественно в системах республиканской книготорговли и «Союзпечати».

Современному читателю сопоставление дат ликвидации системы цензуры и появления книги о П. А. Сорокине ничего не говорит. Но вот важная деталь, указывающая на значение, которое

¹ В декабре 1989 В. М. Теребихина «за вольнодумство» вынудили написать заявление об увольнении из обкома партии.

² Постановление Кабинета Министров СССР 13 апреля 1991 г. №176 «О порядке реализации законов СССР "О Кабинете министров СССР" и "О перечне министерств и других центральных органов государственного управления СССР"» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=10540#DXKYJ6Tx4XhNkAM6> (дата обращения: 10.05.2022).

охранительные силы придавали полноте информации и объективности о Сорокине и его социологии: Главлит, сопротивлявшийся до последнего с книгой Голосенко, еще раньше, 1 апреля 1991 г., разрешил напечатать такую «крамолу», как книгу А. Л. Войтоловской «По следам судьбы моего поколения», посвященную репрессиям в 1930-е гг. То есть сорокинская тема виделась стражам идеологии опаснее.

В 1989–1990 гг. свою траекторию продолжила и светокопия сорокинской американской автобиографии «A long journey». Я привез и подарил ее первому предполагаемому переводчику — Дмитрию Несанелису. В декабре 1990 г. стараниями сотрудника НЦ УрО АН Михаила Борисовича Рогачева (1952–2021) была передана в типографию машинопись с материалами научно-популярного сборника «Родники Пармы»¹. В сборнике был размещен небольшой фрагмент начатого перевода автобиографической книги Сорокина, авторства Д. А. Несанелиса [11]. Там же была опубликована подробная статья П. Кротова и А. Липского о молодости ученого с уточненными данными о его рождении, в т. ч. на основании обнаруженной метрической книги турьинской Воскресенской церкви [12]. «Родники пармы» были изданы тиражом 10 тысяч экземпляров.

Далее по разным причинам работу над переводом Дмитрий Несанелис оставил и уступил эту миссию П. Кротову и А. Липскому, передав им скопированный экземпляр «A long journey». Издать их перевод, после того как вышла книга Голосенко², было значительно проще, хотя и здесь при внимательном сопоставлении выходных данных тоже можно обнаружить некоторые как бы «говорящие» нюансы.

Надо сказать, что «Молодежь Севера» до выхода автобиографии еще раз в июне 1991 г. информационно поддержала интерес к имени Сорокина³. Потом, как известно, в августе того же года слу-

¹ Фактически читатели получили «Родники Пармы» уже в 1991 г.

² Сорокин П. А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: Союз журналистов Коми ССР, МП «Шипас», 1991. С. 304.

³ Кротов П. П. «Блестящий ученый с тяжелым характером» (Американский профессор о Питириме Сорокине) // Молодежь Севера. 1991. 8 июня.

чился путч, и только после его поражения, 20 сентября 1991 г., Коми книжное издательство приступило типографскому набору «Долгого пути». В январе 1992 г. тираж в 50 тысяч экз. появился в книжных магазинах крупных городов страны и Республики Коми.

Необходимо отдельно остановиться на подвижнической деятельности в 1991 г. сотрудников Сыктывкарского государственного университета Владимира Ильина и Марины Ильиной, создавших, в т. ч. на волне воодушевленного возвращения имени Питирима Сорокина, полноценный социологически ориентированный научный журнал — альманах социальных исследований «Рубеж». Всего вышло 18 номеров этого издания. А в редакционную коллегию помимо В. И. и М. А. Ильиных вошли В. И. Грузнов, В. В. Козловский, Л. М. Макарова, М. Б. Рогачев. Такие титулованные ученые, как А. О. Бороноев, Я. И. Гишинский, С. И. Голод и др., не в последнюю очередь поначалу авансом поддерживали альманах, отдавая тем самым дань уважения коми земле, подарившей миру П. А. Сорокина.

1992 год стал переломным для процесса возвращения имени Питирима Сорокина: в сентябре в Сыктывкаре состоялась первая Международная научная конференция, посвященная П. А. Сорокину. Несмотря на то что научный уровень этой первой конференции был уязвим¹, это событие имело новую, принципиально значимую черту. Она заключалась в том, что с этого момента и далее все связанное с именем Сорокина сочеталось и обеспечивалось поддержкой республиканской государственной машины. Но, как обоснованно указала О. Ю. Кузиванова, только к 110-летию со дня рождения П. А. Сорокина (1999 г.) и общественность, и властные структуры республики «были готовы перевести процесс по возвращению его на более высокий организационный уровень» [3].

К нынешнему дню имя Питирима Сорокина органично вживлено не только в научную, общекультурную, но и в повседневную жизнь страны и республики. В феврале текущего года в главном университете страны — МГУ им. Ломоносова — прошла уже XVI (!)

¹ На этой первой конференции, по свидетельству участников, П. А. Сорокина выступающие уже не критиковали огульно, а впадали в другую крайность, преимущественно «захваливая» его [13, с. 4].

Международная научная конференция «Сорокинские чтения»¹. Международная научная конференция «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века», состоявшаяся в мае 2022 г. в г. Сыктывкаре, приурочена к юбилею СГУ им. Питирима Сорокина, но вообще с таким названием проводится с 2014 г., а круглые столы, связанные с именем Сорокина, проводятся с 1990-х гг. Заслуживает внимания привычный, но вряд ли в полной мере осознаваемый факт: мировая сеть непрерывно сообщает пользователям новости и отвечает на соответствующие вопросы, используя словосочетание «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», тем самым стихийно инвестируя своеобразный культурный капитал в цивилизационный потенциал региона.

На начальном этапе процесс возвращения имени и наследия Льва Платоновича Карсавина, взятом как в формате всей страны, так и в масштабе республики, происходил хронологически одновременно с узнаванием имени и наследия П. А. Сорокина и аналогичной информационной насыщенности. Прежде всего, заслуживает упоминания факт первого широкого издания Владимиром Аллоем книги А. Ванеева о последних годах жизни Л. П. Карсавина в Абези в альманахе «Минувшее»². До этого времени текст книги существовал в «самиздатовских» машинописных перепечатках, имевших неточности и погрешности, откуда он и был взят издателем. Этот альманах тогда печатался в Париже и доходил только до немногих узких специалистов, преимущественно академических историков. В республике о нем знали считанные единицы.

Путь к широкому читателю для имени Карсавина был открыт весной 1989 г., когда газета «Молодежь Севера» опубликовала два

¹ Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности»: XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: сборник материалов. М.: МАКС-Пресс, 2021. С. 1241 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.socio.msu.ru/documents/sorokinsbornik2021.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

² Ванеев А. А. Два года в Абези // Минувшее. Paris: Atheneum, 1988. № 6, С. 54–203.

больших фрагмента книги Анатолия Ванеева «Два года в Абези»¹. Тогда же в «Литературной газете» вышел большой очерк Сергея Сергеевича Хоружего (1941–2020) о Льве Карсавине². В тот период «Литературная газета» была едва ли не самой авторитетной и массовой газетой интеллигенции, с 1988 по 1989 г. ее тираж вырос почти вдвое³ и составлял более 6 млн (!) экз.⁴ В пропорциональном пересчете на численность населения страны это выражалось ориентировочно в более 50 тысячах жителей Коми АССР, получавших эту газету.

В 1989 г. произошло очень заметное событие в культурной жизни всей страны и особенно оцененное в русском Зарубежье: в результате поисков было установлено место захоронения Льва Карсавина в Абези. О том, как это произошло, рассказали две подробные публикации в «Молодежи Севера»⁵. О значении этого события сам за себя говорит тот факт, что самая известная газета эмиграции «Русская мысль» пошла на исключительный шаг, выпустив специальное приложение на четырех крупноформатных полосах⁶. Главный редактор «Русской мысли» Ирина Алексеевна Илловайская-Альберти назвала эту публикацию крупнейшим вкладом газеты в

¹ Ванеев А. Эпитафия Карсавину. Фрагменты рукописи А. Ванеева «Два города в Абези» // Молодежь Севера. 1989. 2 апреля. С. 3; Окончание. Молодежь Севера. 1989. 7 апреля. С. 3.

² Хоружий С. Лев Платонович Карсавин // Литературная газета. 1989. 22 февраля. С. 5.

³ Об итогах подписки на центральные газеты и журналы на 1989 г. // Известия ЦК КПСС. Информационный ежемесячный журнал. М.: Издание Центрального комитета КПСС, 1989. № 1 (288). С. 139.

⁴ Литературная газета // Академик. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/193372#1967.E2.80.941990> (дата обращения: 10.05.2022).

⁵ Шаронов В. Одиннадцатая в бесконечном ряду. На сохранившемся кладбище заключенных в Абези найдена могила Л. П. Карсавина // Молодежь Севера. 1989. 25 июня. С. 3; Шаронов В. Одиннадцатая в бесконечном ряду // Молодежь Севера. 1989. 30 июня. С. 3.

⁶ Шаронов В. «Он всегда был русским...» Памяти Льва Платоновича Карсавина // Специальное приложение к газете «Русская мысль». Париж, № 3828, 18 мая 1990 г. Париж, 1990. С. 1–4.

русскую культуру в 1990 г.¹ Фрагменты этого специального приложения были включены в отдельную книгу А. А. Ванеева «Два года в Абези», изданную в Брюсселе на русском языке [15].

В 1990 г. в сборнике «Родники Пармы» вышел большой материал с подробными данными об университетском периоде Л. П. Карсавина и о его дальнейшей судьбе, завершившейся в Абези [16]. О значении имени Льва Карсавина говорит и то, что в 1990 г. журнал «Наше наследие» (тираж 200 тыс. экз.) опубликовал книгу Анатолия Ванеева «Два года в Абези» — в № 3 (15)² и в № 4 (16)³. С изданием первого тома Л. П. Карсавина «Религиозно-философские сочинения» в 1992 г.⁴ труды мыслителя стали систематически издаваться центральными издательствами в виде отдельных книг.

В республике труды Карсавина не издавались. В список публикаций, посвященных этому имени, входят только две статьи, появившиеся по личной инициативе Павла Лимерова, научного сотрудника Коми научного центра РАН и главного редактора журнала «Арт». Первая вышла в 2013 г.⁵, вторая — в 2019 г.⁶ (тираж журнала 1200 экз.). И также — по личной инициативе Евгения Хлыбова, главного редактора республиканского журнала «Регион» (тираж 1200 экз.) — в 2017 г. вышла еще одна статья о Л. П. Карсавине⁷.

Заслуживает упоминания до конца незавершенная попытка преподавателей Ухтинского государственного технического уни-

¹ Иловайская-Альберти И. А. О России, для России (избранные публикации последних лет). М.: Рудомино, 2002. С. 38.

² Ванеев А. А. Два года в Абези // Наше наследие. Общественно-политический и литературно-художественный и научно-популярный журнал Советского фонда культуры и Госкомпечати СССР. М., 1990. № 3 (15). С. 61–83.

³ В том же издании. № 4 (16), С. 81–103.

⁴ Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения. М.: Ренессанс, 1992. С. 325.

⁵ Шаронов В. И. Русский Лев — литовский Платон... // Арт. Литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал Республики Коми. 2013. № 4. С. 138–150.

⁶ Шаронов В. И. «Изболела душа...» // Арт. Литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал Республики Коми. 2019. № 2. С. 57–71.

⁷ Хлыбов Е. В. Под литерой П-11 // Регион. Ежемесячный журнал о Республике Коми. 2017. №12. С. 42–47.

верситета Д. Н. Безгодова и Е. А. Вологина в 2017 г. реализовать потенциал имени Льва Карсавина в воспитательных проектах со студентами [17].

За все прошедшее время к шагам, которые с изрядной натяжкой можно расценить в качестве мер государственной поддержки по сохранению имени и наследия Льва Карсавина, отнесем только издание Ю. А. Спиридоновым (1938–2010) Указа Главы Республики Коми от 14.01.1999 № 6. Согласно этому документу номерное кладбище заключенных Минерального лагеря (1947–1956 гг.) в пос. Абезь Интинского района было отнесено к объектам исторического и культурного значения и включено в перечень памятников истории и культуры местного (республиканского) значения¹.

Этим же актом Министерству культуры Республики Коми было поручено обеспечить контроль за сохранностью кладбища, но никаких конкретных предписаний о необходимости разработки культурных программ в указе не было. Стоит отметить, что в ранее изданном Указе Главы Республики Коми от 13 октября 1997 г. № 287 об издании Мартиролога «Покаяние»² такие вполне конкретные указания были, что, как известно, имело очень большие конкретные последствия. Какие-либо другие формы и виды государственной поддержки — информационной, финансовой или организационной — по вовлечению в культурный оборот конкретного имени и наследия Льва Карсавина за минувший период отсутствуют.

Косвенным образом содействовали информационно-культурному сохранению имени Карсавина некоторые точечные проекты Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние», созданного по ини-

¹ О включении объектов исторического и культурного значения в перечень памятников истории и культуры местного (республиканского) значения: указ Главы Республики Коми от 14.01.1999 № 6 // Газета «Республика» от 02 февраля 1999 (N 19).

² Об издании республиканского мартиролога «Покаяние»: указ Главы Республики Коми от 13 октября 1997 г. № 287 // Информационная система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/27313662/> (дата обращения: 15.05.2022).

циативе И. Е. Кулакова (1944–2005) в январе 1998 г.¹ и личные подвижнические усилия Михаила Борисовича Рогачева (1952–2021)².

На муниципальном уровне сохранению имени Карсавина способствовал только Интинский краеведческий музей. В 2001 г. на базе самодеятельного музея, созданного в школе пос. Абезь местным краеведом В. В. Ложкиным, был организован отдел Интинского краеведческого музея и выделено 0,5 ставки постоянного сотрудника этого филиального подразделения.

В 2012 г. музей провел научно-практическую конференцию³, в ходе которой по инициативе и на средства частного лица на могиле Л. П. Карсавина был установлен совершенно стандартный, безликий кладбищенский памятник. Эта тиражируемая всеми современными ритуальными агентствами плита заменила большой деревянный крест, установленный ранее абезьскими подвижниками А. М. Жаворонковым и В. В. Ложкиным. Символично, что инициатор замены креста на мраморную плиту Т.Я. Подрабинек воспроизвела в мраморе фактические ошибки в датах рождения и смерти Льва Карсавина, ранее сделанные литовскими энтузиастами на установленной ими металлической мемориальной доске.

Еще одна подобная научная конференция состоялась в сентябре 2017 г. Городские власти, видимо, решили одним проектом достичь сразу двух целей и посвятили форум одновременно и 100-летию Октябрьской революции, и 135-летию со дня рождения Л. П. Карсавина. Абсурдность такого шага дополнительно подчеркнуло название конференции — «Уроки обреченной веры». В

¹ Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий "Покаяние". URL: <https://pokayanie-komi.ru/f/ustavskan-koriya1.pdf> (дата обращения: 20.05.2022).

² Напр. см. статьи «Абезь», «Абезьское мемориальное кладбище», «Карсавин», «Ванеев» // Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар, 2016. Т. 12, Ч. 1. С. 15–16; 90; 284, 586.

³ Электронный портал «Благовест». URL: <http://blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=50091> (дата обращения: 20.05.2022).

анонсах было заявлено 60 участников¹, фактически вместе со школьниками пришло около 50 человек².

Систематическими усилиями по сохранению имени и наследия Л. П. Карсавина в Республике Коми после 1991 года и по настоящее время занимался только один энтузиаст. Им стал бывший кочегар, выросший до уровня вполне профессионального краеведа, патриот Абези Виктор Васильевич Ложкин. Именно его усилиями в Интинском краеведческом музее возник специальный фонд хранения, посвященный Карсавину. Фонд состоит из уникальных документов о жизни Льва Платоновича и включает даже некоторые личные вещи Карсавина, подаренные В. В. Ложкину в знак признательности Сусанной Львовной Карсавиной.

Возникает естественный вопрос: а может, Лев Карсавин, его наследие, вообще не нужны нашей суровой северной земле? Может быть, на «нет» и суда нет, и нам, современным жителям России, уже не близка «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»? Утвердительный ответ теоретически возможен, но для него придется пренебречь тем, что культурная ткань может распадаться целыми пластами, если из нее, не глядя, мотовски, выдергивают золотые нити, если не замечают их интегрирующего значения. Тем более, что на республиканском культурно-историческом ландшафте не наблюдается сверхвысокой плотности имен, значимых не только в российском, но и в мировом масштабе. Лев Платонович Карсавин относится к таковым вне всяких сомнений, а его судьба и творчество вполне могут заметно обогатить культурную панораму региона и даже удержать от некоторых ошибок. Поскольку к нынешнему дню для заметного числа жите-

¹ Материалы научно-практической конференции «Уроки обреченной веры», посвященной 135-летию со дня рождения русского религиозного философа Л. П. Карсавина и 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции: сборник докладов и статей. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 8–16.

² На могиле репрессированного философа Льва Карсавина в интинском поселке Абезь побывали участники научно-практической конференции // Коминформ. 2017. 22 сентября. URL: <https://komiinform.ru/news/153682> (дата обращения: 16.05.2022).

лей Республики Коми имя Льва Карсавина говорит немного, имеет смысл кратко обозначить вехи его жизненного пути и основные этапы творчества. Этот же абрис судьбы и трудов представляет собой богатую основу для творческого переосмысления и переработки в возможные научные, научно-практические, культурные проекты, литературные, церковно-ориентированные и др. проекты, связанные с именем этого замечательного ученого и мыслителя и его ученика и последователя А. А. Ванеева.

Выходец из мещанской семьи балетного танцора, далекой от мира академической науки, Лев Карсавин рано проявил свою одаренность, как, впрочем, и его впоследствии ставшая всемирно знаменитой родная сестра балерина Тамара Карсавина (1885–1978). Ее талант имел в сравнении с множественными дарованиями брата относительно узкий диапазон, но этих способностей в сочетании с трудолюбием вполне хватило, чтобы обеспечить русской танцовщице место главной звезды в знаменитых «русских сезонах» Сергея Дягилева в Европе (1909–1929), а позже — высокую должность вице-президента Королевской академии танца в Великобритании (1930–1955)¹, которую она сама помогала основать в 1920 г.²

Лев Карсавин обладал феноменальной памятью и способностями к языкам и выбрал для себя стезю историка-медиевиста, с блеском закончив вначале гимназию, а затем историко-филологический факультет Петербургского университета³. Его научный руководитель И. М. Гревс, подготовивший плеяду круп-

¹ Первый перевод мемуаров Т. П. Карсавиной был издан еще в СССР, см.: Карсавина Т. П. Театральная улица. Л.: Искусство, 1971. С. 246.

² Tamara Platonovna Karsavina // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Tamara-Platonovna-Karsavina> (дата обращения: 20.05.2022).

³ К настоящему времени о судьбе и творчестве Л. П. Карсавина написано множество работ, поэтому в настоящей статье мы ограничимся ссылками. Интересующихся биографией Карсавина отсылаем к: Ендольцев Е. А. Лев Карсавин в Петербурге // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. СПб., 2009. Т. 184. С. 394–399.

ных русских и советских историков, оценивал Карсавина как «сверхдаровитого»¹.

Магистерскую и докторскую диссертации Лев Карсавин успешно защитил в 1913 и в 1916 гг., но новаторский подход диссертанта вызвал серьезную полемику, так как существенно нарушал границы сложившихся подходов классической истории. В самом кратком виде можно сказать, не ограничиваясь принципом фактического историзма, он воссоздавал дух средневековой эпохи через понятия «среднего религиозного человека», носителя «общего религиозного фонда» [17]. Тем самым Карсавин не только предвосхитил теоретическую дисциплину, известную сегодня под именем «культурология», но и, по мнению некоторых исследователей, опередил французскую «школу аналов» исторической антропологии Марка Блока и Люсьена Февра [18].

Однако уже в 1918–1919 гг. Л. П. Карсавин заявил о себе в качестве религиозного автора, написав авторское² предисловие к собственному переводу откровений бл. Анджелы и оригинальную работу «Saligia», а в 1922 г. в качестве религиозного философа, имеющего собственный оригинальный взгляд. Он изложил его в книге со сложной жанровой полифонией «Noctes Petropolitanae» («Петербургские ночи»), соединив в тексте личные мистические озарения, богословские и научные знания, рациональные спекуляции и даже личные эротические переживания. Лирической героиней этой книги стала Е. Ч. Скржинская, в будущем состоявшаяся как крупный медиевист, а в пору написания «Петербургских ночей» — студентка Карсавина. Православная общественность не простила такой откровенности тому, кто заявлял о себе как о православном человеке и философе, ведь на момент написания книги Карсавин был женат и воспитывал трех дочерей.

Страсть к живой и конкретной женщине преобразила ученого и разбудила в нем страсть философской мысли, но ради своих до-

¹ Карташёв А. В. Лев Платонович Карсавин // Вестник РХД. 1960. № 58–59 (III–IV). С. 72–78.

² Откровения бл. Анджелы / пер. и вступ. ст. проф. Л. П. Карсавина. М.: Изд. Г. А. Лемана, 1918. С. 323.

черей Лев Карсавин не разрушил свою семью. Как свидетельствует Анатолий Ванеев, ставший самым близким Карсавину человеком в последний период жизни, это была любовь «чистая, ясная, прекрасная и вместе с тем мучительная, не осуществившаяся, но неизменная до порога старости» [20, с. 345].

После высылки из Советской России в Берлин Карсавин много пишет, выпускает несколько значительных работ, в том числе «Философию истории» и «О началах». Наконец он знакомится с одним из создателей евразийства П. П. Сувчинским, и по его настойчивым рекомендациям Карсавин вовлекается в очень узкий круг основателей и главных идеологов евразийского движения — вместе с Н. С. Трубецким, П. Н. Савицким, П. П. Сувчинским. В 1926 г. наступает парижский период его жизни и творчества, отмеченный тем, что после переезда в Кламар вокруг Карсавина образовалось своеобразное крыло евразийства и сложился некий дружеский круг для встреч и общения. В него вошли более молодые по возрасту участники, с семьей Карсавиных также сблизилась Сергей Эфрон и Марина Цветаева. Парижское крыло — «младоевразийцы» вырабатывали свои взгляды при явном теоретическом лидерстве Карсавина — «ересиарха» и «еретика среди еретиков» [21; 22].

В своем «левом» курсе и поисках путей сотрудничества с советской властью младоевразийцы даже попытались провести личные переговоры Л. П. Карсавина с видным большевиком Г. Л. Пятаковым, находившимся в 1927 г. на должности руководителя торгового представительства СССР во Франции [23]. Они считали западное влияние чужеродным для России, говорили о необходимости собственного пути для страны, признавали роль советов как выражение народовластия, а марксизм-ленинизма предлагали заменить на православие. Многие сторонники этого курса из искреннего патриотизма стали сотрудничать с ОГПУ, их значительное число в разные годы вернулось в СССР, и почти все они были, рано или поздно, репрессированы или расстреляны. Л. П. Карсавин в отношения с ОГПУ во Франции не вступал.

Просоветская ориентация части евразийства привела к расколу и кризису движения в 1928–1929 гг., а затем — к прекращению щедрого финансирования евразийцев английским меценатом Генри Сполдингом. В 1927 г. Карсавин получил приглашение занять место профессора в Каунасском университете, в 1928 г. он переехал в Литву. Преодолев непростые обстоятельства своего первого восприятия со стороны литовской религиозной и научной общности из-за публикации антикатолических брошюр и статей, Карсавин сравнительно благополучно встроился в литовскую науку. Он настолько блестяще освоил еще один язык, что доказал возможность создавать на литовском языке теоретические, в т. ч. философские работы [24].

Здесь же, в Каунасе, он создал (на русском языке) свою «Поэму о смерти»¹ (1932) — своеобразное продолжение «Петербургских ночей». Еще раньше, там же, он издал книгу «О личности»² (1929) — капитальное изложение своего философского истолкования отношений человека и бытия. В центр всего Карсавин поместил собственное ключевое понятие «симфонической личности».

Этот труд имеет религиозный характер, внутренне устремлен к раскрытию христианской догматики и вряд ли поддается конвертированию его в психологический или социологический дискурс. Убеденность Карсавина в эвристическом значении христианских догматов и онтологическая фундаментальность решительно выделяет Карсавина среди всех русских религиозных философов. Не пытаясь уравнивать русского мыслителя с Мартином Хайдеггером, все же следует указать, что к настоящему времени уже появились философско-аналитические работы, посвященные сопоставлению взглядов этих двух мыслителей [25].

О пятитомной «Истории европейской культуры»³ в шести книгах (5-й том в двух частях), написанной на литовском языке с 1931 по 1937 г., достаточно сказать, что к настоящему дню переведен и

¹ Карсавин Л. П. Поэма о смерти. Kaunas: Eranus, 1932. С. 80.

² Карсавин Л. П. О личности. Kaunas, 1929. С. 224.

³ Karsavinas Levas. Europos kultūros istorija. Kaunas, Vytauto Didžiojo universiteto Humanitarinių mokslų fakultetas. 6 tomai (5 kn. 1–2). 1931–1937

издан на русском языке только один первый том¹, при том что перевод и издание остальных книг могло бы составить честь и славу любому крупному российскому вузу.

Советская власть не забыла Л. П. Карсавина и после вхождения Литвы в состав СССР еще удивительно долго — до 1949 г. только внимательно присматривала за ним, окружив секретными осведомителями МГБ, но 9 июля философ был арестован. Находясь в тюрьме, Карсавин, подобно С. Бозцию, создал стихотворное произведение особого рода — «Венок сонетов», обращенное к Богу. Доставленный 8 сентября 1950 г.² после приговора Особого совещания к 10 годам заключения в инвалидный лагерь Абези, Лев Карсавин смог продолжить работу над стихами, вначале воспроизведя по памяти сочиненное в Вильнюсской тюрьме, а затем добавив «Терцины» и богословский комментарий к стихам. Больной и помещенный в лагерную больницу Карсавин продолжил работать над созданием отдельных статей, которые были записаны и сохранены заключенными Анатолием Анатольевичем Ванеевым и Владасом Никодимосом Шимкунасом [15].

Анатолий Ванеев стал учеником и душеприказчиком Льва Карсавина, спас все написанное в Абези после смерти своего учителя 17.08.1952 г.³ и уже в 1960-е гг. состоялся как самостоятельный оригинальный мыслитель⁴.

¹ Карсавин Л. П. История европейской культуры. Т. 1. Римская империя, христианство и варвары. СПб.: Алитейя, 2003. С. 336.

² Как следует из записей А. А. Ванеева в его личном архиве, доступного автору настоящей статьи.

³ Об уточненной дате смерти Льва Карсавина см.: Шаронов В. И. Старый фотоснимок могилы Л. П. Карсавина многие десятилетия скрывал точную дату его смерти // Осткрафт. Научное обозрение. М., 2019. №3. С. 157–160; Шаронов В. И. Старый фотоснимок могилы Л. П. Карсавина многие десятилетия скрывал точную дату его смерти. Послесловие // Осткрафт. Научное обозрение. М., 2019. № 4. С. 180–181.

⁴ О международном признании значения религиозной мысли А. А. Ванеева говорят публикации его произведений авторитетным богословским журналом «Символ», в редколлегию которого входил С. С. Аверинцев, В. В. Иванов и др. См., например: Ванеев А. А. Вторая новизна // Символ. Париж, 1994. № 32. С. 211–248; Ванеев А. А. Под углом умопремены // Символ. Париж, 1994. № 32. С. 249–254.

В заключение следует добавить, что, когда 1989 г. было установлено место захоронения Л. П. Карсавина, в Литве немедленно возникло движение по переносу останков в Вильнюс. Лишь благодаря нашему личному знакомству с одним из самых авторитетных литовских священников и общественных деятелей О. Ф. М. Сар., Станиславом Добровольским, бывшим заключенным Инты и Воркуты и близким другом А. А. Ванеева, этот проект сошел на «нет». Патер Станислав прочитал адресованное мне письмо от Сусанны Львовны Карсавиной, в которой она сформулировала свою волю и волю Марьяны Львовны, — не трогать могилу в Абези, и после этого своим авторитетом он остановил энтузиастов переноса праха Карсавина в Литву.

Таков краткий обзор жизни и творчества Л. П. Карсавина, чья судьба и творчество оказались близко связанными со множеством самых значительных людей нашего Отечества, и уже на основании этих сведений можно убедиться, какая широта интересов свойственна фигуре того, чьим местом упокоения Провидение назначило Республику Коми.

Панорама, представленная выше, позволяет самым кратким образом подвести некоторые наиболее важные итоги. Для этого достаточно воспользоваться таким индикатором сравнительного присутствия имен и наследия Питирима Сорокина и Льва Карсавина в историко-культурном ландшафте страны и Республики Коми, как количественные показатели публикационной активности книжных издательств, публикационной активности российских ученых, отражаемой в системе РИНЦ, присутствие наследия обоих авторов в основных научных библиотеках страны и республики.

Добросовестный наукометрический анализ публикационной активности, посвященной П. А. Сорокину в период с 1980 по 2012 г., предложила К. П. Лазебная. Из него следует, что двумя пиками научного интереса к сорокинским темам можно считать середину 1990-х гг. — 251 публ. и первое десятилетие 2000-х гг. — 361 публ. Пиковыми годами стали 1972 г. — 71 публ., 2000 г. — 61 публ. и 2009 г. — 176 публ. [5, с. 85]

По данным РИНЦ за указанный период в РФ было опубликовано научных статей и работ, в которых так или иначе затрагивались идеи и труды П. А. Сорокина и Л. П. Карсавина, соответственно свыше 10 тыс. и свыше 7 тыс. (что в очередной раз указывает на сопоставимую значимость наследия каждого из этих авторов). При том, что в республике количество публикаций о П. А. Сорокине, опубликованных к сегодняшнему дню, исчисляется в сотнях, аналогичных, т. е. появившихся в республиканских изданиях статей и книг, хотя бы отдаленно имеющих отношение к Л. П. Карсавину, кроме вышеупомянутых, сегодня фактически нет.

На сегодняшний день по данным электронного каталога Российской государственной библиотеки¹, куда в обязательном порядке должен поступать экземпляр каждой издаваемой книги, с 1989 г. по настоящее время в России вышли в свет 44 издания с работами П. А. Сорокина и 25 — с работами Л. П. Карсавина, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге соответственно 27 и 25 книг, в Республике Коми 17 книг П. А. Сорокина и ни одной (!) книги — Л. П. Карсавина.

Электронный каталог Национальной библиотеки РК² по запросу «Питирим Сорокин» предлагает сведения о 71 издании, а по запросу «Лев Карсавин» — всего 10.

Эти данные позволяют предварительно констатировать, что потенциал имени и наследия Л. П. Карсавина, взятый в непосредственном историко-культурном ландшафте именно Республики Коми, в настоящее время фактически стремится к нулю. Это находится в существенном контрасте с тем положением, при котором государственная поддержка проектов, связанных с именем Питирима Сорокина, имеет весьма ощутимый и несравнимо более значительный по отношению к наследию Льва Карсавина результат.

¹ Российская государственная библиотека. Электронный каталог. URL: <https://search.rsl.ru/ru/search> (дата обращения: 17.05.2022).

² Электронный каталог Национальной библиотеки Республики Коми. URL: <https://opac.nbrkomi.ru/opac/> (дата обращения: 12.05.2022).

Заключение. Итак, сегодня сложилась парадоксальная ситуация, когда на историко-культурном ландшафте фактически отсутствуют имя и наследие человека весьма значительного масштаба. Происходит это, в первую очередь, потому, что современникам пока не удалось разглядеть и оценить ни этот потенциал, ни перспективы его творческого раскрытия и, следовательно, на эти цели не направлялось каких-либо мер государственной поддержки.

Трудности, возникающие при решении задачи реализации потенциала наследия Карсавина, можно обозначить в различных регистрах — на духовно-нравственном уровне, через теологическое и философское осмысление и уже потом на уровне практических проектов и программ. Подступаясь к решению этой задачи, нельзя забыть, что Лев Карсавин творил и известен преимущественно как русский религиозный философ, а его работы абезьского периода отмечены особенной сосредоточенностью на темах личной веры и отношений с Богом. Следовательно, тему о значении его наследия следует раскрывать и прояснять соответствующим образом, т. е. в первую очередь на языке богословия и религиозной философии.

Если двигаться таким путем, то первое, на что наталкивается наша мысль при обращении к карсавинской теме, — это сам факт чудесного обретения его могилы, вызывающе нарушивший «естественные» процессы после ГУЛАГовского советского и российского этапов развития страны. Всем своим ходом, вследствие ли каких-либо корыстных мотивов, или руководствуясь некими возвышенными соображениями, а в иных случаях вовсе бездумно, но происходившее развитие страны методично стирало материальные приметы гулаговских погостов. Жизнь наступала на омертвелое, и лагерные кладбища становились полями, по ним проходили новые трассы, на них даже возводились дома. Время не есть вечность, время имеет границы, и эта конечность, казалось, совсем не оставляет шансов вернуть ничтожно маленькому кусочку тундры статус могилы конкретного смертного человека. И вдруг в этой заданной переменчивости и бренности всего имя Льва Карсавина, писавшего о том, что наша земная смерть не есть последний конец, а только необходимый момент нашего соединения с вечностью,

вечной жизнью, превозмогло, разорвало дурную бесконечность своей обреченности на небытие. Позволено ли кому-то расценить случившееся от слова «случайно»?

Эти отвлеченные положения открываются более понятно, если вспомнить, как мы храним память о дорогих нам, но уже ушедших людях. Разве не становится для каждого из нас живым общением воспоминание о любимом человеке? А. А. Ванеев не сомневался, что любовь к умершему — свидетельство его живого присутствия [26, с. 28]. Стоит только встать на вульгарно-атеистическую позицию и усомниться в правоте Анатолия Ванеева, заявить, что со смертью человека все окончательно заканчивается, человеческая жизнь, все наше культурное творчество обесцениваются и теряют всякий смысл.

В церковной службе, посвященной покинувшему этот мир человеку, есть молитвенная просьба к Богу о со-творении ему вечной памяти. В них надо расслышать указание на то, что хранение памяти есть творение, акт творческий и, значит, созидающий. Не случайно поэтому поэт продолжает свое утверждение о любви к отеческим гробам строчками, что это чувство есть животворящая святыня, без которой земля была бы мертва.

Поэзия и философия — сестры, а смысл одинаково хорошо умеет как открываться в абстракции и метафоре, так оставаться в них прикрытым и недоступным. На это указывает Ж. Маритен, когда утверждает, что абстракция есть смерть для одного, для другого — воздух, которым он дышит, и животворение [27, с. 108]. Лев Карсавин — богослов, философ и поэт оказался слишком сложным для понимания в сравнении с Питиримом Сорокиным. Отчасти трудностью своей теоретической, отвлеченной мысли он сам несет ответственность за то, что не был подхвачен волной подлинного интереса. И до сих пор Карсавин не услышан и не понят при том, что на первоначальном этапе очень многие были тронуты его судьбой, историей его смерти, обретением могилы и буквально рванулись погрузиться в его религиозно-философские тексты, но быстро отступились, заподозрив автора в схоластике и оторванности от реальной жизни.

Однако наравне с тем, что Карсавин сам несет свою меру ответственности за сложность своих текстов и трудность умозрений, будущим читателям карсавинских работ тоже есть над чем поразмыслить. Воспитанному наукой, современному человеку привычно заносить философов в «системы», «классификации», приклеивать всевозможные «измы», как будто произнеся слова «модернизм», «персонализм» и иже с ними, что-то становится понятнее. На самом деле в таких случаях чаще всего подлинную философию незаметно подменяет философование, а философоведы, выпускаемые вузами, зачастую слишком склонны именовать себя философами. Но подлинная философия оживает и доходит до нашего сердца тогда, когда она становится для человека, по определению Льва Шестова, глубоко личным «странствованием по душам» [28, с. 262]. Анатолий Ванеев не только осознал это в отношении философского наследия Льва Карсавина, но и «отжал» его мысль до ясных четких формулировок [26, с. 345], в конце концов сосредоточившись на теме необходимости христианского выяснения положительного значения атеизма. Революционность этой задачи очевидна, ведь веками до Льва Карсавина и Анатолия Ванеева атеизм трактовался как порождение греховной поврежденности человека или результат действия темных сил. А. А. Ванеев по-своему развил то, что у Карсавина было только интуицией.

В одной из своих еще неопубликованных работ Ванеев прямо заявляет, что религиозным заданием нашего времени является преодоление в нашем сознании тех невидимых направляющих, посредством которых осуществляется атеистическое видение действительности и которые мешают нам увидеть, что весь положительный багаж атеизма — это реалистичность, его доверие действительности, его жажда свободы, его демократичность — все это и многое другое вышло из религиозных начал, вышло однако через прерыв самой религиозности и томится ожиданием, чтобы через прерыв была явлена непрерывность религиозного сознания, неотъемлемым достоянием которого является не только культовая религиозность, не только религиозная форма, а действительность как таковая во всех без малейшего исключения ее формах.

Сегодня, спустя полвека, когда в новой России стали известны книги Карла Барта, Карла Ранера, Дитриха Бонхёффера и др., идеи о необходимости выяснения положительного смысла атеизма, обдуманные А. А. Ваневым, уже не звучат шокирующе. Но в 1970-е гг. какие-либо труды западных теологов были совершенно недоступны и Ванеев шел не вычитанными путями западных теологов, а сосредоточенностью личной мысли, воспитанной и направляемой православным вероучением.

К этому уроку уяснения христианского смысла атеизма непосредственно примыкает еще одно дело, взятое на себя Анатолием Ванеевым. Перелагая мысль своего учителя, он ни на минуту не забывал о духовном призыве апостола Павла — не уклоняться от простоты во Христе, подвергая ум опасностям (2 Кор. 11:3). Ванеев был твердо убежден, что время, когда Церкви будет позволено говорить, обязательно наступит. Предупреждая об опасностях стилизации веры, или, как он говорил, «лубочного православия», Анатолий Ванеев учил говорить о вере без чувственной экзальтации, без пафосного наукообразия, но просто, ясно, серьезно и ответственно, чтобы слова доходили как для людей верующих, так и для и тех, кто пока далек от важной темы веры и Бога.

Еще один урок, который возможно извлечь из судьбы самого Льва Карсавина, — это его подвижнический труд в Литве. Пока Литва была открыта мировому наследию, мировой культуре, уровень научной жизни в ней был относительно достойным и шли процессы творческого развития. Стоило литовской элите повернуть курс к возделыванию исключительно национальной культуры, как многое стало чахнуть, вырождаться.

Если спроецировать этот, увы, по результатам негативный опыт на деятельность республиканских центров, сосредоточенных на продвижении наследия Питирима Сорокина, получающих значительную государственную помощь, то руководителям Республики Коми и самих этих центров следует как можно скорее осознать, что не интересом к единому имени Сорокина обеспечивается культурное и научное будущее. Наукометрия уже давно сигнализирует, что количество публикаций, посвященных непосредственно

биографии Сорокина, начало падать еще несколько лет назад [5], и это вполне закономерно с точки зрения насыщения общественно-го интереса. С узко тематическим «перееданием» можно и нужно бороться особой интеллектуальной «диетой», научаясь мыслить многомерно, масштабами мира, одновременно не страшась осознать себя крепкой российской провинцией, по-настоящему сильной и продвинутой в нескольких направлениях и используя все ценное, что подарено самой историей края.

В числе прочего — это имя Льва Платоновича Карсавина, его наследие, вклад в российскую историческую науку, и особенно его опыт и теоретическая разработка возможностей евразийской модели и вектора государственного развития страны, особенно актуальной сегодня. Не меньшим потенциалом обладают и его богословские и философские труды мыслителя. Для этого необходимо только со-организовать соответствующие проекты, поддержать раскрытие и реализацию скрытого в карсавинском имени и его наследии. Разумеется, такая задача адресуется и посильна не просто неким отвлеченным институциональным государственным структурам «вообще», а работающим в них людям, имеющим настоящее государственное мышление, способным видеть подлинную историческую и культурную перспективу, осознать духовный и культурный масштаб имен и их наследия.

Список источников

1. Квакин А. В. Высылка интеллигенции в 1922–1923 годы: мифы и реальность // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 1 (9). С. 93–106.
2. Долгов Ю. А. Основные направления изучения и популяризации наследия П. А. Сорокина в России и за рубежом // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 158–174.
3. Кузиванова О. Ю. Институционализация памяти и популяризация научного наследия П. А. Сорокина в Республике Коми // Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина. Раздел «Материалы и статьи». URL: <http://rksorokinctr.org/images/nauka/kuzivanova.%20sorokin%20i%20rk.pdf> (дата обращения: 20.05.2022).

4. Кузиванова О. Ю. Изучение и популяризация научного наследия П. Сорокина в Республике Коми: доклад на пленарном заседании Международной научной конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века» (к 130-летию со дня рождения), Сыктывкар, 10 октября 2019 г. // Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина. Раздел «Материалы и статьи». URL: http://rksorokinctr.org/images/nauka/kuzivanova_ou.pdf (дата обращения: 20.05.2022).
5. Лазебная К. П. Основные направления исследований творчества П. А. Сорокина в России: наукометрические и историографические данные. // Наследие. 2014. № 4. С. 83–93.
6. Русанова В. С. Русские революции 1917 года и П. А. Сорокин (историографический аспект) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2019. № 6. С. 42–55.
7. Питирим Александрович Сорокин: Каталог книжной выставки, посвященной 100-летию со дня рождения / [сост. В. М. Зверев, В. И. Капуста; вступ. ст. И. А. Голосенко]. Л.: БАН, 1989. С. 31.
8. Несанелис Д. А. Благодарная память. К 100-летию Василия Васильевича Налимова // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2010. № 3 (11). URL: <http://www.hcpncr.com/journ1110/journ1110nesanelis.html> (дата обращения: 20.05.0222).
9. Канев С. Н. Путь Питирима Сорокина. Сыктывкар: Изд-во Коми обкома КПСС, 1990. С.23.
10. Голосенко И. А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, Коми кн. изд-во, 1991. С. 246.
11. П. Сорокин: Успешный дебют в столице // Родники Пармы: научно-популярный сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 49–50.
12. Кротов П. П., Липский А. В. Пути-дороги «большого человека» (Очерк о Питириме Сорокине) // Родники Пармы: научно-популярный сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 51–66.
13. Дойков Ю. В. От составителя // Питирим Сорокин «Своевременные мысли»: библиографический указатель статей, опубликованный в газете “ Воля народа” 29 апреля — 28 декабря 1917 года. Архангельск, 1993. С. 15.
14. Ванеев А. А. Два года в Абези // Минувшее. Paris: Atheneum, 1988. № 6. С. 54–203.
15. Ванеев А. А. Два года в Абези. Брюссель: Жизнь с Богом, 1990. С. 386.

16. Румянцева С. Ю., Шаронов В. И. «Он всегда был русским...» // Родники Пармы. Научно-популярный сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 66-78.
17. Безгоднов Д.Н., Вологин Е. А. Концепт выдающейся личности и университетская среда: символично-дидактический смысл судьбы (П. А. Сорокин и Л. П. Карсавин) // Высшее образование в России. 2017. № 4 (211). С. 137-143.
18. Васильева М. А. Средневековая Италия и спор о «среднем человеке»: полемика П. М. Бицилли с Л. П. Карсавиным // Россия — Запад — Восток. Литературные и культурные связи. 2014. № 2. М.: Дом Русского Зарубежья. С. 50-64.
19. Хромова Е. Б. Из истории становления переноса антропологии в России: вклад истории ментальностей // Историческая и социально-образовательная мысль: всероссийский научный журнал. 2018. Т. 10. № 5 (Часть 1). С. 53-61.
20. Ванеев А. А. Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина // Карсавин Л. П. Два года в Абези. Брюссель: Жизнь с Богом, 1990. С. 337-366.
21. Мартынов А. Лев Карсавин: философ всеединства, персоналист, ересиарх // Вопросы философии. 2008. № 6. М.: ИФ РАН, 2008. С. 170.
22. Байсвенгер М. «Еретик» среди «еретиков»: Л. П. Карсавин и Евразийство // Лев Платонович Карсавин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 160-192.
23. Колеров М. А. О любви евразийства к СССР: Письмо Л. П. Карсавина к Г. Л. Пятакову (1927) // Русский сборник. Вып. XIV. М., 2013. С. 415-421.
24. Ласинскас П. Литовский период жизни и деятельности Льва Платоновича Карсавина // Диаспора: Новые материалы. 2004. № 6. С. 591-619.
25. Дёмин И. В. Трактровка соотношения прошлого и настоящего в историософии Карсавина и в экзистенциальной аналитике Хайдеггера // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 4. С. 55-65.
26. Иванов К. К. А. Ванеев — ученик Л. Карсавина // Иванов К. К. Камни. СПб., 2016. С. 28.
27. Маритен Ж. Величие и нищета метафизики // Маритен Ж. Избранное: Величие и нищета метафизики. М.: РОССПЭН. 2004. С. 107-129.
28. Шестов Л. На весах Иова (странствования по душам) // Шестов Л. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 25-551.

References

1. Kvakin A. V. Expulsion of the Intelligentsia in 1922–1923: myths and reality. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2013, no 1, (9), pp. 93–106. (In Russ.)
2. Dolgov Yu. A. Main areas for research and popularization of P.A. Sorokin's heritage in Russia and abroad. *Vestnik Syktyvskarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk*, 2017, vol. 6, pp. 158–174. (In Russ.)
3. Kuzivanova O. Yu. *Institucionalizatsiya pamyati i populyarizatsiya nauchnogo naslediya P.A. Sorokina v Respublike Komi* [Institutionalization of memory and popularization of the scientific heritage of P.A. Sorokin in the Komi Republic]. Centr «Nasledie» imeni Pitirima Sorokina. Section «Materials and Articles». (In Russ.) Available at: <http://rksorokinctr.org/images/nauka/kuzivanova.%20sorokin%20i%20rk.pdf> (accessed 20.05.2022).
4. Kuzivanova O. Yu. *Izucheniye i populyarizatsiya nauchnogo naslediya P. Sorokina v Respublike Komi* [Study and popularization of the scientific heritage of P. Sorokin in the Komi Republic]. Report at the plenary session of the International Scientific Conference "Pitirim Sorokin and paradigms of global development of the XXI century" (To the 130th anniversary of his birth) Syktyvkar, October 10, 2019, 10 October 2019. Centr «Nasledie» imeni Pitirima Sorokina. Section «Materials and Articles». (In Russ.) Available at: http://rksorokinctr.org/images/nauka/kuzivanova_oy.pdf (accessed 20.05.2022).
5. Lazebnaya K. P. The main directions of research of P.A. Sorokin's heritage in Russia: scientometric and historiographic data]. *Nasledie*, 2014, no 4, pp. 83–93. (In Russ.)
6. Rusanova V. S. Russian Revolutions of 1917 and P. A. Sorokin (historiographic aspect). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, 2019, no 6, pp. 42–55. (In Russ.)
7. *Pitirim Aleksandrovich Sorokin: Katalog knizhnoj vystavki, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Pitirim Aleksandrovich Sorokin: Catalog of the book exhibition dedicated to the 100th anniversary of his birth]. [Sost. V. M. Zverev, V. I. Kapusta; Vstup. st. I. A. Golosenko]. Leningrad, BAN, 1989. p. 31. (In Russ.)
8. Nesanelis D. A. Grateful memory. To the 100th anniversary of Vasily Vasil'yevich Nalimov. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorij*. 2010, № 3 (11). (In Russ.) Available at: <http://www.hcpncr.com/journ1110/journ1110nesanelis.html> (accessed 20.05.2022).

9. Kanev S. N. *Put' Pitirima Sorokina* [The path of Pitirim Sorokin]. Syktyvkar, Izd-vo Komi obkoma KPSS, 1990. p.23. (In Russ.)

10. Golosenko I. A. *Pitirim Sorokin: sud'ba i trudy* [Pitirim Sorokin: his life and works]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1991. p. 246. (In Russ.)

11. P. Sorokin: Successful debut in the capital. *Rodniki parmy. Nauchno-populyarnyj sbornik*. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1990. pp. 49–50. (In Russ.)

12. Krotov P. P., Lipskij A.V. Life paths of the 'big man' (Essay on Pitirim Sorokin). *Rodniki parmy. Nauchno-populyarnyj sbornik*. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1990. pp. 51–66. (In Russ.)

13. Dojkov Yu. V. From the compiler. *Pitirim Sorokin «Svoevremennye mysli»* [Bibliographic index of articles published in the newspaper "Will of the People"] 29 April — 28 December, 1917. Arhangel'sk, 1993. p. 15. (In Russ.)

14. Vaneev A. A. Two year in Abez. *Minuvshee*, 1988, no 6, Paris, Atheneum. pp. 54-203. (In Russ.)

15. Vaneev A. A. *Dva goda v Abezi* [Two years in Abez]. Brussels, Zhizn' s Bogom. 1990. p. 386. (In Russ.)

16. Rumyantseva S. Yu., Sharonov V. I. He was always a Russian.... *Rodniki parmy. Nauchno-populyarnyj sbornik*. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1990. pp. 66–78. (In Russ.)

17. Bezgodov D. N, Vologin E. A. The concept of an outstanding personality and the university environment: the symbolic and didactic meaning of fate (P. A. Sorokin and L.P. Karsavin). *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2017, no 4 (211), pp. 137–143. (In Russ.)

18. Vasil'eva M. A. Medieval Italy and the controversy regarding the "average man": the dispute of P. M. Bitsilli with L. P. Karsavin. *Rossiya — Zapad — Vostok. Literaturnye i kul'turnye svyazi*, 2014, no 2, Moscow, Dom Russkogo Zarubezh'ya, pp. 50–64. (In Russ.)

19. Hromova E. B. From the history of the formation of the transfer of anthropology in Russia: the contribution of the history of mentalities. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl': vserossijskij nauchnyj zhurnal*, 2018, vol 10, no. 5 (1), pp. 53–61. (In Russ.)

20. Vaneev A. A. Essay on the life and ideas of L.P Karsavin. Karsavin L. P. *Dva goda v Abezi*. Brussels, Zhizn' s Bogom. 1990. pp. 337–366. (In Russ.)

21. Martynov A. Lev Karsavin: philosopher of unity, personalist, heresiarch. *Voprosy filosofii*, 2008, no. 6, p.170. (In Russ.)

22. Bajssvenger M. "Heretic" among "heretics": L.P. Karsavin and Eurasianism]. *Lev Platonovich Karsavin*. Moscow, ROSSPEN, 2012, pp. 160–192. (In Russ.)

23. Kolerov. M. A. On the love of Eurasianism for the USSR: L. P. Karsavin's letter to G. L. Pyatakov (1927). *Russkij sbornik*, vol. XIV. Moscow, 2013, pp. 415–421. (In Russ.)

24. Lasinskas P. The Lithuanian period in the life and work of Lev Platonovich Karsavin. *Diaspora: Novye materialy*, 2004, no. 6, pp. 591–619. (In Russ.)

25. Dyomin I. V. Interpretation of the relationship between the past and the present in the historiosophy of Karsavin and in the existential analytics of Heidegger. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii*, 2015, vol.16, no. 4, pp. 55–65. (In Russ.)

26. Ivanov K. K. A. *Vaneev — uchenik L. Karsavina* [A. Vaneev — a student of L. Karsavin]. *Ivanov K. K. Kamni*. St. Petersburg, 2016. p.28. (In Russ.)

27. Maritain J. Greatness and poverty of metaphysics. *Maritain J. Izbrannoe: Velichie i nishcheta metafiziki*. Moscow, ROSSPEN. 2004. pp. 107–129. (In Russ.)

28. Shestov L. On the scales of Job (traveling in souls). Shestov L. *Sochineniya v dvuh tomah*. Vol. 2. Moscow, Nauka. 1993. pp. 25–551. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Шаронов Владимир Иванович

Vladimir I. Sharonov

кандидат педагогических наук, ученый секретарь, заслуженный работник культуры РФ.

Candidate of Pedagogical Sciences, Scientific Secretary, Honored Worker of Culture of the Russian Federation.

Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Western branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration,

236016, Россия, г. Калининград, ул. Артиллерийская, д. 62

236016, Russia, Kaliningrad, Ul. Artilleryskaya, 62

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

28.05.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

27.06.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

29.06.2022

УДК 316.774

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-106>

Язык как инструмент перформанса национальной идентичности молодежи в Сети

Снегур Маргарита Романовна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия, margarita.snegur@gmail.com

Аннотация. *Статья посвящена особенностям конструирования и репрезентации национальной идентичности в социальных сетях молодыми людьми. Именно социальные сети сегодня это та площадка, где перформанс идентичности предполагается самой спецификой данных интернет-платформ. Одним из маркеров национальной идентичности является язык. Использование определенного языка в Сети становится частью перформативных практик, с помощью которых автор блога сам создает необходимую идентичность, которая может как соответствовать, так и весьма отличаться от реальности. Целью данной работы является изучение роли языка в конструировании и репрезентации цифрового образа автора блога в социальных сетях. Сбор эмпирических данных проведен с помощью качественных социологических методов: наблюдение и дискурс-анализ личных блогов в Instagram и TikTok. Национальная идентичность представляется в Сети с помощью различных инструментов, в т.ч. языка, вне зависимости от тематики блога. В языке происходит категоризация «своих» и «чужих», маркируется граница между ними. Используемый язык в социальных сетях может являться целенаправленным инструментом для конструирования определенной идентичности и использоваться неосознанно как единственный родной язык, на котором человек мыслит. Аудитория, в свою очередь, подписывается на то, что ей понятно или интересно, таким образом язык блога определяет границы целевой аудитории. В случае необходимости ее расширения блогер может использовать второй язык (например, русскоязычный — добавлять контент на английском языке, блог на аварском — использовать в том числе русский и т.п.). Наиболее ярким маркером национальной идентичности язык выступает в блогах, основная тематика которых связана с межкультурными различиями: миграцией, туризмом, браком, представленностью «малых народов».*

Ключевые слова: национальная идентичность, язык, перформативные практики, маркеры идентичности, перформативная идентичность, молодежь, цифровая идентичность

Благодарность. Автор статьи выражает благодарность своему научному руководителю, Ильину Владимиру Ивановичу, доктору социологических наук, профессору Санкт-Петербургского государственного университета, за помощь в проведении исследования.

Для цитирования: Снегур М. А. Язык как инструмент перформанса национальной идентичности молодежи в Сети // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3. С. 106–119. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-106>

Language as a Tool for Youth National Identity Performance in the Digital Network

Margarita R. Snegur

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
margarita.snegur@gmail.com

Abstract. *The article describes features of the construction and representation of national identity in social networks by young people. Nowadays, social networks have become platforms where the performance of identity is assumed by the very specifics of these Internet platforms. Language assumes one of the markers of national identity. The use of a certain language on the web becomes part of performative practices, and the blog author uses this tool for creation the necessary identity, which can either fully correspond to, or be very different from reality. The purpose of this work is to study the role of language in the construction and representation of the digital image national identity of the blog author in social networks. The collection of empirical data was carried out using qualitative sociological methods: observation and discourse analysis of personal blogs on Instagram and TikTok. It is emphasized that national identity is demonstrated on the web using various tools, regardless of the main topic of the blog. Language constructs and reproduces social processes being the part of culture, and contributes to a national self-determination. The language defines the categorization of “us” and “them” and traces the boundary between them. The language used in social networks can be both a tool for the purposeful construction of a certain national identity, and it can be used unconsciously as the only mother-tongue. At the same time the audience subscribes to what it understands or is interested in, and therefore the choice of the blog language becomes the boarder of the target*

audience. If it is necessary to expand the audience, the blogger can use a second language (for example, a Russian blog — add content in English, a blog in Avar — use Russian, etc.). The language is the most striking marker of national identity in blogs, the main topics of which are related to intercultural differences: migration, tourism, marriage, representation of small. ethnic groups.

Keywords: *national identity, language, performative practices, markers of identity, national construction, performative identity, youth, digital identity*

Acknowledgements. The author of the article would like to express her gratitude to her scientific supervisor Vladimir Ivanovich Ilyin, Doctor of Sociological Sciences, Professor of Saint Petersburg State University for his assistance in conducting the research.

For citation: Snegur M. R. Language as a Tool for Youth National Identity Performance in the Digital Network. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022;3:106–119 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-106>

Введение. На сегодняшний день иметь аккаунт в социальной сети означает сконструировать определенную цифровую версию себя: можно постараться сделать копию или, напротив, тот образ, который отвечает определенным запросам и может совершенно отличаться от реальности. Поддержание определенного впечатления требует тщательной проработки различных деталей для репрезентации себя в Сети. Пользователи сами решают, какие увлечения, внешний вид и контент им транслировать, однако зачастую осознанно или неосознанно используют определенные культурные маркеры повседневности, позволяющие определить в том числе и их национальную идентичность. Одним из основных маркеров является использование определенного языка. Он, с одной стороны, является одним из важнейших инструментов репрезентации обыденной жизни в социальной сети, а с другой — формирует рамки аудитории осуществляемого в блоге перформанса.

Теоретическая база. Категория национальной идентичности не имеет однозначного смысла ни в научной литературе, ни в обыденной речи. Она в первую очередь связана с изучением психических способностей личности определять себя в физическом и социальном пространствах, тождественности с другими членами

общества и связана с именами Э. Эриксона, У. Джеймсон, К. Г. Юнга и др. [1; 2; 3]. Несмотря на некоторую новизну концепта, идентичность рассматривалась еще с древних времен философами, использовавшими иные для этого понятия (тождество, тождественность и т. д.) [4; 5]. Однако можно говорить о первостепенной социальной характеристике идентичности: нельзя соотносить себя с кем-либо, не имея опыта взаимодействия с этим «кем-то». Иными словами, чувство принадлежности к определенной группе может развиваться при наличии этой самой группы [6]. Так, концепт идентичности заимствуется из областей философии и психологии социологией. Именно в данном аспекте можно изучить специфику формирования идентичности индивида посредством его включения в социальные отношения, а также предлагать разные подходы к ее определению.

Национальная идентичность, таким образом, является предметом изучения разных дисциплин: социологии, психологии, культурологии, истории, антропологии, философии и др. Одним из результатов множественности подходов к ее изучению и значений стало то, что национальная идентичность в отечественной науке часто используется в синонимичном значении этнической идентичности и разграничение данных концептов в общественном понимании в целом затруднено. В силу того что в данном случае речь идет о репрезентации национальной идентичности человека в социальных сетях, то выявляется необходимость учета различных значений, так как вкладываемый автором блога смысл в данный концепт определить практически невозможно.

До недавнего времени считалось, что национальная идентичность является одной из наиболее стабильных социальных идентичностей: тогда как профессиональная или политическая идентичность может трансформироваться в относительно небольшой промежуток времени под воздействием определенных внешних факторов, национальная идентичность зачастую включала в себя этнический и гражданский компоненты, обуславливающие принадлежность индивида к нации как некоему достаточно крупному сообществу. Особенности исторического развития предполагали

длительный и сложный процесс формирования у человека чувства принадлежности к группе на основе языка, традиций и обычаев, ценностей и норм, форме общественного устройства и т. д. Также немаловажную роль в формировании идентичности играла территория рождения и проживания индивида. Сегодня же с ускорением технического развития, повышения уровня мобильности (Дж. Урри), происходит размывание стабильных социальных структур и ориентиров, что З. Бауман обозначил как «текущая современность» [7; 8]. Территориальные границы зачастую становятся условными, интенсивность туристического потока растет, распространяются практики реализации различных международных программ академической мобильности, а доступ к информации посредством Интернета и поддержание социальных связей в социальных сетях в совокупности создают угрозу для стабильности в том числе национальной идентичности, которая может трансформироваться в связи с получением нового социального опыта или же конструироваться и репрезентироваться как образ для определенной социальной группы.

Таким образом, специфика современных условий развития общества обуславливает необходимость изучения не только механизмов и факторов, влияющих на формирование национальной идентичности, но также и особенностей ее репрезентации. Социальные сети представляют собой пространство, предполагающее наиболее активное представление себя другим с помощью различных инструментов (текст, аудио, видео). Использование этих инструментов передает определенный смысл, идею подписчикам в рамках цифровой коммуникации, и значительную роль (хоть не всегда и определяющую) играет язык. В этой связи изучение роли языка как инструмента конструирования и репрезентации национальной идентичности представляется возможным с помощью таких теоретических подходов, как социальный конструктивизм и символический интеракционизм; в данном случае автор опирается на драматургический подход И. Гофмана и понимание нации как «воображаемого сообщества» Б. Андерсона [9; 10].

Национальная идентичность может проявляться более или менее активно в зависимости от ряда различных условий. Большинство пользователей в повседневном ведении блога не ставят себе одной из основных задач «показать всем, что я русский/чуваши/ингуш и т.п.». Целенаправленное представление национальной идентичности может носить ситуационный характер в период обострения социального конфликта с «другими». Так, в ситуации миграции и пребывания в обществе с отличающейся культурой, традициями и обычаями может актуализироваться национальная идентичность мигранта на основе определения и подчеркивания различий. Или же в период определенных кризисов, особенно вооруженных и политических конфликтов, национальная идентичность может обостряться, индивид может стремиться к ее активной репрезентации.

Методы исследования. Автором использовались методы качественного социологического исследования: наблюдение, дискурс-анализ личных блогов в социальных сетях Instagram и TikTok. Объектом исследования являются русскоязычные блоги, предметом — использование в блоге языка как маркера национальной идентичности. Выборка является типологической, т. е. нацелена на выявление различных типов использования языка в конструировании и репрезентации национальной идентичности. Объем выборки составил 70 профилей (кейсов) в социальных сетях. Критериями отбора выступило: использование русского языка; основной период публикационной активности: 2020–2022 гг. Сбор эмпирических данных происходил в период с января по март 2022 года.

Результаты исследования. Наиболее распространенным способом национальной идентификации является использование определенного языка. Вне зависимости от желания показать свою национальность, использование в речи языка свидетельствует о принадлежности к определенной группе или о желании быть включенным в эту группу. При этом, несмотря на то, что язык действительно способен включать в себя и отражать культурные и общественные изменения, нельзя назвать его наиболее надежным

«естественным» маркером национальной идентичности. Наличие диалектов, зачастую настолько отличающихся друг от друга, что жители одной страны могут оказаться неспособны к взаимодействию, является не единственной проблемой. В том числе колониальная политика в качестве одного из результатов имеет распространение языка метрополий на захваченных территориях: английский, испанский, французский, португальский языки стали использоваться далеко за пределами их государственных образований. Или, увидев страницу в социальных сетях, ведущуюся, например, на русском языке, невозможно точно определить национальность автора исключительно по данному маркеру.

Языки обладают разным социальным статусом. Например, английский в настоящее время является глобальным инструментом коммуникации, русский, французский, испанский и др. — это региональные языки межнационального общения. Большинство же языков жестко привязаны к определенной нации или этнической группе. Отсюда неоднозначность языка как инструмента конструирования национальной идентичности. Так блогер, пишущий по-русски, может иметь любую этническую идентичность, связанную с территорией бывшего СССР. В то же время блогеры, использующие коми или аварский языки, с очень малой долей вероятности могут иметь этническую идентичность, не совпадающую с используемым языком.

Более того, несмотря на современные точные географические политические государственные границы, исторический контекст обуславливает некоторое смешение языков в пограничных территориях. Например, смесь русского и украинского языков в южной части России используется также в восточной части Украины. Ситуация на Украине выявила проблему использования русского языка как родного для части украинцев, что отразилось в том, что часть украинских блогеров, ведущих свои страницы в социальных сетях на русском, вынуждены были изучать украинский и использовать его для обращений к массовой аудитории (в качестве примера можно привести страницы блогеров @petraichuk_saha и @lisova.jewelry), которым пришлось публично объяснять исполь-

зование русского языка и переходить на украинский). В таком случае можно наблюдать осознанное стремление конструирования и репрезентации национальной идентичности с помощью языка.

Осознанный подход к использованию языка может быть также обусловлен целью создать определенный образ: в Сети существует множество блогов, которые ведут русскоязычные мигранты, проживающие за пределами России и использующие язык страны пребывания для установления и поддержания социальных связей. Или же, наоборот, используют русский язык для ведения блога, рассчитанного на целевую аудиторию россиян: возможность создания уникальных визуальных материалов, сложности переезда и культурные особенности страны пребывания являются богатым материалом для блога и пользуются большой популярностью у российской аудитории.

Активное ведение личного блога зачастую все же связано с желанием получения прибыли от блога напрямую (продажа рекламы) или косвенно (продажа товаров или услуг через свою страницу). Использование иностранного языка на странице в социальной сети может быть связано с желанием блогера привлечь определенную аудиторию. Так, например, известный российский инстаграм-блогер Александра Митрошина (@alexandramitroshina) с 2.3 млн подписчиков, переехав из России, начала развивать свой бизнес за границей и завела англоязычный аккаунт в том числе, по ее заявлению, для продвижения бизнеса за счет продвижения личного бренда. В то же время другие блогеры (@anasuriii, @amina.news, @true_amsterdam, @my_russian_accent, @janifel, @easy_sprain), напротив, проживая за границей, ведут блог на русском языке, предлагая услуги русскоязычным пользователям (помощь в оформлении виз, индивидуальные туры, уроки по изучению языка и т. д.). При этом последние тренды ведения личных страниц в социальных сетях свидетельствуют о росте такого направления, как *lifestyle*, что подразумевает активную демонстрацию различных повседневных практик блогера, а не только той сферы, которая соответствует основной тематике. В этой связи авторам контента приходится в той или иной степени комби-

нирывать используемые языки и погружать своих пользователей в контекст, объясняя суть определенных событий.

Использование двух языков характерно для блогеров, основная тематика которых связана с активной репрезентацией национальной идентичности: мигранты, представители «малых народов», состоящие в межкультурном браке, фанаты определенной культуры. В данном случае чаще всего выбирается язык другой культуры в качестве основного, на котором представлена большая часть визуального или аудиоконтента, в то время как русский (или английский, в зависимости от цели блогера) дублирует/поясняет происходящее. Подобная стратегия может быть обусловлена стремлением повышения уровня репрезентации выбранной культуры в цифровом пространстве, поиском единомышленников, ограничением круга подписчиков.

Использование в Сети определенного музыкального фона для видео или фото является достаточно распространенной практикой. Кто-то с помощью музыки передает настроение, кто-то — какое-то важное послание адресату, кому-то просто нравится делиться понравившимися треками с аудиторией. Однако зачастую музыка как часть художественной культуры включает в себя некоторые национальные особенности, которые выражаются в языке исполнения, определенных мотивах, развитии собственных направлений одного жанра. Несмотря на то что в силу глобализации можно констатировать американизацию популярной массовой музыкальной культуры, современные тренды, вызванные как ответные реакции на данный тренд, обуславливают популярность национальной музыкальных композиций в разных странах. Таким образом, в социальных сетях можно наблюдать в некотором смысле микс в используемых музыкальных композициях: это могут быть как всемирные тренды, так и национальные. Использование национальных композиций, особенно с определенным диалектом, посвященных определенным регионам с упоминанием названий, с этническими мотивами, могут свидетельствовать о принадлежности автора контента к определенной национальной группе или о стремлении быть включенным в нее. Применение музыки для ре-

презентации национальной идентичности особенно характерно для блогеров, основной контент которых связан с национальностью. Однако также и неосознанное использование национальной музыки в социальных сетях может стать маркером, по которому подписчики смогут определить принадлежность/интерес автора блога к определенной национальной художественной культуре.

Распространение преимущественно американской популярной культуры в социальных сетях является следствием глобализационных процессов, и использование композиций на английском языке россиянином в социальных сетях не всегда может означать стремление репрезентации принадлежности к американскому сообществу. При этом песня может понравиться человеку исключительно из эстетических соображений, возможно, он даже не вникал в культурный контекст и ее содержание. Однако достаточно часто интерес к определенным композициям на иностранном языке связан с определенным погружением в другую культуру. Например, значительное использование корейских или турецких песен на страницах фанатов корейских дорам или турецких сериалов. К тому же интерпретация использования национальных композиций может быть различной. Несмотря на то что для россиянина является нормальным использовать песни американских исполнителей в качестве фона в своих социальных сетях, в случае, если русская песня используется иностранцем, то данная практика приобретает культурный или даже политический контекст. Это может быть связано с тем, что английский язык считается языком международного общения, американская массовая культура также распространена по всему миру, в то время как массовая культура российского производства рассчитана на своего потребителя.

Важно подчеркнуть сложности определения языка как инструмента конструирования и репрезентации национальной идентичности. Широкое использование текстов постепенно заменяется на применение все более современных технологичных визуальных приемов для коммуникации с пользователями. Определенные популярные тематики могут быть восприняты и без знания языка вовсе: макияж, спортивные упражнения, демонстрация

собственных талантов и т. д. могут быть поняты без переводов и дополнительных объяснений. Активное использование англицизмов в различных языках молодежью также способствует расширению возможностей коммуникации в Сети на определенные темы. Некоторые блогеры используют те инструменты коммуникации, которые распространились по всему миру через массовую культуру, поэтому установить их национальную принадлежность оказывается весьма затруднительной задачей. Существует также и другая стратегия ведения блога, когда свои страницы в социальных сетях воспринимаются как цифровые версии фотоальбомов, и пользователи могут не комментировать фото или видео вовсе. Появление хештегов, различных трендов и челленджей охватывает Интернет вне национального признака и родного языка. Особенно роль различных трендов в цифровой коммуникации поверх национальных границ была проявлена в период коронавирусных ограничений, когда весь мир практически одновременно столкнулся с одной и той же угрозой и был вынужден объединить усилия в борьбе с распространением COVID-19. Более того, анализ так называемых стримов (прямых эфиров) блогеров показывает, что значительная часть их аудитории общается с помощью эмоджи, которые универсальны вне зависимости от языка.

Однако говорить о значительном снижении роли языка как инструмента конструирования и репрезентации национальной идентичности преждевременно. В первую очередь это может быть связано с желанием активной коммуникации с автором страницы: красивые и выверенные страницы могут и привлечь пользователей, однако удержать их станет проблематичным. На сегодняшний день именно lifestyle в социальных сетях привлекает аудиторию, а реализация данного принципа без использования того или иного языка практически невозможна. Нарастающий процесс национализации как ответной реакции глобализму также обуславливает интерес к собственной культуре, традициям, которые также связаны с языком, в связи с чем отмечается популярность блогов, раскрывающих национальные (этнические) культурные особенности. В том числе юмор как одна из преобладающих содержательных

составляющих социальных сетей имеет определенные национальные особенности, в связи с чем в российском сегменте распространяется относительно небольшая доля юмористического контента на иностранном языке или переведенного с иностранного, что также подчеркивает роль языка в цифровой коммуникации.

Заключение. Таким образом, национальная идентичность осознанно или неосознанно репрезентируется в социальных сетях в различной степени в зависимости от целей и жизненных ситуаций автора блога. Так как ведение страницы в социальной сети является по сути своей постоянным перформансом, то различные инструменты могут использоваться для создания определенного впечатления на аудиторию, ее расширения и удержания. Осознанное представление национальной идентичности как одной из социальных идентичностей в Сети нацелено на использование различных, наиболее ярких маркеров, которые позволяют передать национальную принадлежность автора (или его цифрового образа). Неосознанное представление национальной идентичности индивидом связано с нецелевым использованием специфических кодов и символов, которые позволяют аудитории определить национальность автора (или, опять же, его цифрового образа). Язык в этом смысле может быть использован в обеих стратегиях: идентификация с определенной национальностью и стремление к включению в определенную национальную группу; а также как наиболее простой и удобный способ передачи мысли с помощью родного языка без акцентирования национального контекста. Несмотря на неоднозначность в использовании и интерпретации языка как фактора формирования и репрезентации национальной идентичности, именно он становится тем маркером, по которому пользователи определяют национальную идентичность автора профиля в социальной сети. В этой связи именно он часто используется в том случае, если блогеру необходимо целенаправленно сконструировать определенный образ и привлечь конкретную аудиторию.

Список источников

1. Джеймс У. Личность // Психология личности: тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтера, А. А. Пузырея. М.: Изд-во МГУ, 1982. 288с.
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
3. Юнг К. Г. Психология бессознательного: пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.
4. Абушенко В. Л. Идентичность // Новейший философский словарь / сост. и гл. н. ред. А. А. Грицанов. 3-е изд., испр. Мн.: Книжный Дом, 2003.
5. Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века: учеб. пособие для ун-тов. М.: Высш. шк., 1989. С. 160–185.
6. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 3-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 218–222.
7. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
8. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. статья Н. А. Харламова. М.: Праксис, 2012. 576 с.
9. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. СПб.: Питер, 2021. 304 с.
10. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева под ред. С. П. Баньковской; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

References

1. Dzhejms U. Personality. *Psihologiya lichnosti: teksty* [Psychology of personality: texts] / pod red. Yu. B. Gippenrejtera, A. A. Puzyreya. Moscow: Izd-vo MGU, 1982. 288 p. (In Russ.)
2. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress, 1996. 344 p. (In Russ.)
3. Yung K. G. *Psihologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow: Kogito-Centr, 2010. 352 p. (In Russ.)
4. Abushenko V. L. Identity. *Novejshij filosofskij slovar'* [The latest philosophical dictionary] / Sost. i gl. n. red. A. A. Gricanov. 3-e izd., ispr. Minsk: Knizhnyj Dom, 2003. (In Russ.)
5. Kuznecov V. N. *Nemeckaya klassicheskaya filosofiya vtoroj poloviny XVIII — nachala XIX veka* [German classical philosophy of the second half of the 18th — early 19th centuries]. Moscow: Vyssh. shk., 1989, pp. 160–185. (In Russ.)
6. Giddens E., Satton F. *Osnovnye ponyatiya v sociologii* [Basic concepts in sociology] / per. s angl. E. Rozhdestvenskoj, S. Gavrilenko; pod nauch. red. S. Gavrilenko; Nac. Issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». 3-e izd. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2021, pp. 218–222. (In Russ.)

7. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Fluid modernity]. St. Petersburg: Piter, 2008. 240 p. (In Russ.)
8. Urri Dzh. *Mobil'nosti* [Mobility] / per. s angl. A.V. Lazareva, vstup. stat'ya N. A. Harlamova. Moscow: Praksis, 2012. 576 p. (In Russ.)
9. Gofman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni* [Presenting yourself to others in everyday life]. St. Petersburg: Piter, 2021. 304 p. (In Russ.)
10. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokah i rasprostranenii nacionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism] /per. s angl. V. G. Nikolaeva pod red. S. P. Ban'kovskij; vstup. st. S.P. Ban'kovskoj. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 416s. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Снегур Маргарита Романовна

Margarita R. Snegur

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета

Post-graduate student of Saint Petersburg State University

191124, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3

1/3 Smolny St., Saint Petersburg, 191124, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

28.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

28.06.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

29.06.2022

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья / Original article

УДК 316.7

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-120>

Значение проектной деятельности в функционировании вузов культуры и искусства Российской Федерации

**Мальшина Наталия Анатольевна¹,
Каменская Ирина Владимировна²**

^{1,2} Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова,
Саратов, Россия;

¹malsnataliya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1632-538X>;

²irinas73@mail.ru

Аннотация. Круг рассмотренных предметных областей социального проектирования обширен: это проекты в сфере культуры и искусства; проекты, нацеленные на воспитание патриотизма, проекты, посвященные защите материнства, отцовства и детства... количество тем бесконечно, но для нас важен лишь один круг — арт-проектирование, связанное с управлением внутренними процессами учреждений культуры и искусства, образо-

вательных, социальных проектов. Таким образом, арт-проект — это творческий проект, проект в сфере арт, искусства. Однако на данный момент комплексных исследований вузов культуры и искусства в аспекте социального проектирования не существует. Наибольший рост значения показателей «научно-исследовательская деятельность» и «международная деятельность» на 2021 г. — наглядное подтверждение потенциальных возможностей учреждений. Однако отрицательная динамика по показателю «трудоустройство» наглядно демонстрирует отсутствие необходимых условий для реализации потенциала молодых специалистов. Предложен авторский подход анализа функционирования вузов в сфере культуры и искусства, где отличительной особенностью является определение и поддержание соответствия между качеством образования в сфере культуры и искусства регионов и величиной расходов консолидированного бюджета РФ. Авторские рекомендации в результате проведенного исследования заключаются в необходимости включения показателей социального и культурного проектирования в оценку эффективности функционирования вузов культуры и искусства РФ как определяющих настоящее и прогнозирующих будущее развитие региональных общественных систем.

Ключевые слова: социальное проектирование, индустрия культуры, региональный аспект

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-01004 «Разработка организационно-экономических и финансовых механизмов поддержки и стратегического развития индустрии культуры в регионах России».

Для цитирования: Мальшина Н. А., Каменская И. В. Значение проектной деятельности в функционировании вузов культуры и искусства Российской Федерации // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3. С. 120–144. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-120>

Significance of Project Work in Activities of the System of Higher Educational Institutions of Culture and Arts in the Russian Federation

Natalia A. Malshina¹, Irina V. Kamenskaia²

^{1,2} Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov, Saratov, Russia

¹ malsnataliya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1632-538X>;

² irinas73@mail.ru

Abstract. *The range of the considered subject areas of social design is extensive: these are all projects in the field of culture and art; projects aimed at fostering patriotism, projects dedicated to the protection of motherhood, fatherhood and childhood ... the number of topics is endless, but for us only one circle is important — art design related to the management of internal processes of cultural and art institutions, educational, social projects. Thus, an art project is a creative project, a project in the field of art, art. However, at the moment there are no comprehensive studies of universities of culture and art in the aspect of social design. The greatest increase in the value of the personnel indicator in the activities of an educational institution of higher education of culture and art during the study period is a clear proof of the existence of development potential. The negative dynamics in the Employment indicator clearly demonstrates the lack of necessary conditions for the realization of this potential by young new specialists. The author's approach to analyzing the functioning of universities in the field of culture and art is proposed where a distinctive feature is to determine and maintain the correspondence between the quality of education in the field of culture and art of the regions and the amount of expenditures of the consolidated budget of the Russian Federation. The author's recommendations as a result of the conducted research are the need to include indicators of social and cultural design in the assessment of the effectiveness of the functioning of universities of Culture and Art of the RF as determining the present and predicting the future development of regional social systems.*

Keywords: *social design, cultural industry, regional aspect*

Acknowledgment. The research was carried out with the financial support of the RFBR, project No. 19-010-01004 «Development of organizational, economic and financial mechanisms for supporting and strategic development of the cultural industry in the regions of Russia»

For citation: Malshina¹ N. A., Kamenskaia I. V. Significance of Project Work in Activities of the System of Higher Educational Institutions of Culture and Arts in the Russian Federation . *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022;3:120–144 [In Russ.]. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-120>

Введение. Система высшего образования по направлению культуры и искусства рассматривается как одна из компонент социально-культурного развития территории, формирующая культурный и интеллектуальный потенциал и, как следствие, человеческий капитал России. Все составляющие стратегического развития культурного потенциала России существуют в единой непре-

рувной связи и интегрированы в региональные социально-культурные процессы общества.

Основной целью данного исследования является: анализ показателей финансирования проектной деятельности в вузах искусств в контексте фундаментальных понятий проектного мышления. Определены основные задачи данного исследования: анализ понятийного аппарата проектирования в сфере культуры и искусства; исследование источников и структуры финансирования вузов культуры и искусства; анализ показателей финансирования проектной деятельности вузов культуры и искусства по регионам России; формирование рекомендаций по распределению средств в сфере культуры и искусства на основе проектных решений.

Несовершенство понятийного аппарата социально-культурного проектирования может быть устранено при условии дополнительного теоретического анализа и законодательного урегулирования. Применение предложенных авторами трактовок понятий будет способствовать дальнейшему развитию категориального аппарата проектирования в сфере культуры и искусства, что облегчит формирование законодательной базы государственной политики развития России на долгосрочную перспективу.

Социальное проектирование в рамках обучения в вузах культуры и искусства представляется методом повышения эффективности социально-культурных мероприятий. Адресность социального проектирования позволяет учитывать потребности системы образования культуры и искусства конкретного региона и удовлетворять их путем государственно-частного финансирования (гранты, конкурсы и т. д.).

Глобальные изменения в российской культурной политике последнего десятилетия диктуют новые подходы [1] к осмыслению и изучению культурных практик [2], так или иначе связанных с деятельностью культурных институций. Тенденция к увеличению доли автономных форм хозяйственной деятельности современных государственных учреждений культуры, частичная передача функционала государственных социальных учреждений в руки некоммерческого сектора ведет к новым формам и практикам

распределения фондов, одной из которых является проектная деятельность. Именно посредством проекта — как практического воплощения тех или иных намерений культурных институций — принимаются решения о поддержке инициатив индивидуумов или коллективов.

Одним из современных примеров инновационных процессов в этой сфере является социальное проектирование. Компании, сотрудничающие с учреждениями культуры, или создают новые продукты, или продвигают культурные проекты среди своих аудиторий. Это и интеграция в различные онлайн/офлайн-образовательные продукты (лектории, мастер-классы и др.).

Методы исследования. В настоящее время наблюдается возрастающий интерес в научных исследованиях к сфере культуры, однако на данный момент комплексных исследований вузов культуры и искусства в аспекте социального проектирования не существует. Имеются отдельные направления исследования деятельности системы высшего образования культуры и искусства: экономические, педагогические, методологические и др. Авторами предпринимается анализ и обобщение теоретических и практических основ применения социального проектирования в вузах культуры и искусства. Методологической основой исследования являются положения по теории и практике, а также специфике функционирования сферы культуры и искусства, изложенные в научных публикациях, законодательных и нормативных актах. В исследовании применяются методы системного и финансового анализа, методы статистических группировок и сравнительного анализа.

Предпринятый в работе анализ опирается на единство логического и исторического подходов, принцип причинно-следственных и обратных связей. В работе использованы статистические и расчётные инструменты исследования. Решение поставленных задач основывается на применении методов институционального, экономического и статистического анализа; анализа временных рядов; сравнительного и системного анализа; корреляционно-регрессионного анализа; организационно-экономического моде-

лирования. В ходе исследования будут применяться общенаучные методы познания: абстрагирование, анализ, систематизация, структурирование.

Для получения объективной картины при проведении комплексных исследований по оценке развития и эффективности системы высшего образования культуры и искусства применены базовые методы сбора данных, в т. ч. мониторинг отдельных показателей развития сферы культуры, анализ данных статистики Росстата и Министерства культуры РФ.

Теоретические основы исследования. Анализ понятийного аппарата проектирования культуры и искусства раскрывает существующие его несовершенства, которые устраняются при условии дополнительного теоретического анализа и законодательного регулирования [3]. Для выявления особенностей проектирования обратимся к классическим трудам российских ученых, с чьими именами связана блистательная деятельность Московского методологического кружка (ММК), основанного выдающимся советским ученым, философом, создателем системо-мыследеятельностной методологии Георгием Петровичем Щедровицким [4]. Среди имен этой школы — Н. Г. Алексеев, А. А. Зиновьев, В. Л. Глазычев [5], Б. Д. Эльконин, С. Э. Зуев [6; 7], О. И. Генисаретский [8], В. А. Лефевр, В. М. Розин, П. Г. Щедровицкий [9] (Щедровицкий-младший), а также их последователи. Любопытным является тот факт, что большинство из них работали параллельно в различных научных сферах, находясь одновременно и в области методологии, и внутри технических дисциплин, технического творчества. Однако это не мешало, а, напротив, позволяло наилучшим образом создавать сложный и яркий мир отечественной проектной культуры.

Первый и основной для нас вопрос будет связан с определением границ понятий «проект» от «не-проект». При этом нам необходимо будет рассмотреть составляющие проектной культуры — в сравнении различных версий и подходов. Вторым вопросом будет выяснение составляющих проектной деятельности и, наконец, основ социокультурного проектирования и его разновидности — арт-проектирования.

Рассмотрим понятие «проект» с позиций системо-мыследеятельностной методологии (СМД), разработанной Г. П. Щедровицким. Его апологеты, в частности П. Г. Щедровицкий (младший), выстраивают следующую картину: любой проект, в том числе и социокультурный, нацелен на решение какой-то определенной проблемы, то есть он должен разрешить определенную проблемную ситуацию. П. Г. Щедровицкий дает здесь следующие пояснения: «если мы говорим об онтологической и категориально-онтологической природе проекта, то ...любой проект есть организованность материала деятельности». Таким образом, основная функция проекта как организованности материала деятельности — перенаправить процесс, поменять его русло, считает П. Г. Щедровицкий. На лекции в Новом Свете (Крым, 2001) он подчеркнул: «...в той мере, в какой мы всегда имеем дело не с одним процессом, а с пакетом процессов, можно говорить о том, что функция проекта — замкнуть и собрать пучок процессов в такую связку, которой до появления проекта не было и не могло быть, т.е. проект собирает их в совершенно новой форме» [9]. Задавая метаметодологию проектирования, Щедровицкий указывает на то, что существует три уровня, три подхода к проектной деятельности, которые следует четко разделять. Первый уровень: мы мыслим проектирование (так называемое мышление проектирования); такое мышление, предметом которого является проектирование как таковое. Второй уровень: мы проектно мыслим, проектируем — как в мыслительном, так и в деятельностном плане (проектное мышление). Третий уровень: мы рассматриваем проекты (собственно, проект) — то есть внутреннюю организацию проекта, который далеко не всегда является продуктом проектирования (существуют проекты, которые никто не проектировал). Чуть позднее В. Л. Глазычев добавляет к этому четвертый уровень: проектную аналитику, как текущую, так и ретроспективную [10].

В триаде «проект — проектирование — проектное мышление» рассмотрим теперь следующий, второй уровень — проектирование. П. Г. Щедровицкий считает, что проектирование может и должно быть рассмотрено в рамках управленческой деятельности, когда человек, социум и в целом картина мира изменяются, мы можем утверждать, что в действие вступает проектирование.

Оппонируя П. Г. Щедровицкому, О. И. Генисаретский видит проектность не столько субъектностью управления, одним из элементов его инфраструктуры, сколько «характеристикой человеческого сознания в целом, определенным классом гуманитарных, психологических, культурно-психологических техник и технологий» [9]. В то же время В. Н. Княгинин [11] выстраивает следующую цепочку: «проект — это намерение, а намерение — это мотивационная реальность, а мотивация происходит от ценности» (аксиологический подход).

В. Л. Глазычев является сторонником средового подхода. Такой подход связан с проектированием через культурный контекст. То есть если идет проектирование чашки, то за этим стоит нечто большее — проектирование образа жизни. Если мы проектируем автомобиль — мы вместе с ним проектируем стиль жизни. В русле средового подхода Глазычев дает свою версию определения проекта, называя таковым частную форму моделирования возможной действительности в ряду других средообразующих действий [10].

Следующая по времени попытка осмысления проектности была связана с определением проектной культуры. Она отталкивалась от предположения, что между разными видами проектности, в том числе и управленческими, существует некий взаимообмен концептами, схемами и процедурами, которые так или иначе связаны с проектной деятельностью.

Источником проектирования с точки зрения проектной культуры являются сами проекты. Они появляются, позднее от них рождаются другие. Выстраивание огромного проектного пространства, населенного разными видами проектов, нужно, чтобы иметь возможность данные проекты рассматривать, анализировать, а также оценивать, делить на части, равно как и складывать из них целое. Таким образом, самооценностью проектной культуры является порождение одних проектов от других.

Исходя из вышесказанного базовых концепций, с помощью которых возможно онтологически описать проектирование, две. Первая — функционализм, иначе говоря, категория функции, освещенная сквозь призму управленческой деятельности. Вторая — категория интенции, т. е. практическая направленность, направленность на что-то. Именно эта направленность связана с первичным поня-

тием интенции, реализованном уже в 1920-е годы в феноменологической философии. Следуя этой позиции, Генисаретский видит проектность как *интенциональное рефлексивно-коммуникативное воплощение некоторой коренной устремленности как жизни, так и деятельности человека и времени*. Таким образом, проектность — это прежде всего устремленность, направленность.

Следующий, третий уровень проектной культуры, который нам необходимо рассмотреть, — это уровень мышления проектирования. Напомним, что предметом мышления проектирования является проектирование как таковое. Не уходя в детальную проработку вопроса, отметим лишь тот факт, что функциональные схемы, по которым работает и движется мышление, численно ограничены, их не так много. Некоторое время такую работу выполняли категории. Однако современное мышление может разворачиваться одновременно в нескольких категориальных пластах, а потому это приводит к созданию более сложных мыследеятельностных конструкций.

Развернув три уровня метаметодологии проектирования П. Г. Щедровицкого (проект — проектность — проектное мышление), напомним, что еще одной «надстройкой» его является проектная аналитика — так называемый четвертый уровень, предложенный В. Л. Глазычевым. Причем подразумевается здесь как текущая, так и ретроспективная аналитика.

В экспертизе проектной деятельности важно иметь функциональное представление о проектировании или непосредственно о проекте. Необходимо представлять функциональную структуру целого — проекта, проектности, проектного мышления, чтобы дать точную оценку что есть, а чего в данном случае не существует. Это должен быть своего рода комплект пустых блоков с названиями, которые нужно, как кальку, накладывать на реальную деятельность. В процессе сопоставлений материальной организации (морфологической структуры) с функциональной (нормативной) структурой проектирования или проекта можно сказать, что отсутствует, чего недостает в этой деятельности. Если ряд блоков будет пустым, можно смело утверждать о наличии данных пробелов.

Развивая идеи школы Щедровицкого, мы можем обозначить также и границы терминов «социальное проектирование» и «арт-

проектирование». Как известно, в корне *социального проектирования* — социум, общество, иначе говоря — люди. Простым языком можно обозначить социальный проект как «проект для людей, для общества». Следовательно, функцией социального проекта будет замкнуть и собрать пучок социальных и социокультурных процессов в такую связку, которой до появления данного проекта не было и не могло быть, т. е. социальный проект собирает эти процессы в совершенно новой форме [4]. Аналогичным образом и социальное проектирование может и должно быть рассмотрено в рамках управленческой деятельности, благодаря которой человек, социум и в целом картина мира изменяются. Однако в отличие от бизнес-проектирования, где центральным элементом становится производство товаров и услуг, подразумевающее извлечение прибыли, социокультурное проектирование акцентирует некоммерческую социально ориентированную составляющую.

Круг предметных областей социального проектирования обширен: это все проекты в сфере культуры и искусства; проекты, нацеленные на воспитание патриотизма, проекты, посвященные защите материнства, отцовства и детства... количество тем бесконечно, но для нас важен лишь один круг — *арт-проектирование*, связанное с управлением внутренними процессами учреждений культуры и искусства, образовательных, социальных проектов. Таким образом, арт-проект — это творческий проект, проект в сфере *арт*, искусства. К разновидностям арт-проектов относятся музыкальные, театральные проекты, выставки, экспозиции, акции и т. д.

Анализ расходов на систему высшего образования РФ. Система высшего образования РФ в 2020 г. состоит из 1218 организаций высшего образования¹, в том числе: 529 филиалов, 10 федеральных университетов, 29 национальных исследовательских университетов, 21 участника проекта 5-100. Всего контингент студентов, обучающихся по программам высшего образования, — 4

¹ Из числа принявших участие в мониторинге. Кроме образовательных организаций федеральных государственных органов, осуществляющих подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка, а также организаций, не предоставивших сведения в рамках мониторинга ГИВЦ ВО (источник: URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2020>).

090 058 тыс. чел. Из всей системы высшего образования РФ 2020 г. направление искусства и культуры составляет 2,95 %, в 2019 и 2018 гг. — 2,99%, контингент обучающихся — 76984.85 чел.

Особо важным для анализа проектной деятельности представляется система высшего образования, так как именно в вузах применяются полученные профессиональные навыки уже на практике проектирования. Данные по расходам консолидированных бюджетов РФ на образование, взятые из открытых официальных источников, демонстрируют рост, причем относительно 2000 г. рост составляет в 10 и более раз. Относительно 2000 г. увеличение объема бюджетных расходов — более чем в 20 раз. Тем острее встает вопрос эффективности использования столь объемных вложений государства.

Для анализа образования социально-культурной направленности при рассмотрении расходов консолидированного бюджета РФ представляется необходимым выявить динамику последних лет. За период с 2010 по 2020 г. количественные показатели бюджетных расходов на высшее образование социально-культурной направленности растут. Следовательно, необходимо проанализировать количественные показатели качества функционирования системы высшего образования культуры и искусства для выявления эффективности функционирования и объективности показателей эффективности функционирования вузов культуры и искусства. Для более детального анализа тенденций функционирования системы высшего образования культуры и искусства представляется необходимой оценка корреляции региональных показателей и эффективности их деятельности.

Анализ специфики функционирования вузов культуры и искусства. Анализ специфики функционирования и обучения в системе высшего образования культуры и искусства по регионам России позволяет выявить корреляцию между региональными показателями и эффективностью функционирования всей системы высшего образования культуры и искусства. Наличие ключевых показателей оценки качества обучения в вузах культуры и искусства дает прямое указание на пути повышения ее эффективности [12]. Исходя из этих показателей необходимо сформировать

рекомендации и авторские методики повышения эффективности функционирования системы высшего образования культуры и искусства для конкретных регионов РФ.

Согласно мониторингу эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования Российской Федерации 2021¹, общее число принявших участие в мониторинге включает восемь федеральных округов с входящими в них областями. Все данные организации системы высшего образования РФ² анализируют эффективность функционирования в единицах расчета для каждого показателя и процентном соотношении, исходя из основных групп показателей за каждый год, по направлениям деятельности вуза. Для этого сведём показатели в общую таблицу 1 (составлена авторами).

Таблица 1

Сводная таблица показателей по направлениям деятельности субъекта системы высшего образования культуры и искусства³ в динамике, ед., %

№	Наименование показателя	Значение показателя вуза по годам									
		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
E.1	Образовательная деятельность	83,23	87,61	85,37	89,43	87,49	91,71	87,97	87,97	91,01	94,43 +3,8%
E.2	Научно-исследовательская деятельность	77,84	132,29	178,22	161,05	174,53	262,39	246,82	246,82	236,95	272,88 +15,2%

¹ Мониторинг ГИВЦ ВО. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2020> (дата обращения: 12.02.2022).

² Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 12.02.2022).

³ Мониторинг ГИВЦ ВО. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2020> (дата обращения: 12.02.2022).

Е.8	Е.7	Е.6	Е.5	Е.4	Е.3
Инфра-структура	Дополни-тельный показатель	Трудо-устройство	Заработная плата ППС	Финансо-во-экономическая деятельность	Междуна-родная деятельность
9,23	—	100	—	1243,7	13,4
9,41	66,26	99,115	—	1171,96	12,12
—	58,59	90	160,61	1276,8	12,94
—	72,51	—	179,28	1398,85	14,74
—	67,76	90	190,85	1705,85	15,84
—	76,47	85	196,68	1935,6	16,93
—	76,97	—	215,2	1654,5	16,87
—	76,97	—	215,20	1 654,50	16,87
—	75,45	—	211,30	1 689,00	15,87
—	67,94 _{-10,0%}	—	207,67 _{-1,7%}	1 927,09 _{+14,1%}	18,59 _{+17,1%}

Как видно из приведенных показателей эффективности, они имеют разнонаправленную динамику и наибольшая положительная динамика по показателю международной деятельности, наибольшая отрицательная — по дополнительному показателю.

В данной таблице показатели рассчитываются по методике:

Е.1. Образовательная деятельность: средний балл студентов, принятых по результатам ЕГЭ и результатам испытаний профессиональной направленности / творческих испытаний на обучение по очной форме по программам бакалавриата и специалитета за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы РФ и с оплатой стоимости затрат на обучение физическими и юридическими лицами;

Е.2. Научно-исследовательская деятельность: объем НИОКР и средств, направленных на творческие проекты, в расчете на одного НПР;

Е.3. Международная деятельность: удельный вес численности иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов;

Е.4. Финансово-экономическая деятельность: доходы образовательной организации из всех источников в расчете на одного НПР;

Е.5. Заработная плата ППС: отношение заработной платы профессорско-преподавательского состава к средней заработной плате по экономике региона;

Е.8. Дополнительный показатель: доля работников из числа ППС, имеющих государственные почетные звания, лауреатов международных и всероссийских конкурсов, лауреатов государственных премий, в численности работников ППС;

Методика расчета показателей Е.6. Трудоустройство и Е.8. Инфраструктура публикуются только по определенным временным промежуткам и при необходимости могут быть найдены на сайте ГИВЦ ВО. В данный момент методика расчета данных показателей скорректирована и поэтому не представляется необходимым ее более детальное рассмотрение.

В данной методике оценки эффективности системы высшего образования РФ проектная деятельность учитывается в показателе «Научно-исследовательская деятельность».

В таблицах архива ГИВЦ по показателю «Образовательная деятельность» наблюдается неоднородная динамика: наименьшее значение достигнуто в 2014 г. и составляет 85,37; наибольшее в

2017 г. — 91,71, прирост — 6,34 ед. В целом сохраняется динамика роста, за анализируемый период прирост составляет 4,74 ед. (6 %). По показателю «Научно-исследовательская деятельность» наблюдается уверенный рост, за исключением 2015 г. с самым низким значением, затем цифры растут, достигнув максимума в 2017 г. К концу периода значение показателя вновь незначительно снижается. За анализируемый период прирост составляет 168,98 ед. — 217 %. Показатель «Международная деятельность» характеризуется колебаниями значений и их незначительным ростом. От начала до конца периода прирост составил 3,47 ед. (26 %). По показателю «Финансово-экономическая» деятельность наблюдается неоднородная динамика: незначительный спад в 2013 г. сменяется постоянным ростом и к 2017 г. достигает максимального значения, затем идет значительное снижение. За весь период прирост составляет 410,8 ед. (33 %). Показатель «Заработная плата ППС» характеризуется постоянным ростом значений в среднем на 7,25 %. Максимальный рост в 2015 г. 11 % от значения 2014 г., минимальный — в 2017 г. (3 %) от значения 2016 г. От начала до конца периода прирост составил 54,59 ед. (33 %). Показатель «Трудоустройство» характеризуется постоянным снижением значений и их отсутствием в 2015 и 2018 гг. Максимальное значение в начале периода к концу периода снижается на 15 %. Дополнительный показатель расшифровывается на сайте более подробно и включает множество различных критериев, при анализе характеризуется колебаниями значений: в начале периода наблюдается резкий рост 2010–2015 гг., затем значения стабилизируются с незначительными отклонениями в ту или иную сторону и достигают своего максимума к концу периода в 2018 г. Прирост составляет 76,3 ед. — 112 %. Показатель «Инфраструктура» представлен в таблице в 2012 и 2013 гг. Значение его характеризуется незначительным ростом в 0,18 ед., что составляет 1,9 %.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что по показателям всех направлений деятельности образовательных учреждений высшего образования культуры и искусства наблюдается рост значений до 2018 г., за исключением показателя Е.6. Трудоустрой-

ство, в котором наблюдается спад (с 2012 г., в котором значение показателя составило 100, значение показателя упало до 85 в 2017 г., т. е. спад составил 15 %). Отрицательная динамика по показателю «Трудоустройство» наглядно демонстрирует необходимость разрешения данной проблемы. Исследования 2019–2021 гг. демонстрируют отрицательную динамику по основным показателям, что во многом объясняется сложившейся ситуацией глобальных ограничительных мер из-за пандемии и, как следствие, введением дистанционных форм обучения.

Наименьший рост значений наблюдается в показателе Е.1. Образовательная деятельность (прирост составил 4,74 ед. — 6 %); наибольший — в показателе Е.8. Дополнительный показатель (кадровый состав) (прирост составил 76,3 ед. — 112 %). Следовательно, возможно спрогнозировать следующую проблемную ситуацию, а именно качество образовательной деятельности. Формируется острая необходимость разработки теоретических оснований и последующих рекомендаций для разрешения основных проблемных ситуаций (качество образовательной деятельности и трудоустройство выпускников) в системе высшего образования культуры и искусства. Исходя из представленных показателей возможно сформировать рекомендации и авторские методики повышения эффективности функционирования системы высшего образования культуры и искусства для конкретных регионов РФ.

Важным источником оценки эффективности деятельности организаций в сфере культуры и вузов искусств стало обращение к данным о работе фондов, оказывающих финансовую поддержку некоммерческим организациям, вузам и физическим лицам. В РФ сейчас действует множество институтов как регионального, так и федерального уровня, распределяющих средства из государственных источников через организацию конкурсов проектов. Грантовая поддержка физических лиц и организаций через выявление наиболее сильных проектов — один из стремительно развивающихся социальных институтов. Консолидированных данных в настоящий момент не существует, но мы можем опираться на отчеты ведущих фондов России, распределяющих средства из госисточников.

Ведущим и самым крупным фондом РФ, распределяющим гранты на социальные проекты, является Фонд президентских грантов. Учрежденный в апреле 2017 г., к настоящему времени имеет развитую инфраструктуру и демонстрирует открытость, прозрачность своей деятельности. Каждый год проводится два плановых конкурса. На сайте фонда мы можем увидеть и проанализировать данные по отдельно взятому (или нескольким) регионам, по направлениям деятельности, а также познакомиться с концептуальной частью каждого проекта. Деятельность фонда охватывает все регионы РФ и при экспертизе проектов учитывает разницу в опыте и масштабе деятельности некоммерческой организации. Особое место среди грантовых направлений фонда президентских грантов занимает поддержка проектов в области культуры и искусства.

Несмотря на то что президентский фонд оказывает поддержку исключительно некоммерческим организациям, тем не менее ее могут получить и государственные учреждения культуры и вузы — в том случае, если на их базе создана и функционирует социально ориентированная некоммерческая организация, имеющая независимый правовой статус. Таким образом, созданные на базе музеев «общества любителей искусств», а на базе вузов «клубы выпускников», бизнес-инкубаторы — могут рассчитывать на поддержку фонда президентских грантов, если податели проектной заявки имеют статус официально зарегистрированной некоммерческой организации. Средства, поступающие таким образом в регионы, обеспечивают целостную поддержку и создают возможности для формирования новых общественных инициатив.

Обратимся к статистике фонда президентских грантов РФ по итогам оценки проектов за несколько лет. За период 2017–2019 гг. в пяти конкурсах приняли участие 19414 НКО, что составляет 9 % от числа всех зарегистрированных в стране НКО. Из них 13197 организаций никогда прежде не участвовали в грантовых конкурсах. В указанный период (2017–2019) было рассмотрено 44 195 проектов, из которых 8 430 получили поддержку на общую сумму 18 млрд руб. При этом доля от общего числа поддержанных проектов

из регионов (исключая Москву) колеблется от 83 до 87 %, а доля проектов из малых городов и сельской местности — от 23 % до 30 %. Сумма грантовой поддержки для социальных проектов из регионов составила 4 185 млн руб. в 2017 г., 5022 млн руб. в 2018 и 2199 млн руб. в 2019 г. На примере конкурса 2019 г. получили поддержку 1 644 НКО, из них около половины (861 организация) ранее побеждала в конкурсах предшествующих лет. В первом конкурсе 2020 г. фондом президентских грантов было поддержано 2017 проектов на общую сумму 4,1 млрд руб. На второй конкурс 2020 г. было подано рекордное число заявок — 11 085; из них получили поддержку 2402 организации на общую сумму 4,6 млрд руб. Так, по итогам двух конкурсов 2020 г. было выделено более 8,7 млрд руб. на реализацию 4 419 социально значимых проектов НКО. За все 8 конкурсов, проведенных Фондом президентских грантов с апреля 2017 по июнь 2020 г., поддержано 14 977 проектов на общую сумму 30,9 млрд руб.¹

Динамика работы фонда президентских грантов показывает устойчивый рост показателей государственной поддержки, с одной стороны, и уверенное развитие социальных инициатив от некоммерческих организаций — с другой. Такой рост также обусловлен смещением акцентов на общественные организации, которые решают взять на себя ответственность за решение острых социальных проблем, в противовес ранее существовавшей государственно-административной системе. Перераспределение государственных средств и направление части их потока на реализацию общественных инициатив — важный признак развития современного гражданского общества.

Другим крупнейшим фондом России, финансирующим общественные инициативы, является Федеральное агентство по делам молодежи «Росмолодежь». В 2020 г. оно включало в себя три основных конкурса: ВКМП (Всероссийский конкурс молодежных проектов), конкурс на предоставление грантов в форме субсидий

¹ URL: президентскиегранты.пф/news/2-402-sotsial%27no-orientirovannye-nekommercheskie-organizatsii-poluchat-prezidentskie-granty-na-obshchuyu-summu-4,6-mlrd-rublej (дата обращения: 12.03.2022).

из федерального бюджета некоммерческим организациям на проведение мероприятий по содействию патриотического воспитания граждан РФ и конкурс молодежных проектов Северо-Кавказского федерального округа. В заочном конкурсе среди физических лиц приняли участие 10007 человек, из них победители — 1110 человек, максимальная сумма гранта составила 2,4 млн руб., а общий объем финансирования — 1,15 млрд руб. В конкурсе среди вузов РФ приняли участие 2 214 организаций, из них победителями стали 350, максимальный сумма гранта — 14 млн руб., общий объем финансирования составил 900 млн руб.

Форумные площадки ежегодно являются ключевыми точками реализации основных направлений государственной молодежной политики, аккумулируя и транслируя позитивные региональные практики. В 2020 г. участниками онлайн-формата форумных кампаний стали более 29 тыс. человек, очно приняли участие в форумах 12 тыс. человек. В рамках форумов приняли участие в грантовых конкурсах 5060 человек, из них победители — 992 человека, а общий объем финансирования составил 514 979 750 руб. Среди молодежных форумов отметим «Алтай. Территория развития», «Территория инициативной молодежи “Бирюса”», «Байкал», «Иволга», «Выше крыши», «Ладога», «Селиас», а также «Восток», «Машук», «Ростов», «Таврида», «Территория смыслов».

Общая сумма грантовой поддержки по конкурсам «Росмолодежи» в 2020 г. составила 2,6 млрд руб. По регионам выстроилось следующее распределение (таблица 2 составлена авторами):

Таблица 2

**Сводная таблица грантовой поддержки
по конкурсам «Росмолодежи» в 2020 году**

<i>Регион</i>	<i>Молодежи в регионе, чел.</i>	<i>Кол-во участни- ков, чел.</i>	<i>Кол-во побе- дителей, чел.</i>	<i>Объем финанси- рования, руб.</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
ДФО	176 300 106	785	149	1 151 159
УФО	2 307 794	1688	169	140 844 000
СФО	3 608 316	2187	274	196 740 000
СКФО	2 655 314	2069	409	348 590 000

1	2	3	4	5
СЗФО	2 697 213	1889	305	268 083 500
ЮФО	2 307 794	1184	191	251 317 000
ПФО	5 841 481	4276	429	376 825 450
ЦФО	7 400 648	3679	644	995 998 000

Так, мы видим, что лидирует по финансированию Дальневосточный регион, в то время как наибольшее число участников грантовых конкурсов — из Центрального и Приволжского федерального округов.

Растущая активность среди молодежи, способность взять на себя ответственность за решение острых социальных проблем свидетельствует о позитивных тенденциях развития гражданского общества. Мы можем с уверенностью сказать, что рост гражданской активности неизбежно приведет к росту финансирования конкретных проектов. Перераспределение государственных средств таким образом, чтобы каждая организация, отдельно взятый вуз, НКО или просто инициативная группа могли бы реализовать свои идеи, способствует усилению, с одной стороны, роли отдельных граждан и сообществ и процессов прозрачности финансирования, максимальной открытости и доступности — с другой.

Подобные явления мы можем наблюдать на примере множества других региональных, федеральных и международных конкурсов. Однако данные тенденции не могут быть идеализированы хотя бы потому, что документом, на основании которого осуществляется выдача гранта, является проект. А именно социальный проект.

Заключение. Система образования в сфере культуры и искусства является новым аспектом экономического развития и, безусловно, требует глубокого изучения, разработки и планирования. Место образования в системе формирования культурного и интеллектуального потенциала недостаточно исследовано, что могло бы раскрыть региональные особенности воспроизводства человеческого капитала через систему профессионального образования культуры и искусства. Вклад системы образования в эконо-

мический рост состоит в том, что оно служит своего рода «устройством», с помощью которого работодатели осуществляют определенный отбор квалифицированных специалистов.

Исходя из отрасли применения в структуре человеческого капитала система высшего образования культуры и искусства формирует гуманитарный потенциал, используемый в сфере создания нового человеческого капитала (образование, художественное творчество и т. д.).

К наиболее важным факторам развития и оценки потенциала высшего образования культуры и искусства относятся: научно-исследовательская деятельность, заработная плата, финансово-экономическая деятельность и др.

В человеческом капитале одна из составляющих — образование — повышает аллокационную эффективность производства и потребления, ускоряет технологический прогресс, повышает уровень жизни населения, способствует развитию инфраструктуры. Также, согласно теории человеческого капитала, рынок труда способен постоянно поглощать работников с более высоким уровнем образования и квалификации при условии, что связанные с образованием дополнительные затраты могут снижаться. Эти саморегулирующиеся рынки труда могут работать без сбоев, поддерживая спрос на образованных работников культуры и искусства на одном уровне с предложением.

Из вышесказанного возникает вывод, что особое значение в формировании интеллектуального и культурного потенциала региона через систему образования культуры и искусства имеет педагогическое сопровождение творческих высококвалифицированных специалистов на этапах профессионального становления.

Анализ функционирования вузов культуры и искусства предполагает поддержание соответствия между уровнем регионального образования культуры и искусства и величиной расходов консолидированного бюджета, что, в свою очередь, приводит к улучшению стратегических и конкурентных позиций региона в условиях системной релевантности экономики. Инновационным механизмом финансирования проектной деятельности в сфере высше-

го образования культуры и искусства представляется государственно-частное партнерство в виде грантов, конкурсов и др.

В результате представляется возможным сделать вывод, что система высшего образования культуры и искусства в конкретных регионах РФ обладает достаточным и не в полной мере реализованным потенциалом и путем применения методики социального проектирования в данной сфере могут эффективно решаться многие экономические задачи. Одна из таких задач состоит в создании благоприятных условий для экономического роста депрессивных субъектов РФ. Наименьший рост значений в показателе «Образовательная деятельность» в работе образовательного учреждения высшего образования культуры и искусства за исследуемый период прогнозирует проблему качества образовательной деятельности. Наибольший рост значения показателей «Научно-исследовательская деятельность» и «Международная деятельность» на 2021 г. — наглядное доказательство наличия потенциала развития. Отрицательная динамика по показателю «трудоустройство» наглядно демонстрирует отсутствие необходимых условий для реализации этого потенциала молодыми новыми специалистами.

Одним из стратегических направлений повышения эффективности индустрии культуры является социальное проектирование в рамках региональных вузов культуры и искусства. Авторские рекомендации в результате проведенного исследования заключаются в необходимости включения показателей социального и культурного проектирования в оценку эффективности функционирования вузов культуры и искусства РФ как определяющих настоящее и прогнозирующих будущее развитие региональных общественных систем.

Список источников

1. Бегельсдайт Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке. История, методологические рассуждения и области практического применения в современности. СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 446 с.
2. Тросби Д. Экономика и культура. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2013. 159 с.

3. Sergeeva I. V. Idea — Project — Implementation: Students Art-projects in the Light of Modern Cultural Policy // Диалог искусств и арт-парадигм: Статьи. Очерки. Материалы. По материалам Международного научного форума. Том X / ред.-сост. А. И. Демченко. Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2020. С. 151–159.
4. Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление. Идеология, методология, технология. М.: Студия Артемия Лебедева, 2015. 464 с.
5. Глазычев В. Л. Городская среда. Технология развития: настольная книга. М.: Лады, 1995. 239 с.
6. Зуев С. Э. Социально-культурное проектирование. Сарapul: Сарapulьская городская типография, 2003. 130 с.
7. Кузин В. И., Зуев С. Э. Организационно-правовые основы системы государственного и муниципального управления. М.: Дело (РАНХиГС), 2014. 120 с.
8. Генисаретский О. И. Философия проектности: из истории проектной культуры второй половины XX века. М.: Ленанд, 2016. 400 с.
9. Щедровицкий П. Г. Организационное проектирование в системе управленческой деятельности // Системное управление — проблемы и решения. М., 1998. С. 21–38.
10. Глазычев В. Л. Методология проектирования. URL: <http://www.shkp.ru/lib/archive/materials/kyiv2002/1> (дата обращения: 12.02.2022).
11. Княгинин В. Н. Правовое государство // Теория государства и права: сборник статей. Красноярск, 2004. С. 29–35.
12. Мальшина Н. А. Модели финансирования креативной индустрии и индустрии сознания // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы: сборник материалов VII Международной научной конференции. Саратов: Саратовский национальный исследовательский гос. ун-т, 2019. С. 939–946.

References

1. Begelsdijk Sh., Maseland R. *Kul'tura v ekonomicheskoy nauke. Istoriya, metodologicheskie rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v sovremennosti* [Culture in economic science. History, methodological reasoning and areas of practical application in modern Times]. St. Petersburg: Publishing House of the Gaidar Institute, 2016. 446 p. (In Russ.)
2. Throsby D. *Ekonomika i kul'tura* [Economics and Culture]. Moscow: Publishing House. Higher School of Economics, 2013. 159 p. (In Russ.)

3. Sergeeva I. V. Idea — Project — Implementation: Students Art-projects in the Light of Modern Cultural Policy. *Dialog iskusstv i art-paradigm. Stat'i. Ocherki. Materialy. Po materialam Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. Tom X* [Dialogue of arts and art paradigms. Articles. Essays. Materials. According to the materials of the International Scientific Forum. Volume X]. Saratov: Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov, 2020, pp. 151–159 (In Russ.)

4. Shchedrovitsky G.nP. *Organizational management thinking. Ideology, methodology, technology* [Orgupravlencheskoe myshlenie. Ideologiya, metodologiya, tekhnologiya]. Moscow: Artemy Lebedev Studio, 2015. 464 p. (In Russ.)

5. Glazychev V. L. *Gorodskaya sreda. Tekhnologiya razvitiya: nastol'naya kniga* [Urban environment. Technology of development: a desktop book]. Moscow: Ladya, 1995. 239 p. (In Russ.)

6. Zuev S. E. *Social'no-kul'turnoe proektirovanie* [Socio-cultural design]. Sarapul: Sarapulskaya city Printing House. 2003. 130 p.

7. Kuzin V. I., Zuev S. E. *Organizacionno-pravovye osnovy sistemy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Organizational and legal foundations of the system of state and municipal management]. Moscow: Publ. Delo, 2014. (In Russ.)

8. Genisaretsky O. I. *Filosofiya proektnosti: iz istorii proektnoy kul'tury vtoroj polviny XX veka* [The Philosophy of projectness: from the history of project culture of the second half of the twentieth century]. Moscow: Lenand, 2016. 400 p. (In Russ.)

9. Shchedrovitsky P. G. Organizational design in the management. *Sistemnoye upravleniye — problemy i resheniya* [System management — problems and solutions]. Moscow, 1998, pp. 21-38. (In Russ.)

10. Glazychev V. L. *Metodologiya proektirovaniya* [Design methodology]. Available at: <http://www.shkp.ru/lib/archive/materials/kyiv2002/1> (accessed 22.04.2022)

11. Knyagin V. N. The rule of law. *Teoriya gosudarstva i prava: sbornik statey* [Theory of state and law. Collection of articles]. Krasnoyarsk, 2004, pp. 29–35. (In Russ.)

12. Malshina N. A. Models of financing the creative industry and the industry of consciousness. *Aktual'nyye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk i obrazovaniya: sushchnost', kontseptsii, perspektivy: sbornik materialov VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Actual problems of social sciences and humanities and education: essence, concepts, prospects: collection of materials of the VII International Scientific Conference]. Saratov: Saratov National Research State University, 2019, pp. 939–946. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Мальшина Наталия Анатольевна

Natalia A. Malshina

кандидат философских наук, Саратов-
ская государственная консерватория
имени Л. В. Собинова

Candidate of Philosophical Sciences,
Saratov State Conservatory named
after L. V. Sobinov

410012, Россия, г. Саратов, просп. им.
Петра Столыпина, 15

15, prosp. named after Pyotr Stolypin,
Saratov, 410012, Russia

Каменская Ирина Владимировна

Irina V. Kamenskaia

кандидат социологических наук, Сара-
товская государственная консервато-
рия имени Л. В. Собинова

Candidate of Sociologica Sciences,
Saratov State Conservatory named
after L. V. Sobinov

410012, Россия, г. Саратов, просп. им.
Петра Столыпина, 15

15, prosp. named after Pyotr Stolypin,
Saratov, 410012, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

04.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

27.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

08.06.2022

Научная статья / Original article

УДК 330.1, 304.444

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-145>

Экономическая культура: сущность и содержание

Найденова Татьяна Анатольевна¹,

Швецова Ирина Николаевна²

^{1,2} Сыктывкарский государственный университет имени

Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

¹NaydenovaTA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8030-6960>

²irshv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3595-4165>

Аннотация. Современное государство видит приоритетной задачу формирования экономической культуры, в том числе финансовой грамотности, что находит отражение в законодательных нормах и образовательных стандартах. Представленная статья посвящена исследованию содержания экономической культуры как нового направления современности. Экономическая культура находится на стадии зарождения, ее сущность, функции, нормы и ценности практически не раскрыты в зарубежной и российской литературе. Цель представленного исследования заключается в том, чтобы расширить рамки сущностного содержания понятия «экономическая культура» и определить её значимость в повышении качества жизни современного человека. Методология проведения исследования включает в себя сравнительный анализ экономических укладов и определение системы взглядов на принятие решений на каждом из этапов экономического развития и основывается на методах научного познания. Результатом исследования является толкование сущности и обоснование генезиса экономической культуры в сопоставлении с эпохами промышленных (технологических) революций.

Ключевые слова: экономическая культура, личность, общество, ценности

Для цитирования: Найденова Т. А., Швецова И. Н. Экономическая культура: сущность и содержание // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3. С. 145–157. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-145>

Economic Culture: Essence and Content

Tatyana A. Naydenova¹, Irina N. Shvetsova²,

^{1,2} Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹NaydenovaTA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8030-6960>

²irshv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3595-4165>

Abstract. *The modern state sees the priority task of forming an economic culture, including financial literacy which is reflected in legislative norms and educational standards. The article is devoted to study of the content of economic culture as a new direction of modernity. Economic culture is in its infancy, its essence, functions, norms and values are practically not disclosed in foreign and Russian literature. The purpose of the study is to expand the scope of the essential content of the concept of "economic culture" and determine its significance in improving the quality of life of a modern person. The research methodology includes a comparative analysis of economic structures and the definition of a system of views on decision-making at each stage of economic development and is based on the methods of scientific knowledge. The result of the study is interpretation of the essence and justification of the genesis of economic culture in comparison with the eras of industrial (technological) revolutions.*

Keywords: *economic culture, personality, society, values*

For citation: Naydenova T. A., Shvetsova I. N. Economic Culture: Essence and Content. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022;3:145–157 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-145>

Введение. Возникновение и развитие культуры ассоциируется с определенными нормами в сфере искусства, литературы, музыки. Однако сегодня в мире, в котором происходят беспрецедентные изменения, вызванные технологическим прогрессом, пандемией, цифровизацией, возникают новые парадигмы, новые форматы культуры, которые требуют глубокого понимания их сущности, необходимости, перспектив развития и возможной трансформации. И в первую очередь речь идет об экономической культуре.

Стандарты высшего образования ориентированы на формирование у обучающихся универсальной компетенции, связанной с развитием экономической культуры, в том числе финансовой гра-

мوتности. Важность понимания экономических законов, механизмов и взаимосвязей становится все более актуальной, особенно в условиях цифровой революции и ускоренных темпов внедрения инновационных финансовых технологий.

Важным является понимание необходимого и достаточного объема экономических знаний у каждого человека и навыков их грамотного применения при принятии решений с учетом соблюдения критериев разумности, рациональности, эффективности и безопасности.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы расширить рамки сущностного содержания понятия «экономическая культура» и определить её значимость в повышении качества жизни современного человека.

Целесообразность разработки темы обоснована развитием интереса в обществе к экономической культуре, важности выявления проблем её становления и выработки направлений повышения экономической культуры в условиях трансформации модели развития, создания экосистем и переосмысления роли человека в обществе.

Логика исследования включает в себя: исследование подходов к трактовке содержания экономической культуры, что создает основу для более глубокого понимания соответствующих ей норм и ценностей; обоснование генезиса экономической культуры в сопоставлении с эпохами промышленных (технологических) революций и технологических укладов; определение функций и роли экономической культуры в жизни современного человека и общества.

Материалы и методы исследования. Теория исследования базируется на анализе зарубежной и отечественной научной литературы, касающейся вопросов экономической культуры личности и общества. Методология проведения исследования включает в себя сравнительный анализ экономических укладов и определение системы взглядов на принятие решений на каждом из этапов экономического развития.

Результаты исследования и обсуждение. Идеи зарубежных исследователей Т. Парсонса [1], Э. Тоффлера [2], на наш взгляд, яв-

ляются основополагающими в определении сущностного содержания экономической культуры. Т. Парсонс не оперирует термином «экономическая культура», однако анализирует контекст категорий социального действия и социальной системы. Автор исходит из взаимообмена между частями социальной системы, который может способствовать повышению творческого уровня и расширению диапазона деятельности, совершающейся в этих системах [1, с. 45]. Э. Тоффлер указывает на создание новой культуры, обусловленной переходом к новой цивилизации и ориентированной на изменение и растущее многообразие взглядов [2]. W. Breuer и B. Quinten отмечают, что культура может многое объяснить в контексте экономических проблем, и предлагают обсуждение содержания новой автономной дисциплины «Культура финансов», которая должна быть связана с интеграцией культурных аспектов и анализом финансовых вопросов на основе теории игр и институциональной экономики [3].

В России теория экономической культуры восходит к научным трудам Л. Н. Пономарева, В. Д. Попова, В. П. Чичканова. Они изложили концепцию экономической культуры как одной из сфер культуры, выражающей основные экономические явления и отношения, экономический опыт общества и личности, их потребности и цели [4].

Новый этап в формировании парадигмы развития экономической культуры как «совокупности социальных ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения и выполняющих роль социальной памяти экономического развития», обозначили Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина [5, с. 100–111]. Исследователи в большей степени связывали экономическую культуру с поведением человека.

Исследование научной литературы позволило выделить следующие подходы в понимании содержания понятия экономической культуры: когнитивно-ценностный, деятельностный, институциональный, культурологический.

Когнитивно-ценностный подход, раскрывающий содержание экономической культуры как совокупности социальных ценностей

и норм, представлен в работах Т. И. Заславской, Р. В. Рывкиной [5, с. 110–111], Г. Н. Соколовой [6, с. 113], Н. Н. Зарубиной [7, с. 113], В. М. Доброштан [8, с. 55].

Деятельностный подход к пониманию экономической культуры как регулятору экономического поведения человека и принятия им решений в вопросах рационального использования ресурсов отражен в работах А. А. Авакян [9, с. 59], И. В. Войтова [10, с. 53], Г. В. Драча [11, с. 103], А. Ю. Архипова, О. В. Евграфовой, Т. А. Зотовой, В. К. Королева [12, с. 19], Л. Н. Пономарева, В. Д. Попова, В. П. Чичканова [4].

Институциональный подход позволяет рассмотреть экономическую культуру как способ адаптации к условиям существования и раскрывается в работе Я. И. Кузьмина [13, с. 13].

Культурологический подход основывается на понимании экономической культуры как совокупности традиционных и инновационных знаний, социальных и духовных ценностей и норм и представлен в работах В. А. Морозова [14, с. 146] и В. В. Радаева [15, с. 111].

Сочетание всех четырех вышеперечисленных подходов позволяет в полной мере отразить сущностное содержание экономической культуры как совокупности ценностей, норм, условий адаптации, а также мотивов деятельности в обществе, неотъемлемой частью существования которого является система товарно-денежных отношений.

Смена технологических укладов, а также экономическое развитие общества на каждом из них характеризовалось определенным уровнем и организацией производства, производительностью труда и уровнем заработной платы работников. Можно предполагать, что именно данные обстоятельства предопределяли правила и принципы поведения и принятия решений в области распределения ресурсов и, соответственно, уровень экономической культуры.

Первый технологический уклад (1760–1845 гг.), в рамках которого происходит Первая промышленная революция (1760–1840), характеризуется переходом к машинному производству, ростом производительности труда, сокращением производствен-

ных и транспортных издержек, расширением товарообмена; зарождением финансового капитала и развитием деятельности коммерческих акционерных банков, не связанных с государством. Учитывая условия социально-экономического развития данной эпохи, авторы считают верным определить такие черты экономической культуры человека и общества, как правила и принципы поведения и принятия решений внедрения машинного производства, замены ручного труда; навыки работников грамотного расходования заработной платы; накопление капитала и концентрация в банках, обоснование и принятие решений владельцами капитала (банкирами) об инвестировании и создании промышленных акционерных компаний для реализации масштабных проектов [16, с. 15–17].

Второй технологический уклад (1845–1900 гг.) и третий технологический уклад (1890–1950 гг.), в период которых происходила Вторая промышленная революция (конец XIX — начало XX в.), характеризуются ростом производительности труда, расширением географии поставок сырья, сбыта продукции и повышением мобильности населения [17, с. 20]. Экономическая культура человека и общества на данном этапе исторического развития воплощается в знаниях, умениях, навыках в использовании средств транспорта (автомобилей и самолётов); начато финансирование мирового развития со стороны США, и становится очевидной доминирующая («руководящая») роль финансов в период «процветания»; общество приходит к пониманию важности государственного регулирования и программирования экономики. В данный период времени сохраняется важность правил и принципов поведения и принятия решений внедрения машинного производства, замены ручного труда, выбора иного места труда, привития работникам навыков грамотного расходования заработной платы; акцентируется внимание на обосновании финансовых решений; зарождается система гарантий вкладчикам банков и формируется доверие к финансовой системе.

Четвертый технологический уклад (1950–1990 гг.) и Третья промышленная революция (1960 г. — первое десятилетие XXI в.)

характеризуются международными перевозками, а также высокими темпами экономического роста. Данный период можно назвать вершиной зрелости капитализма. Экономическая культура охватывает правила и принципы поведения и принятия решений о перемещении производств в другие страны, свободный выбор места труда и навыки работников грамотного расходования дохода; открытые рынки и, как следствие, глобальные экономические кризисы.

Пятый технологический уклад (1990–2011 гг.) и Четвёртая промышленная революция (2011 г. — по настоящее время) материализуется в приобретении знаний, умений и навыков хранения, обработки и передачи информации в цифровом виде, что повлекло изменение условий и форм организации труда. Понимание успеха и благополучия может быть достигнуто на основе использования возможностей активно развивающихся финансовых рынков, потенциала удаленной работы. Однако экономическая культура требует грамотного поведения, безопасного инвестирования финансовых ресурсов в целях минимизации финансовых рисков.

Шестой технологический уклад (2011–2060 гг.) выражается в овладении искусственным интеллектом [18, с. 23], в адаптации к цифровым технологиям производственных, финансовых, социальных процессов, в познании направлений биоинженерии и биоинформатики. Необходимыми становятся правила, принципы поведения и принятия решений о перемещении производств в другие страны, выбор режима удаленной работы, навыки работников по грамотному расходованию заработной платы, инвестированию ресурсов и безопасности финансовых вложений; полное понимание рисков и угроз искусственного интеллекта, умение самостоятельно принять решение и отказаться от рекомендаций алгоритмов; важность института доверия [19, с. 58].

Эволюция товарно-денежных отношений, капиталистических устоев, а также резкий технологический прорыв на основе цифровых технологий, ускоряемые пандемией коронавирусной инфекции в начале XXI века, меняют привычные взгляды на модели экономического взаимодействия, однако предъявляют особые требо-

вания к экономической культуре. В настоящую и будущую эпохи грамотное экономическое поведение, финансовая грамотность станут неотъемлемой частью систем обучения и подготовки человека к жизни в современном цифровом обществе.

Функции экономической культуры взаимосвязаны и тесно переплетены между собой, ориентированы на достижение главной, целевой функции культуры — развитие и совершенствование человека как субъекта экономической деятельности (рис. 1).

Адаптационная	• выражается в приспособлении норм, ценностей, стандартов поведения к трансформирующимся социально-экономическим обстоятельствам
Трансляционная	• заключается в передаче из прошлого в современность ценностей и норм, лежащих в основе различных видов экономических отношений
Селективная	• нацелена на обнаружение и выбор из унаследованных общественных ценностей, норм и эталонов поведения
Коммуникативная	• обеспечивает преемственность экономического опыта, тем самым осуществляется связь между поколениями
Нормативно-регулирующая	• обеспечивает создание условий для реализации приоритетов на государственном уровне
Инновационная	• демонстрирует креативность экономической культуры к восприятию новых элементов культурного опыта
Интеграционная	• осуществляется через социализацию молодых поколений, а также вызывает определенный консенсус в обществе, согласование между различными субъектами экономического процесса

Рис. 1. Функции экономической культуры и их содержание

Преобладающими компонентами экономической культуры и общества и личности являются: экономические ценности, экономические идеалы, экономические нормы, экономические стереотипы, экономическая мифология.

Последовательная сменяемость взаимосвязанных фаз общественного воспроизводства дает возможность представить структуру и сущность экономической культуры личности как совокупность культуры производства, культуры обмена, культуры распределения и культуры потребления (рис. 1).

Трансляция экономической культуры ориентирована на обновление ценностей и норм, лежащих в основе культуры производства, распределения, обмена и потребления (рис. 2).

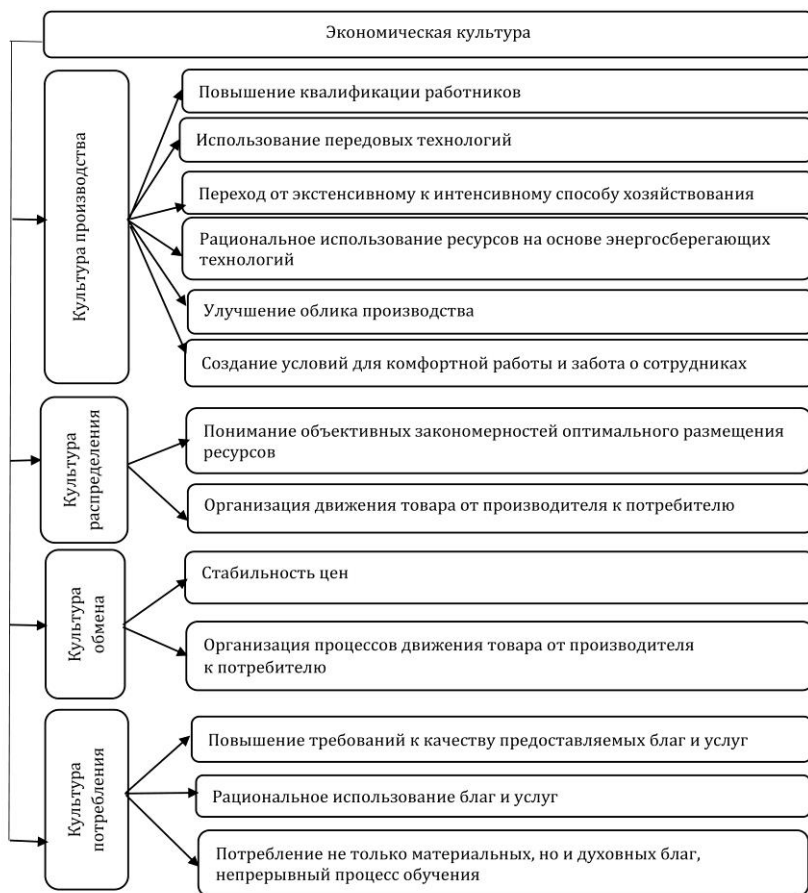

Рис. 2. Компоненты экономической культуры личности

Закключение. В настоящее время происходит расширение границ культуры и тех областей знаний, в которых должны быть определенные культурные ценности и нормы. Сегодня в сознании

человека и общества формируется понятие экономической культуры, необходимой для успешного существования в системе прогрессирующих товарно-денежных отношений, характеризующихся высоким уровнем сложности, комплексности и рисков.

В историческом разрезе является возможным определить черты экономической культуры общества и человека на определенном этапе развития, в том числе увязать экономическую культуру с принятием определённых решений, связанных с формированием и распределением ограниченных ресурсов.

Современный уровень социально-экономического развития и доминанты в экономической жизни позволяют говорить, что экономическая культура рассматривается как устойчивый обмен деятельностью между государством, являющимся основным регулятором экономического развития, и экономическими агентами. Экономическая культура определяет уровень знаний, умений, способностей, поведенческих стереотипов и ценностей, зависящих в том числе от уровня экономического развития и оказывающих на нее и на экономическое поведение людей значимое влияние.

Экономическая культура, функции которой обширны, выступает как комплексное понятие, включающее в себя культуру производства, распределения, обмена и потребления.

Роль государства в создании концепта экономической культуры значительна, именно государство посредством образовательных стандартов и иных нормативных актов вводит данное понятие и в некотором роде вынуждает человека и общество менять формат поведения и акцентировать внимание на материальных ценностях и нормах.

Дальнейшие исследования экономической культуры целесообразно проводить в направлении понимания особенностей восприятия экономических реалий и ценностей разных наций, регионов или групп для того, чтобы понять потенциальные возможности государства в определении для человека и общества доминирующих ценностей.

Список источников

1. Парсонс Т. Система современных обществ: пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2008. 345 с.
3. Breuer, Wolfgang and Quinten, Benjamin, Cultural Finance (July 1, 2009). URL: <https://ssrn.com/abstract=1282068> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1282068> (дата обращения: 14.01.2022).
4. Пономарев Л. Н., Попов В. Д., Чичканов В. П. Экономическая культура (сущность, направления развития). М.: Мысль, 1987. 268 с.
5. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-е, 1991. 448 с.
6. Соколова Г. Н. Экономическая социология: истоки, методология, созидательный потенциал // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. Т. 2. С. 109–118.
7. Зарубина Н. Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе. М.: Логос, 2004. 443 с.
8. Доброштан В. М. О некоторых аспектах экономической культуры общества и личности // Государственный советник. 2013. № 2. С. 53–64.
9. Авакян А. А. Экономическая культура как регулятор экономического поведения // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 59–61.
10. Войтов И. В. Экономическая культура и пути её формирования в России // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 2. С. 53–58.
11. Культурология / под ред. Г. В. Драча М.: Кнорус, 2014. 352 с.
12. Архипов А. Ю., Ефграфова О. В., Зотова Т. А., Королев В. К. Экономическая культура: монография. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2006. 288 с.
13. Кузьминов Я. И. Теоретическая экономическая культура современной России // Общественные науки и современность. 1993. С. 13–23.
14. Морозов В. А. Экономическая культура и ценности // Креативная экономика. 2017. № 1. Т. 11. С. 135–148.
15. Радаев В. В. Экономическая социология. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2008. 602 с.
16. Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М.: Эксмо, 2020. 208 с.
17. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции: пер. с англ. М.: Эксмо, 2021. 321 с.
18. Филиппов С. Новая технологическая революция и требования к энергетике // Форсайт. 2018. № 4. Т. 12. С. 20–33.
19. Аверина И. С. Промышленная революция и технологический уклад: сущностные характеристики, сходства и отличительные черты //

Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика.
2021. Т. 23. № 1. С. 52–63.

References

1. Parsons T. *Sistema sovremennyh obshchestv / per. s angl.* [The system of modern societies]. Moscow: Aspekt Press, 1998. 270 p.
2. Toffler E. *Tret'ya volna* [Third wave]. Moscow: AST. 2008, 345 p.
3. Breuer, Wolfgang and Quinten, Benjamin, Cultural Finance (July 1, 2009). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1282068> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1282068> (accessed 14.01.2022).
4. Ponomarev L. N., Popov V. D., Chichkanov V. P. *Ekonomicheskaya kul'tura (sushchnost', napravleniya razvitiya)* [Economic culture (essence, directions of development)]. Moscow: Izd-vo Mysl', 1987. 268 p.
5. Zaslavskaya T. I., Ryvkina R. V. *Sociologiya ekonomicheskoy zhizni: Ocherki teorii* [Sociology of Economic Life: Essays on Theory]. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe otd-e, 1991. 448 p.
6. Sokolova G.N. Economic sociology: origins, methodology, creative potential. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social sciences], 2015, no 11, vol. 2, pp. 109–118.
7. Zarubina N. N. *Sociologiya hozyajstvennoj zhizni: problemnyy analiz v global'noj perspective* [Sociology of economic life: problem analysis in a global perspective]. Moscow: Logos. 2004. 443 p.
8. Dobroshtan V. M. On some aspects of the economic culture of society and personality. *Gosudarstvennyy sovetnik* [State Counselor], 2013, no 2, pp. 53–64.
9. Avakyan A. A. Economic culture as a regulator of economic behavior. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2013, no 1, pp. 59–61.
10. Vojtov I. V. Economic culture and ways of its formation in Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University], 2009, no 2, pp. 53–58.
11. Kul'turologiya [Cultural Studies] / edit. G. V. Drach. Moscow: Knorus, 2014. 352 p.
12. Arhipov A. Yu., Efgrafova O. V., Zotova T. A., Korolev V. K. *Ekonomicheskaya kul'tura: monografiya* [Economic culture: monograph]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 2006. 288 p.
13. Kuz'minov Ya. I. Theoretical economic culture of modern Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1993, pp. 13–23.
14. Morozov V. A. Economic culture and values. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 2017, no 1, vol. 11, pp. 135–148.

15. Radaev V. V. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology]. Moscow: Izdat. Dom. GU VSHE, 2008. 602 p.
16. Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya: per. s angl.* [Fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo, 2020. 208 p.
17. Shvab K. *Tekhnologii Chetvertoj promyshlennoj revolyucii: per. s angl.* [Technologies of the Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo, 2021. 321 p.
18. Filippov S. New technological revolution and energy requirements. *Forsajt* [Foresight], 2018, no 4, vol. 12, pp. 20–33.
19. Averina I. S. Industrial revolution and technological structure: essential characteristics, similarities and distinctive features. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of the Volgograd State University. Economy], 2021, vol. 23, no 1, pp. 52–63.

Сведения об авторах / Information about the authors

Найденова Татьяна Анатольевна

кандидат экономических наук,
Сыктывкарский государственный
университет им. П. А. Сорокина

167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

Tatyana A. Naydenova

Candidate of Economic Sciences, Piti-
rim Sorokin Syktyvkar State Universi-
ty

55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar,
167000, Russia

Швецова Ирина Николаевна

кандидат экономических наук,
Сыктывкарский государственный
университет им. П. А. Сорокина
167001, Россия, г. Сыктывкар, Ок-
тябрьский пр., 55

Irina N. Shvetsova

Candidate of Economic Sciences, Piti-
rim Sorokin Syktyvkar State Universi-
ty
55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar,
167000, Russi

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	18.01.2022
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	27.03.2022
Принята к публикации / Accepted for publication	22.05.2022

ПЕДАГОГИКА

Научная статья / Original article

УДК 371.3

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-158>

Навык и умение в овладении иноязычной речью

**Гурленов Владимир Михайлович¹,
Трофимова Юлия Ивановна²**

^{1,2} Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия

¹ inyazkomi@yandex.ru; ² adrom@mail.ru

Аннотация. В процессе обучения иностранным языкам довольно часто встает вопрос об уместности использования терминов «навык» и «умение» в различных методических ситуациях. С одной стороны, утверждается, что в отношении видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо) необходимо говорить о навыках и умениях, но на вопрос, как понимать навыки в конкретной речевой деятельности, ответа, как правило, нет. С другой стороны, во всех методиках обучения иноязычной речи навыки и умения рассматриваются отдельно в разных разделах. Такое положение дел приводит к затруднениям в объяснении сту-

дентам, а также преподавателям-руководителям студенческих исследовательских работ, что стоит за этими двумя основополагающими терминами. Появляется необходимость, следовательно, раскрыть их объяснительную основу. Это поможет понять также, как следует представлять и разрабатывать упражнения, позволяющие развивать иноязычную речь. Навыки в статье рассматриваются не как автоматизированные компоненты сознательного действия, как это принято представлять традиционно, а как субстрат (основа) автоматизмов, который обеспечивает реализацию целей человека. С другой стороны, способность оперировать приобретенным набором (группой, совокупностью) речевых навыков (субстратом-основой автоматизмов) для реализации конкретной речемыслительной целеустановки здесь называется речевым (речемыслительным) умением. Предлагается уточненная формула процесса обучения иноязычной речи: формируя навыки, обращать внимание на их соотношение с соответствующими содержательными умениями или с компонентами умений, находящимися на определенной (начальной или продвинутой) стадии развития; развивая умения, обращать внимание на упрочение и укоренение совокупности автоматизмов, представляющих навыковую основу каждого из конкретных умений. В этой связи вводятся понятия «лексическая ситуация» и «грамматическая ситуация». Эти понятия позволяют уточнить содержание речевых упражнений для обучения иноязычной речи.

Ключевые слова: навык, умение, речемышление, лексическая ситуация, грамматическая ситуация, речевые упражнения, навык аудирования, навык говорения, навык чтения, навык письма

Для цитирования: Гурленов В. М., Трофимова Ю. И. Навык и умение в овладении иноязычной речью // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3. С. 158–172. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-158>

Habits and Skills in Mastering Foreign Speech

Vladimir M. Gurlenov¹, Yulia I. Trofimova²

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹ inyazkomi@yandex.ru; ² adrom@mail.ru

Abstract. In the process of teaching foreign languages, the question of the appropriateness of using the terms automatism and skill in various methodologi-

cal situations often arises. On the one hand, it is argued that in relation to the types of speech activity (listening, speaking, reading and writing), it is necessary to talk about automatisms and skills, but as a rule, there is no answer to the question of how to understand automatisms in a particular speech activity. On the other hand, in all methods of teaching foreign language automatisms and skills are considered separately in different sections. This state of affairs leads to difficulties in explaining to students, as well as to teachers-supervisors of student research, what is behind these two fundamental terms. There is a need, therefore, to reveal their explanatory basis. This will also help you understand how to present and develop exercises that allow you to develop foreign language speech. Automatisms in the article are considered not as automated components of conscious action, as it is traditionally represented, but as a substratum (basis) of automatisms, which ensures the realization of human goals. On the other hand, the ability to operate with an acquired set (group, set) of speech automatisms (the substratum-basis of automatisms) for the implementation of a specific speech-thinking goal setting is here called a speech (mental-thinking) skill. A refined formula for the process of teaching foreign language speech is proposed: when forming automatisms, pay attention to their correlation with the corresponding content skills or with the components of skills that are at a certain (initial or advanced) stage of development; developing skills, pay attention to the strengthening and rooting of the totality of automatisms, which represent the automatism basis of each of the specific skills. In this regard, the concepts of "lexical situation" and "grammatical situation" are introduced. These concepts make it possible to clarify the content of speech exercises for teaching foreign language speech.

Keywords: *automatism, skill, speech thinking, lexical situation, grammatical situation, speech exercises, listening automatism, speaking automatism, reading automatism, writing automatism*

For citation: Gurlenov V. M., Trofimova Yu. I. Habits and Skills in Mastering Foreign Speech. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022;3:158–172 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-158>

Введение. Как правильно сказать: «Овладевать навыками аудирования», «Овладевать умениями аудирования», «Овладевать навыками и умениями аудирования»? Эти вопросы регулярно встают в процессе работы со студентами, которые выполняют свои научно-исследовательские проекты. Не менее часто эти во-

просы задают и сами преподаватели, осуществляющие руководство этими студенческими работами.

Анализ литературы по проблеме овладения речевыми иноязычными навыками показывает, что в этой области имеет место очевидное недопонимание как сущности навыка, так и умения.

Методы исследования, теоретическая база. В работе применен метод экстраполяции данных психологии на методическую реальность обучения иностранным языкам. Теоретической базой исследования послужили работы психологов С. Л. Рубинштейна, О. К. Тихомирова, а также ученых в области методики и психологии обучения иностранным языкам Е. Н. Солововой, Л. В. Щербы, И. А. Зимней.

Результаты исследования и их обсуждение. В методике обучения иностранным языкам вслед за С. Л. Рубинштейном принято определять навык как автоматизированный компонент сознательного действия [1, с. 454–455]. Компонент, как известно, это составная часть чего-либо целого: «в любую форму деятельности навыки входят необходимой составной частью» [1, с. 455]. Думается, что это механистический взгляд на данную проблему. Вряд ли можно представить навыки как части, в нашем случае, речевого процесса. На самом деле, навыки наличествуют в любой момент протекания деятельностного процесса не в виде его компонентов, а как субстрат (основа) автоматизмов, который **обеспечивает** реализацию целей человека.

Что является «запусчным механизмом» этого навыкового субстрата?

В методике обучения иностранным языкам принято, наряду с термином «навык», использовать понятие «умение»¹. Для осознания того, как пользоваться этим термином в обучающем процессе, необходимо раскрыть его объяснительное назначение. В этой связи вряд ли можно говорить о едином умении (в единственном числе) аудировать, едином умении говорить (читать, писать), как принято традиционно утверждать относительно видов речевой

¹ Здесь и далее *умение* рассматривается только как *речевое умение*.

деятельности. В таком «умении» нет навыковой основы, следовательно, речь не может состояться. Объяснительный потенциал этого термина в таком широком толковании равен нулю.

Гораздо более плодотворным было бы определять умение как такой речевой акт, который обуславливается и вызывается **конкретной коммуникативно-познавательной целью**, инициируемой раздражительными свойствами речевой ситуации. При этом для методики важно, чтобы содержание, структура и языковое наполнение иноязычного речевого акта-умения стремились к стереотипу, который можно назвать речевым жанром. Это отчетливо проявляется в программах по иностранным языкам. В них приводятся списки умений, которыми должны овладеть обучающиеся на протяжении как каждого периода, так и всего курса обучения в области аудирования, монологической речи, диалогического общения, чтения и письма. Фактически, вся жизнь человека состоит из совокупности приобретенных им жанровых актов-умений, которые обеспечиваются развитой/неразвитой навыковой основой.

Таким образом, **способность оперировать приобретенным набором (группой, совокупностью) речевых навыков (субстратом – основой автоматизмов) для реализации конкретной речемыслительной целеустановки, вызываемой ситуативными раздражителями конкретного речевого акта, и можно назвать речевым (речемыслительным) умением**. Существуют, следовательно, многочисленные очень конкретные умения: *представлять друга, рассказывать о своем путешествии, приглашать к действию* и т. д.

При этом необходимо помнить, что речевой акт интересен тем, что если его «запускным механизмом» следует считать речемыслительную цель, то сам процесс речи будет обставлен серией процессуальных целей (*надо сказать об ..., не забыть бы ..., лучше ..., далее ...* и т. п.): «Действие может оцениваться как в его отношении к той “идеальной” цели, к которой он стремится, так и в отношении к конкретной (“реальной”) цели, которой непосредственно соответствует данное действие» [2, с. 110–111]. Эти процессуальные целевые импульсы обеспечивают побудительную ткань речепорожде-

ния. Важно отметить, что каждый такой целевой импульс будет к тому же оснащен своим навыковым субстратом.

Таким образом, непродуктивно отделять процесс формирования навыков (слухопроизносительных, лексических, грамматических, орфографических) от процесса развития умений, что наблюдается в методических дискурсах, приведенных в начале данной статьи. Правильным было бы представление процесса овладения иноязычной речью, соответствующего утверждению «Овладевать навыками и умениями (аудирования, говорения, чтения, письма)». Вдумчивый читатель может возразить: «А что в этом утверждении нового?» Действительно, в конечном счете так и происходит в психике человека, овладевающего иностранным языком. Однако в практике обучения наблюдается следующее: при формировании навыков недостаточно внимания уделяется целеустановке на соответствующее умение, а при развитии умений забывается задача упрочения их навыковой основы. Более того, в теоретических рассуждениях наблюдается разрыв между работой над навыками и работой над умениями. Об этом говорят оглавления всех методических пособий, в которых эти два вида работы рассматриваются отдельно в разных разделах. Таким образом неявно постулируется разрыв в процессе овладения иноязычной речью. В связи с этим отметим, что в методической литературе не принято использовать термин «навыки» в контексте обсуждения умений речевой деятельности. Исключение составляет труд Е. Н. Солововой «Методика обучения иностранным языкам». В нем технология обучения каждому виду речевой деятельности предполагает также работу над навыками, соответствующими, как подразумевается, данному виду (см.: [3]). Вместе с тем автор не определяет, в чем состоит специфика навыков, рассматриваемых не отдельно (лексических грамматических и т.п.), а в контексте различных умений. К тому же в этом пособии процессы «навыки в умениях» и «умения сами по себе» представлены в разных параграфах, следовательно, так или иначе отделяются друг от друга.

Представляется, следовательно, что процесс обучения иноязычной речи должен соответствовать следующей формуле: фор-

мируя навыки, обращать внимание на их соотношение с соответствующими содержательными умениями или с компонентами умений, находящимися на определенной (начальной или продвинутой) стадии развития; развивая умения, обращать внимание на упрочение и укоренение совокупности автоматизмов, представляющих навыковую основу каждого из конкретных умений.

Попробуем вычленить особенности навыковой основы в умениях аудирования, говорения, чтения, письма.

Прежде чем это сделать, необходимо уточнить, о каких навыках пойдет речь. Для нас важным является деление навыков на двигательные (обеспечивающие продуктивные виды речевой деятельности) и перцептивные (обеспечивающие рецептивные виды речевой деятельности). Раскроем психологическую и методическую сущность этих навыков.

Двигательные навыки (для методической интерпретации двигательных навыков использованы данные психологов¹). Это автоматизированные речевые операции, обеспечивающие речемыслительный процесс, вызываемый различными ситуативными раздражителями.

Раскроем признаки сформированного речевого двигательного навыка (в скобках приводятся наши проекции на методическую действительность):

- Элементарные движения объединяются в целостное действие (речь идет об одноимпульсной операции или цепочке операций).
- Устраняются лишние движения и уменьшается напряженность (речь идет о гладкопротекающей операции или цепочке операций).
- Внимание переносится с процесса выполнения действия на результат (речь идет об операции, специализированной относительно стереотипной цели).
- Появляется ритмичность действий, которая снижает усталость (речь становится периодически пульсирующей).

¹ Двигательный навык. Sport-History.ru: История спорта и физическая культура. URL: <http://sport-history.ru/physicalculture/item/f00/s00/e0000683/index.shtml> (дата обращения: 22.05.2022).

– Человек может регулировать темп работы — замедлять или ускорять (речепорождение подчиняется волевым побуждениям).

Таким образом, **речевой продуктивный (вербально-двигательный) навык** – это одноимпульсная, гладкопротекающая, специализированная относительно речемыслительной процессуальной цели вербальная операция или цепочка операций, границы которой определяются минимальными смысловыми речемыслительными периодами (синтагмами¹) и подчиняются волевым побуждениям человека.

Для определения перцептивных навыков в методическом контексте также использованы данные психологов². Уточним, что в методике обучения иностранным языкам принято использовать термин *рецептивный*, который и будет в дальнейшем употребляться в статье. Перечислим признаки сформированного речевого рецептивного навыка (в скобках также приводятся наши проекции на методическую действительность):

– Непроизвольное объединение цепочки бессознательных образов, возникающих в процессе восприятия речи, в целостный фреймовый³ образ, (целостность образа-фрейма).

– Соотнесение образа-фрейма с определенным ситуативным стереотипом, объединяющим речевые явления в речемышлении (стереотипность образа-фрейма).

¹ В нашем контексте принимается определение синтагмы, данное Л. В. Щербой: **синтагма** — это «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли» [5, с. 87]. Ранее, в 1923 г., он определял синтагму «как простейшие элементы связной речи, отвечающие единым и далее в момент речи не разлагающимся представлениям» (цит. по: [6 с. 125]).

² Двигательный навык. Sport-History.ru: История спорта и физическая культура. URL: <http://sport-history.ru/physicalculture/item/f00/s00/e0000683/index.shtml> (дата обращения: 22.05.2022)

³ Фрейм — «устойчивая структура, когнитивное образование (знания и ожидания), а также схема представления. Фрейм — это метакоммуникативное определение ситуации, основанное на управляющих событиями принципах организации и вовлеченности в события» [Источник: URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Фрейм_\(социальные_науки\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Фрейм_(социальные_науки)) (дата обращения: 02.05.2022)].

- Зависимость проявленности образа-фрейма от богатства/ бедности речевого опыта (апперцептивность образа-фрейма).
- Зависимость от ситуативного контекста (контекстность образа-фрейма).

Исходя из этого определим **речевой рецептивный навык как автоматизированное восприятие и опосредованное речевым опытом узнавание как формы, так и значения языковых явлений, что вызывает появление в психике серии произвольных содержательных образов, что, следовательно, позволяет усмотреть и принять как знакомое весь контекст стереотипной ситуации-фрейма.**

Определив сущность двигательного речевого навыка и рецептивного речевого навыка, приступим к выяснению особенностей навыков в каждом из видов речевой деятельности.

Навык **аудирования** (рецептивный навык). Это автоматическое возбуждение в психике человека серии произвольных образов разного уровня проявленности (информативности), происходящее благодаря узнаванию как формы, так и значения языковых явлений слитно воспринимаемого речевого звукоряда и усмотрению в этой серии образов знакомой/ незнакомой фреймовой ситуации.

Результатом этого процесса будет являться произвольный целостный образ-фрейм, приобретающий регулятивную функцию в (речевом) поведении человека (*запомнить/ пропустить/ использовать/ изменить* и под.).

Узнавание, как можно понять, происходит на уровне форм и значений языковых явлений. Узнавание форм и значений языковых явлений в процессе восприятия речи — это навыковый уровень аудирования.

Понимание, напротив, происходит на уровне смысловых эпизодов текста (абзацев, сверхфразовых единств). Это уровень аудитивных умений.

Другими словами, аудирование — это:

восприятие человеком нерасчлененного линейно поступающего речевого звукоряда одновременно с **узнаванием / неузна-**

ванием языковых форм как образов этих форм *на навыковом уровне*, которые одновременно **возбуждают / не возбуждают** в речемышлении серию соответствующих произвольных содержательных образов разной степени проявленности *на навыковом уровне*, что в целом *на уровне умения* обеспечивает **понимание** смысловых акцентов текста и превращает его в дискурс, то есть в текст, предназначенный для обсуждения и использования.

Навык **чтения** (рецептивный навык) будет иметь некоторые отличия. Это автоматическое возбуждение в психике человека серии произвольных образов разного уровня проявленности (информативности), происходящее благодаря узнаванию графической формы и значения языковых явлений последовательно (иногда многократно) воспринимаемого графического текста и усмотрению в этой серии образов знакомой / незнакомой фреймовой ситуации.

Результатом этого процесса будет также являться произвольный целостный образ-фрейм, приобретающий регулятивную функцию в (речевом) поведении человека (*запомнить/ пропустить/ использовать/ изменить* и под.).

Навык **говорения** (продуктивный навык) — это появление в психике цепочки последовательных образов-раздражителей, вызванных речемыслительной ситуацией, которые одновременно вербализуются в виде одноимпульсной, гладкопротекающей, специализированной относительно речевой процессуальной цели операции или цепочки операций, протекающих автоматически как неделимая слитность.

Навык **письма** (продуктивный навык) — это появление в психике цепочки последовательных образов-раздражителей, вызванных речемыслительной ситуацией, которые автоматически вербализуются в полной или редуцированной форме во внутренней речи, а затем актуализируются (обретают свою жизнь) в графической форме.

Таким образом, было выяснено, что то, что называется в методике обучения иностранным языкам глобальными умениями (умение аудировать, умение говорить, умение читать и умение

писать), на практике должно быть представлено в виде множества жанровых умений, которые обеспечиваются наборами навыковых субстратов-основ.

Вышесказанное позволяет уточнить типологию упражнений, используемых в процессе обучения иноязычной речи. Принято представлять этот процесс по формуле *сначала формируем навыки, а затем развиваем умения*. Правильней было бы говорить: *сначала формируем навыки в минимальных стереотипных умениях определенного жанра, а затем развиваем жанровые умения с ориентацией на упрочение навыковой основы этих умений в виде определенного набора соответствующих навыков*.

Прежде чем предложить более детальное прочтение некоторых аспектов типологии упражнений для обучения иностранным языкам, необходимо раскрыть еще три понятия, которые будут нужны для обоснования предлагаемой типологии: *речемыслительная ситуация, лексическая ситуация, грамматическая ситуация*. Дело в том, что реченаправленные упражнения невозможны без сопряжения их с речемыслительными ситуациями.

Факт раздражимости (возбудимости), вызванной предметом активности человека и модифицируемой актуальными обстоятельствами, приобретающими свойства раздражителя, будем называть **актуальной ситуацией** (см. о *ситуации* подробнее: [7]). Если такая цепь раздражений (возбуждений) вызывает речевые (речемыслительные) реакции, то речь пойдет об **актуальной речемыслительной ситуации** (о *речемышлении* см.: [8]).

В самой речемыслительной ситуации полезно выделять лексическую ситуацию и грамматическую ситуацию, которые, как можно понять, соотносятся с основными речевыми навыками.

Лексическая ситуация — это актуализация в речемышлении наборов лексических единиц, вербализующих представления человека о монотемах речемыслительных ситуаций (*портрет, характер, любимые занятия* и пр.). Удачное понятие монотемы было введено в научный дискурс О.И. Москальской: «Мельчайшей частной темой является тема, заключенная в сверхфразовом единстве. (...) она не складывается из более мелких тем, заключенных в его со-

ставляющих предложениях, и не разлагается на еще более дробные темы» [9, с 18]. Далее она говорит о смысловой целостности сверхфразового единства и, следовательно, о его монотематичности (там же: [с. 19]). Монотема, и это важно отметить, аккумулирует в себе характерную ей лексику. Всегда имеется возможность, следовательно, разработать типологию стандартных монотем с их лексическим наполнением для практического использования в обучении иностранным языкам.

Грамматическая ситуация — это наложение на речемыслительную ситуацию периодов грамматических смыслов (*множественности, завершенности действий в прошлом* и т. п.). Если лексическая ситуация, как было выяснено, характеризуется специфическим набором лексических единиц, то грамматическая ситуация представляется в виде смысловых грамматических периодов. Действительно, если я хочу рассказать, что я делал вчера, то я прибегну к серии глаголов во временной форме, обозначающей завершенность действия в прошлом. Эту представленность в речемышлении серии глагольных форм, вызванных и объединенных единым грамматическим смыслом, назовем грамматическим периодом завершенности действия в прошлом, который накладывается на речемыслительную ситуацию «*Что я делал вчера*».

Сказанное позволяет, в частности, более детально раскрыть сущность речевых упражнений в области обучения иностранным языкам. Они могут быть ориентированы на подчеркивание в становящемся иноязычном речемышлении лексических или грамматических ситуаций. **Речевые упражнения**, следовательно, полезно разделять:

- на лексически ориентированные упражнения (на основе лексических ситуаций):
 - на основе вариативных ситуаций;
 - на основе личностных ситуаций;
- грамматически ориентированные упражнения (на основе грамматических ситуаций):
 - на основе вариативных ситуаций;
 - на основе личностных ситуаций.

Заключение. Проведенный анализ разночтений понятий «навык» и «умение» в методической литературе по обучению иностранным языкам может быть полезным в осмыслении содержания и функций упражнений в их системном обозрении. Навыки формируются естественным образом в упражнениях с речевой направленностью в зарождающихся элементарных умениях, затем они продолжают упрочиваться в развивающихся умениях, и этот процесс должен быть управляемым со стороны обучающего.

Список источников

1. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001. 720 с.
2. Тихомиров О. К. Психология мышления: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 272 с.
3. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс: пособие для студентов пед. вузов и учителей. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 239 с.
4. Цибенко Н. Перцептивные действия — это... Формирование и развитие перцептивных действий, 19.10.2018. URL: <https://fb.ru/article/432520/pertseptivnyie-deystviya---eto-formirovanie-i-razvitie-pertseptivnyih-deystviy> (дата обращения: 02.05.2022)
5. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. 4-е изд. М.: Изд-во литер. на иностр. яз., 1953. 311 с.
6. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке: пособие для учителей сред. школы. М.: Просвещение, 1978. 159 с.
7. Гурленов В. М. О понятии «ситуация» в методике обучения иностранным языкам // Вестник Коми государственного педагогического института. 2007. Вып. 4. С. 34–38.
8. Гурленов В. М. Мышление и речемышление в обучении иностранным языкам // Человек. Культура. Образование. 2017. № 3. С. 76–84.
9. Москальская О. И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.

References

1. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2001. 720 p. (In Russ.)

2. Tikhomirov O. K. *Psikhologiya myshleniya: Uchebnoye posobiye* [Psychology of thinking: Textbook]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1984. 272 p. (In Russ.)
3. Solovova Ye. N. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyy kurs: posobiye dlya studentov ped. vuzov i uchiteley* [Methods of teaching foreign languages: a basic course: a guide for students of ped. universities and teachers]. Moscow: AST: Astrel: Polygraphizdat Publ., 2010. 239 p. (In Russ.)
4. Tsibenko N. *Pertseptivnyye deystviya — eto... Formirovaniye i razvitiye pertseptivnykh deystviy* [Perceptual actions are ... Formation and development of perceptual actions], 19.10.2018. Available at: <https://fb.ru/article/432520/pertseptivnyie-deystviya---eto-formirovanie-i-razvitie-pertseptivnyih-deystviy> (accessed 02.05.2022).
5. Shcherba L. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka. Izd. 4-ye* [Phonetics of the French language. Ed. 4th.]. Moscow: Publishing House of literature in foreign languages, 1953. 311 p. (In Russ.)
6. Zimnyaya I. A. *Psikhologicheskiye aspekty obucheniya govoreniyu na inostrannom yazyke: Posobiye dlya uchiteley sred. shkoly* [Psychological aspects of teaching speaking in a foreign language: A manual for secondary school teachers]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1978. 159 p. (In Russ.)
7. Gurlenov V. M. On the concept of "situation" in the methodology of teaching foreign languages. *Vestnik Komi gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Vypusk 4* [Bulletin of the Komi State Pedagogical Institute. Issue 4], 2007, pp. 34–38. (In Russ.)
8. Gurlenov V. M. Thinking and speech thinking in teaching foreign languages. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye. Nauchno-obrazovatel'nyy i metodicheskiy zhurnal* [Human. Culture. Education], 2017, no 3, pp. 76–84. (In Russ.)
9. Moskal'skaya O. I. *Grammatika teksta (posobiye po grammatike nemetskogo yazyka dlya in-tov i fak. inostr. yaz.): Ucheb. posobiye* [Grammar of the text (a manual on the grammar of the German language for institutes and faculty of foreign languages): Textbook]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1981. 183 p. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Гурленов Владимир Михайлович

кандидат филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Vladimir M. Gurlenov

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

Трофимова Юлия Ивановна

кандидат филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky Pros., Syktyvkar, 167000, Russia

Yulia I. Trofimova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

55, Oktyabrsky Pros., Syktyvkar, 167000, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

25.05.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

17.07.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

23.07.2022

УДК 372.851

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-173>

Приложение Photomath: положительные и отрицательные факторы влияния на обучение математическим дисциплинам

**Карбачинская Наталья Борисовна¹,
Харитоновна Елена Евгеньевна²**

^{1,2} Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

¹eshkovi@rambler.ru, ²kharitonovae@mail.ru

Аннотация. В наше время цифровые технологии стремительно развиваются, охватывая всё больше областей человеческой деятельности. Одной из самых активных сфер потребления электронных продуктов является образовательная система. В процессе обучения всё больше используются новые формы получения знаний. Проводимые в онлайн-формате лекции, семинары, вебинары, конференции, форумы и другие формы дистанционного и электронного обучения уже прочно вошли в образовательный процесс. Растёт объём потребления обучающих программ, видеотек, онлайн-библиотек, приложений и, соответственно, увеличиваются предложения на рынке цифровых технологий, что вносит серьёзные коррективы в обучение различным дисциплинам. Учителям и преподавателям необходимо перестраиваться самим и менять формы и методы своей работы, при этом менять их не единично, а системно и на всех уровнях своей педагогической деятельности.

Статья посвящена анализу влияния современных электронных ресурсов и средств на образовательную систему в целом и на обучение математическим дисциплинам в частности. Рассматриваются положительные и отрицательные факторы использования электронных продуктов на процесс обучения. Авторы ссылаются на некоторые работы, посвящённые этой теме, и предлагают рассмотреть некоторые электронные ресурсы, которые можно использовать при обучении математике, однако большая часть статьи посвящена приложению Photomath, как наиболее

часто используемому среди обучающихся на территории Российской Федерации. В работе кратко изложены положительные факторы использования Photomath. Авторы акцентировали внимание на некоторых негативных аспектах его влияния на обучение математическим дисциплинам и поделились своими предложениями по снижению этих факторов. Также авторы представили свои размышления по поводу сложности применения некоторых советов на практике.

Ключевые слова: математика, приложение, Photomath, электронные ресурсы, электронные средства, искусственный интеллект, смартфон, осознанность обучения, формулировки, оптимизация решения

Для цитирования: Карбачинская Н. Б., Харитонова Е. Е. Приложение Photomath: положительные и отрицательные факторы влияния на обучение математическим дисциплинам // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3. С. 173–185. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-173>

Photomath Application: Favourable and Unfavourable Impacts on Teaching Mathematics

Natal'ya B. Karbachinskaya¹,
Elena E. Kharitonova²

^{1,2} Russian State University of Justice, Moscow, Russia

¹eshkovi@rambler.ru, ²kharitonovae@mail.ru

Abstract. Nowadays, digital technologies are rapidly developing and covering more and more areas of human activity. One of the areas with the most usage of electronic products is the educational system. New forms of knowledge acquisition are increasingly used in the learning process. Lectures, practical classes, webinars, conferences and other forms of e-learning conducted in an online format have already become firmly embedded in the educational process. The volume of consumption of educational programs, video hostings, online libraries and applications is constantly growing and, accordingly, the supply of digital technologies is increasing, which makes serious changes in the teaching of various disciplines. Teachers and tutors need to re-educate themselves and change the methods of their work, and do that not individually, but systematically at all levels of their pedagogical activity.

The article is devoted to the analysis of the impact of modern digital resources and tools on the educational system as a whole and, in particular, on

teaching mathematics. Positive and negative factors of the use of electronic products on the learning process are discussed in the article. The authors refer to some works on this topic and the analysis of electronic resources that can be used in teaching mathematics, but most of the research is devoted to Photomath application, because it is the most popular app among students in the Russian Federation. The article summarizes the positive factors of using Photomath. In more detail, the authors focused on some of the negative aspects of its impact on teaching mathematical disciplines and shared their suggestions for reducing them. The authors also shared their doubts about the difficulty of applying some tips in practice.

Keywords: *mathematics, app, Photomath, electronic resources, electronic tools, artificial intelligence, smartphone, awareness of learning, formulations, optimization of solutions*

For citation: Karbachinskaya N. B., Kharitonova E. E. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* = *Human. Culture. Education*. 2022;3:173–185 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-173>

Введение. Современная образовательная система не является статичной, в ней постоянно происходят перемены. Появляются новые знания, которые внедряются в обучение, методики, которые проверяются и адаптируются на различных этапах, формы организации преподавания различных дисциплин и даже новые образовательные предметы. На все эти перемены влияет много факторов, и одним из ключевых является прогресс на всех уровнях жизни человечества. В современном обществе большую значимость приобретает цифровизация, внедряемая в различных сферах. И, конечно, «электронные носители информации и средства коммуникации становятся неотъемлемой частью образовательного процесса» [1, с. 364]. В правительственных органах самого высокого уровня также рассматриваются программы, касающиеся цифровизации в обществе и образовании, том числе «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹, в которой в качестве цели указано «создание

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017

условий для формирования в Российской Федерации общества знаний».

Перед учителями средних школ, преподавателями ссузов, вузов и других учебных заведений встаёт проблема «подготовки учащихся к осознанному использованию сетевых ресурсов как инструмента познания и работы» [2, с. 50]. Авторы считают, что один из ключевых моментов обучения с использованием цифровых ресурсов и различных представителей искусственного интеллекта именно *осознанность* их использования, с чем возникают немалые трудности, анализу которых и посвящена данная статья.

Методы исследования. Теоретическая база. Внедрение электронных средств и ресурсов в образовательную среду началось в XX веке. В начале XXI века этот процесс начал развиваться с колоссальной скоростью. В связи с необходимостью подстраиваться под влияние искусственного интеллекта структура образовательной системы, наполняемость предметов, методики преподавания претерпевают изменения, а потому и проблематика темы очень молода, поэтому методы исследований в этой области образовательной системы находятся в стадии формирования и разработки. При этом проблемы и перспективы влияния электронной составляющей обучения актуальны и злободневны и теоретическая база, методические разработки, статистические данные не только создаются и наполняются, но и активно обрабатываются, анализируются и обсуждаются.

В данной работе мы использовали классические методы исследования (теоретические и эмпирические), большая часть которых опирается на сбор и обработку информации с использованием собственных наработок и опыта, а также анализ работ коллег, работающих в этой и близких областях образования.

Результаты исследования и их обсуждение. Авторами статьи являются преподаватели математики, которые рассматривают внедрение и использование искусственного интеллекта только для изучения математических дисциплин. Цифровой рынок пред-

лагает много электронных ресурсов, которые возможно использовать для обучения математике как самостоятельно, так и в формате образовательного учреждения. Данный спектр продуктов постоянно обновляется, но с большинством из них на сегодняшний день можно ознакомиться в статье Е. С. Лебедевой [3].

Использование различных электронных ресурсов активно предлагают авторы большинства статей, прямо или косвенно посвящённых этой теме. В качестве конструктивных причин приводятся такие, как повышение интереса и мотивации обучающихся, возможность восполнения пробелов, возможность консультирования учеников и их родителей, формирование индивидуального графика, перспективы получения образования людьми с ограниченными возможностями, формирование инструментального навыка вычисления, отслеживание собственного прогресса, оригинальность и увлекательность формата обучения, яркая интерактивная и более удобная среда и другие [4–7]. Контрпродуктивных факторов приводится меньше: проблемы совместимости электронных устройств и соответствующих ресурсов, отвлекающие контенты (реклама, уведомления, доступность социальных сетей и др.), негативное влияние на здоровье, снижение работоспособности долговременной памяти [4; 6; 8]. Все, кто так или иначе рассматривает эту тему, упоминают и о разумном использовании искусственного интеллекта. Мы согласны со всеми упомянутыми причинами и факторами, но хотели бы обратить особое внимание на бездумное, бесконтрольное использование электронных ресурсов частью обучающихся и некоторые возможности его минимизировать.

Рассмотрим подробнее приложение Photomath как самое популярное среди российских школьников и студентов. Практически у каждого обучающегося, сталкивающегося с математическими дисциплинами, приложение Photomath скачано на смартфон (более 100 млн скачиваний)¹. Оно является бесплатным (есть платный контент для более глубокого изучения), работает на основ-

¹ Мобильное приложение Photomath [Электронный ресурс]. URL: <https://photomath.net/ru/> (дата обращения: 03.05.2022).

ных операционных системах и очень удобно в использовании. Задание с помощью фотокамеры смартфона передаётся в приложение, а в ответ выдаётся пошаговое решение. Фотографию можно сделать с любого печатного или рукописного текста, а также есть форма для внесения задания вручную или коррекции некачественного воспроизведения знаков при съёмке.

У этого приложения много достоинств, часть которых уже упоминалась выше, и при этом приложение постоянно обновляется и совершенствуется. В руках думающего, мотивированного обучающегося – это мощный инструмент обучения и саморазвития. Есть и минусы. Мы хотим обратить внимание на некоторые из них и подробно остановиться на последнем.

1. *Здоровье*. В санитарно-эпидемиологических¹ требованиях к обучению разрешаются к использованию «интерактивные доски, сенсорные экраны, информационные панели и иные средства отображения информации, а также компьютеры, ноутбуки, планшеты, моноблоки, иные электронные средства обучения», при этом «для образовательных целей мобильные средства связи не используются». Однако приложением Photomath наиболее удобно пользоваться на смартфоне, хотя возможно использование и на разрешённых в санитарно-эпидемиологических требованиях электронных средствах обучения. К тому же следует учесть, что смартфон – это более массовое устройство, он есть почти у всех обучающихся в отличие от планшета, ноутбука или компьютера. Да и какой смысл работать с Photomath на планшете, если на смартфоне удобнее?

2. *Отвлекающие контент*. Приложение Photomath работает без использования рекламы, однако на смартфоне появляются уведомления, сообщения и, конечно, школьники и студенты оказываются перед соблазном проверить соцсети, поиграть в игруш-

¹ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 сентября 2020 г. № 28 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи». URL: https://base.garant.ru/75093644/#block_1000 (дата обращения: 04.05.2022)

ки и т.п. При этом с «одной из задач педагога – организовать аудиторную и домашнюю работу так, чтобы использование электронных средств было максимально эффективным» [1, с. 364], справиться в этих условиях непросто.

3. *Нерациональные и некорректные решения.* Photomath довольно качественная программа, но некоторые решения, которые она предоставляет, бывают нерациональными, некорректными, в них встречаются некоторые виды записи и обозначения, которые на математических дисциплинах в российских учебных заведениях не используются. Однако авторы предлагают использовать эти погрешности, о чём подробнее будет сказано ниже.

4. *Списывание.* «Быстрее освобождайтесь, лучше учитесь и получите больше времени для других дел в вашей жизни!» - один из «слоганов» разработчиков этого приложения¹. Среди обучающихся есть такие, которые адаптируют этот лозунг под «спиши и занимайся своими делами».

Самая, на наш взгляд, большая проблема в том, что идёт бесконтрольное использование этого (и не только) приложения в средней школе, особенно в 5–7-х классах, когда идёт активное обучение навыкам счёта и примитивных действий. В старших классах, к счастью, появляются задания, которые «искусственный интеллект» пока решить не может, и эта проблема становится не такой актуальной, хотя и имеет место. Часто старшеклассники решают довольно сложные задания, в которых считают с помощью калькулятора или того же Photomath, а потом в «стерильных» условиях ОГЭ/ЕГЭ не могут получить правильный ответ, потому что навык простейших вычислений либо не сформировался, либо уже потеряян. Аналогичная ситуация складывается и в средних профессиональных и высших учебных заведениях.

В связи с этим возникает вопрос: как свести к минимуму обычное, бездумное списывание? Мы предлагаем несколько приёмов, которые могут в этом помочь:

¹ Мобильное приложение Photomath [Электронный ресурс]. URL: <https://photomath.net/ru/> (дата обращения: 03.05.2022).

1. *Преобразование формулировок.* Приложение Photomath пока может воспринять только краткий компактный пример, состоящий из букв латинского алфавита, цифр и математических знаков, задания, «разбавленные» текстом, ему не под силу, поэтому имеет смысл сделать больше формулировок, не поддающихся такой обработке. Поясним на конкретном примере.

Исходное задание: Решить уравнение $x^2 - 2x - 4 = 3x - 4$.

На рис. 1 представлено, как с этим заданием справляется приложение Photomath.

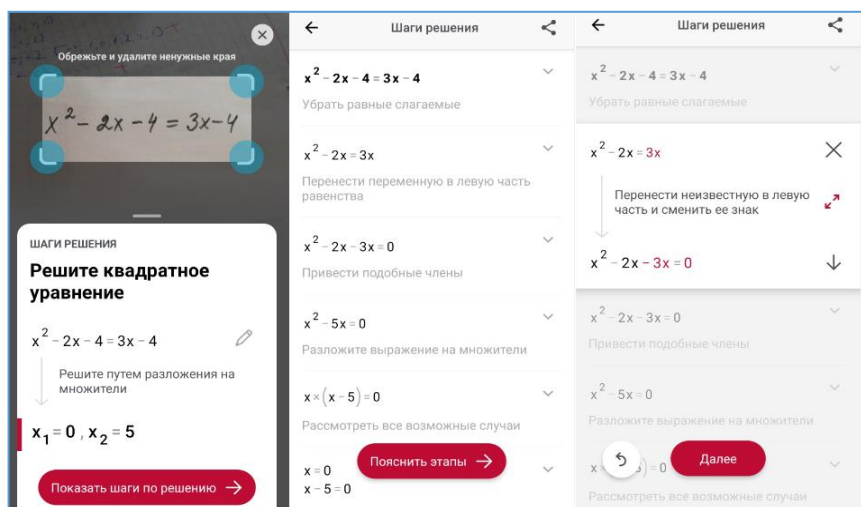

Рис. 1.

Альтернативные варианты замены условия:

- При каких значениях x многочлены $x^2 - 2x - 4$ и $3x - 4$ равны.
- При каких значениях переменной x выражения $x^2 - 2x - 4$ и $3x - 4$ принимают одинаковые значения.
- Заданы две функции $y = x^2 - 2x - 4$ и $y = 3x - 4$. При каких значениях x значения функций совпадают.
- Не выполняя построение, найдите абсциссу точки пересечения графиков функций $y = x^2 - 2x - 4$ и $y = 3x - 4$.

- При каких значениях x график функции разности многочленов $x^2 - 2x - 4$ и $3x - 4$ пересекает ось абсцисс.

При таких формулировках исходного задания обучающийся вынужден будет проанализировать задание и даже, если он приведёт его к решению, собственно, уравнения и решит его с использованием приложения, то, по крайней мере он сведёт текстовую формулировку к математической модели.

2. *Анализ решения, оптимизация решения.* Как уже говорилось выше, решения приложения Photomath не всегда являются рациональными (например, решение квадратных уравнений методом разложения на множители). Тогда можно предложить провести оптимизацию какого-то решения из приложения. Есть решения не совсем корректные, особенно это касается построения графиков, у которых есть точки разрыва. В этом случае будет уместно дать задание, где предлагается найти ошибки, неточности или «отшлифовать» решение.

3. *Обзор и анализ нескольких решений.* Если тема, задание и уровень учащихся позволяют, то можно предложить найти несколько решений, проанализировать их, сделать и обосновать выбор наиболее удачного из них. В этом случае рассмотреть решения, предложенные приложением (одним или несколькими), решебниками будет уместно.

4. *Введение заданий с экономическим и практическим содержанием.* Здесь мы подразумеваем рассмотрение задач, которые хотя бы косвенно могут пригодиться в реальной жизни. В этом случае появляется возможность повысить интерес к заданиям у обучающихся и, соответственно, снизить формализованность решения. Данный подход сейчас активно применяется в проверочных работах разного уровня: ВПР, МЦКО, ОГЭ, ЕГЭ, олимпиад и других. В этих задачах текст несёт главную нагрузку и формулы в описании задания используются редко. Также последнее время в этих и других заданиях стала часто добавляться лишняя информация, и в связи с этим обучающемуся необходимо провести анализ условия, отбросить ненужные данные, а после этого предложить верное решение. Сейчас задания

такого типа стали появляться в учебниках и задачниках. Хотелось бы, чтобы их было больше, и, главное, чтобы в условиях перегруженных программ и ограниченности учебного времени их решали, а не пропускали, что, к сожалению, встречается довольно часто.

Стоит отметить, что для учителей и преподавателей указанные приёмы проводить не так просто по нескольким причинам. Во-первых, это требует временных затрат на подготовку, с чем всегда есть проблемы. Во-вторых, необходимо самому ориентироваться в современных электронных продуктах и ресурсах, а это далеко не всем под силу. К тому же, как уже отмечалось, цифровой рынок постоянно совершенствуется и обновляется. Также отметим, что использовать вышеперечисленные приёмы очень сложно в 5–6-х классах. В программе основное время уделено навыкам счёта с дробями и отрицательными числами, то есть основам вычислений. Помимо этого, ещё мало знаний, а, соответственно, не на чем создавать альтернативы. И смена формулировок, предложение нескольких решений, оптимизация в этом случае затруднительны.

Заключение. В статье авторы постарались изложить проблемы использования «искусственного интеллекта» при обучении математике. Особое внимание было уделено приложению Photomath как наиболее популярному на сегодня среди обучающихся. Были рассмотрены положительные и отрицательные факторы использования данного приложения в образовании. Предложены некоторые идеи для уменьшения отрицательного влияния. Хотелось бы также добавить, что проблеме влияния цифрового контента на обучение необходимо рассматривать с разных сторон и к её решению подключать родителей, администрацию, всё педагогическое сообщество, имеющее непосредственное влияние на образовательную среду. Нам думается, что прогрессивные идеи надо направлять на благо образования вне зависимости от возможных сложностей, совершенствовать педагогическое мастерство и разрабатывать новые методические приёмы и формы в соответствии с требованием времени.

Список источников

1. Фысина У. Н., Лебедева Е. С. Инновационные электронные технологии в современном образовательном процессе // Организация учебной и воспитательной работы в вузе. Вып. 8. М.: РГУП, 2018. С. 363–370.
2. Иванова Д. С., Григорьева Е. В. Особенности организации работы учителя математики на основе цифровой образовательной среды // Информатика и прикладная математика: межвузовский сборник научных трудов. [б. и.]. 2019. № 25. С. 49–50. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41585102> (дата обращения: 03.05.2022).
3. Лебедева Е. С. Использование мобильных приложений на занятиях по математике в системе СПО // Организация учебной и воспитательной работы в вузе. Вып. 9. М.: РГУП, 2019. С. 182–189.
4. Алимагомедова И. В., Киричек К. А. Мобильные приложения для формирования навыка инструментальных вычислений // Актуальные проблемы методики обучения информатике и математике в современной школе: материалы научно-практической интернет-конференции. М.: [б. и.], 2021. С. 340–346. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46558506> (дата обращения: 03.05.2022).
5. Зверева Л. Г., Рыбалкина М. С. Влияние информационных технологий на формирование математической культуры старшеклассников // Colloquium-journal. [б.и.]. 2018. № 12-3(23). С. 12–14. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=36496238> (дата обращения: 03.05.2022).
6. Юдина Ю. А. Использование мобильных приложений в обучении // Педагог-профессионал в школе будущего: материалы III Всероссийской молодежной конференции. Элиста, 2020. С. 248–252. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44225266> (дата обращения: 03.05.2022).
7. Иванова Д. С., Григорьева Е. В. Современные цифровые технологии в адаптивном изучении математики // Информатика и прикладная математика: межвузовский сборник научных трудов. 2021. № 27. С. 40–43. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47398279> (дата обращения: 03.05.2022).
8. Архипова И. А., Карбачинская Н. Б., Харитонова Е. Е. Проблемы долговременной памяти у современного поколения обучающихся математическим и гуманитарным дисциплинам // Организация учебной и воспитательной работы в вузе. Вып. 10. М.: РГУП, 2021. С. 164–169.

References

1. Fysina U. N., Lebedeva E. S. Innovative electronic technologies in the modern educational process. *Organizaciya uchebnoj i vospitatel'noj raboty v vuze* [Organization of educational work at the university]. Moscow, Russian State University of Justice Press, no. 8, 2018, pp. 363–370. (In Russ.).
2. Ivanova D. S., Grigor'eva E. V. Features of the organization of the work of the mathematic teacher based on the digital educational environment. *Informatika i prikladnaya matematika: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Computer Science and Applied Mathematics: interuniversity collection of scientific papers], 2019, no. 25, pp. 49–50. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41585102> (accessed 03.05.2022) (In Russ.).
3. Lebedeva E. S. Use of mobile applications in math classes in the system of secondary vocational education. *Organizaciya uchebnoj i vospitatel'noj raboty v vuze* [Organization of educational work at the university]. Moscow, Russian State University of Justice Press, 2019, no. 9, pp. 182–189. (In Russ.).
4. Alimagomedova I. V., Kirichek K. A. Mobile applications as a way of the formation of the skill of instrumental calculations. *Aktual'nye problemy metodiki obucheniya informatike i matematike v sovremennoj shkole, materialy nauchno-prakticheskoy internet-konferencii* [Actual problems of methods of teaching computer science and mathematics in modern schools, materials of a scientific and practical Internet conference]. Moscow, 2021, pp. 340–346. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46558506> (accessed 03.05.2022) (In Russ.).
5. Zvereva L. G., Rybalkina M. S. The impact of information technology on the formation of mathematical culture of pupils. *Colloquium-journal*, 2018, no.12–3(23), pp. 12–14. Available at: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=36496238> (accessed 03.05.2022) (In Russ.).
6. Yudina Yu. A. Usage of mobile apps in training. *Pedagog-professional v shkole budushchego. Materialy III Vserossijskoj molodezhnoj konferencii* [A professional teacher at the school of the future. Materials of the III All-Russian Youth Conference]. Elista, 2020, pp. 248–252. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44225266> (accessed 03.05.2022) (In Russ.).
7. Ivanova D. S., Grigor'eva E. V. Modern digital technologies in adaptive learning of mathematics. *Informatika i prikladnaya matematika: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Computer Science and Applied Mathematics: interuniversity collection of scientific papers]. 2021, no 27, pp. 40–43. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47398279> (accessed 03.05.2022). (In Russ.).

8. Arhipova I. A., Karbachinskaya N. B., Haritonova E. E. The problems of long time memory of the modern generation studying exact sciences and humanities. *Organizaciya uchebnoj i vospitatel'noj raboty v vuze* [Organization of educational work at the university]. Moscow, Russian State University of Justice Press, 2021, no. 10, pp. 164–169. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about the authors

Карбачинская Наталия Борисовна

Natal'ya B. Karbachinskaya

старший преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин,
Российский государственный уни-
верситет правосудия

Senior Lecturer of the General
Educational Studies Department of
Russian State University of Justice

117418, г. Москва, Новочерёмуш-
кинская ул., д. 69

69, Novocheryomushkinskaya St.,
Moscow, 117418, Russia

Харитоновна Елена Евгеньевна

Elena E. Kharitonova

старший преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин,
Российский государственный уни-
верситет правосудия

Senior Lecturer of the General
Educational Studies Department of
Russian State University of Justice

1117418, г. Москва, Новочерёмуш-
кинская ул., д.69

69, Novocheryomushkinskaya St.,
Moscow, 117418, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

24.05.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

16.07.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

05.09.2022

Периодическое издание

Человек. Культура. Образование

Научно-образовательный и методический журнал

№ 3 (45) 2022

Редактор Л. В. Гудырева

Корректор Е. М. Насирова

Верстка и компьютерный макет А. А. Ергаковой

Выпускающий редактор Л. Н. Руденко

Подписано в печать 12.09.2022. Дата выхода в свет 29.09.2022.

Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 10,7. Уч.-изд. л. 9,1.

Заказ № 64. Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Савина, 81